

В.Е.Майер

Деревня
и
город
Германии
в XIV-XVI вв.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

В. Е. МАЙЕР

ДЕРЕВНЯ И ГОРОД
ГЕРМАНИИ В XIV—XVI вв.

(развитие производительных сил)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД, 1979

*Печатается по представлению
Удмуртского государственного
университета имени 50-летия СССР*

В книге исследуются социально-экономические процессы, происходившие в немецкой деревне к западу от Эльбы под влиянием роста городов и успешного развития товарно-денежных отношений в период, предшествовавший Реформации и Крестьянской войне, рассматриваются прогрессивные тенденции в развитии производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений: 1) уровень и размеры специализации; 2) характер новых форм хозяйств; 3) процесс дифференциации сельского населения; 4) демографические сдвиги.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, а также всех интересующихся проблемами всеобщей истории.

Рецензенты: док. ист. наук проф. *Н. Ф. Колесницкий*,
док. ист. наук *А. Н. Чистозвонов*.

М $\frac{10605-7}{076(02)-79}$ 45—79. 0506000000

Издательство
Ленинградского
университета,
1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние полтора столетия лет написано немало внушительных по объему трудов о Реформации и ее руководителях, о ходе революционных выступлений крестьян и деятельности выдающихся руководителей крестьянских движений. Исследованы успехи раннекапиталистического развития в промышленности и торговле, выдающиеся достижения немецкого народа в области искусства, литературы и науки, проанализированы и охарактеризованы социальные и производственные взаимоотношения крестьян, ремесленников, купцов и феодалов. В данной связи особенно актуально специальное исследование развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в предшествующее Реформации время. При этом особенно важно выявить элементы того нового, которое было связано с ранним этапом зарождения элементов капитализма.

В решении важнейших проблем аграрной истории Германии XIV—XVI вв. направляющими для нас являются методологические принципы, разработанные марксистско-ленинской наукой применительно к процессу общественного развития. Особое значение имеют аграрные исследования В. И. Ленина. В них мы находим образцовую постановку и решение методологических проблем, лежащих в основе изучения проблем генезиса капитализма.

Главная цель настоящей работы сводится к изучению и анализу развития производительных сил в сельском хозяйстве под влиянием успехов товарно-денежных отношений и взаимосвязи между ними и аграрными отношениями. При этом мы ограничиваем территорию исследования районами Германии, расположенными к западу от Эльбы, что объясняется главным образом тем, что именно здесь начиная с XIV в. проявлялись наиболее заметно прогрессивные тенденции в развитии аграрного производства. Кроме того, здесь постепенно созревали те социальные силы, которые затем играли решающую роль в борьбе против феодальной реакции. Наконец, для этой части Германии сохранились по XIV—XVI вв. наиболее разнообразные и богатые по содержанию источники.

Сельское хозяйство и аграрные отношения в течение двух веков, предшествовавших Реформации и Великой Крестьянской войне, представляют большой интерес в исследовании тех новых общественных явлений, которые стали причиной обострения противоречий в феодальном обществе и которые при удачном исходе классовой борьбы могли бы стать необратимыми факторами в вытеснении феодальных устоев из сфер сельскохозяйственного производства и аграрных отношений.

В своей книге мы в первую очередь знакомим читателя в самых общих чертах с основными группами источников, собранных и изданных в разное время, и кратко остановимся на

характеристике буржуазной и марксистской литературы, посвященной проблемам аграрной истории Германии XIV—XVI вв. Особой задачей является критика западногерманской историографии 50-х—60-х годов нашего века, ставившей перед собой в качестве основной цели создание на основе учения Мальтуса собственной методологии изучения аграрных проблем указанного времени, чтобы затем при ее помощи пересмотреть ход всей истории.

На наш взгляд, разбор конкретных сторон прогрессивных тенденций в развитии сельского хозяйства не может вестись по установившейся в литературе схеме, в которой на первом месте стоит зерновое хозяйство, а за ним скотоводство и другие виды и отрасли сельскохозяйственного производства. Более целесообразно в первую очередь рассматривать те стороны земледелия, которые в период интенсивного развития его товарности оказались наиболее подвижными. И здесь наше внимание падает на скотоводство, особенно овцеводство. С XIV в. скотоводство в Германии переживало время быстрых структурных изменений и, кроме того, стремилось занять положение отдельной отрасли сельского хозяйства, что повлекло за собой значительные изменения во всей структуре сельскохозяйственного производства и в перегруппировке в нем производительных сил. В связи с этим обращается главное внимание вначале на проблемы развития прогрессивных сил в скотоводстве, затем в тех хозяйствах, которые были заняты выращиванием винограда, фруктов, овощей и технических или торговых культур. И только затем рассматриваются изменения, происходившие в наиболее ранней и наиболее крупной по масштабам отрасли сельского хозяйства — хлебопашестве. Это позволит нам более обстоятельно и обоснованно установить те новые процессы, которые происходили в хлебопашестве во взаимодействии с выделявшимися из него специализируемыми отраслями. В это время город как потребитель продуктов земледелия и обладатель денег оказывал огромное влияние на развитие сельского хозяйства. Растущее потребление города стимулировало процесс интенсификации и специализации в земледелии. Одновременно ростовщический капитал разорял как феодальных собственников земли, так и мелкокрестьянские хозяйства, содействуя таким образом заметным демографическим изменениям, а также имущественной и социальной дифференциации в деревне.

Книга является итогом длительной работы над источниками и литературой. Предварительные и окончательные результаты изысканий обсуждались в секторе истории средних веков Института всеобщей истории Академии наук СССР, работникам которого автор выражает глубокую признательность и благодарность.

Глава I

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Источники

Комплекс используемых в исследовании источников состоит из вейстюмов (уставов), актов, крестьянских жалоб, уркунден и регестов к ним, хроник, городских счетных книг, полицейских распоряжений, урбариев, описей земель, налоговых списков, агрономической литературы, юридических актов и постановлений и т. п. Все эти документы представлены в огромном количестве, прежде всего в многотомных публикациях послевоенного времени ГДР и ФРГ.

К наиболее богатым по содержанию источникам относятся вейстюмы.¹ В настоящей работе используются сборники вейстюмов Я. Гримма, Г. Лерша, К. Динклагге и В. Вейцзэкера. Гриммовские «Вейстюмы» содержат настолько богатые фактические сведения, что по праву их называют энциклопедией крестьянской жизни в средние века. Работу над сборником облегчают «Правовые древности Германии»² Я. Гримма, где он комментирует терминологию вейстюмов, и седьмой том указанного сборника вейстюмов, в котором содержатся именной и предметный указатели, составленные издателем последних трех томов сборника — Р. Шрэдером.

В остальных сборниках документы собраны по локальному признаку. Достоинством публикации Г. Лэрша являются солидное предисловие и систематизация вейстюмов по судебным округам. К. Динклагге поместил в своем издании только 50 «наиболее богатых по содержанию» вейстюмов бывшего герцогства

¹ Grimm J. Weistümer. Bd. I—VII. Berlin, 1957; Loersch H. Die Weistümer der Rheinprovinz. Bd. I. Bonn, 1900; Dinklage K. Fränkische Bauernweistümer. Würzburg, 1954; Weizsäcker W. Pfälzische Weistümer. Speyer, 1957. — Изданы также австрийские, люксембургские и моравские вейстюмы, которые, однако, возникли позже немецких и отражают иные общественные процессы.

² Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. Bd. I—II. Berlin, 1956.

Франконии, составленных и зачитывавшихся исключительно на крестьянских сходах. обстоятельное введение и подробные глоссы облегчают работу с ним. Однако жизнь крестьян в документах сборника отражена довольно односторонне, а взаимоотношения крестьян и феодалов почти совершенно не видны. В. Вейцзекер, как он сам подчеркивает, собрал только «настоящие» вейстюмы, к которым он относит такие, которые периодически зачитывались на крестьянских сходах, независимо от того, кем они были составлены. Крестьянская жизнь отражена в его сборнике шире, чем в сборнике К. Динклагера, но далеко не так полно, как у Я. Гримма.

Вейстюмы содержат огромное количество сведений о развитии производительных сил, состоянии полеводства, скотоводства, луговодства, зернового хозяйства, овцеводства, виноградарства, льноводства и т. п. К сожалению, тексты вейстюмов публикуются не полностью.³ В комплексе с другими источниками они составляют исключительно ценный материал для всестороннего изучения жизни немецкой деревни, особенно с XIV до XVI в.⁴

Интересно, что основной круг вопросов, обсуждаемых в вейстюмах, повторяется в крестьянских жалобах, составленных в дни накала Великой Крестьянской войны. Жалобы, как и вейстюмы, отражают своеобразие крестьянской жизни по районам. Обычно жалобы привлекаются при изучении классовой борьбы в деревне. Перед нами стоит другая задача — изучить их в целях выяснения материальной основы этой борьбы.

Крестьянские жалобы долгое время публиковались под названием «акты». Наиболее крупные сборники актов, содержащие преимущественно крестьянские жалобы, принадлежат Ф. Л. Бауману, О. Мерксу, Г. Францу и В. П. Фуксу.⁵ Кроме того, большое количество жалоб содержится в следующих сборниках документов: «Переписка капитана Швабского союза Ульриха Арцта» В. Фогта,⁶ «Источники к истории Крестьянской

³ Полные тексты вейстюмов содержат еще более ценные материалы хозяйственного значения. — Lamprrecht K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. Leipzig, 1885, S. 626; Inama-Sternegg K. Th. Über die Quellen der deutschen Wirtschaftsgeschichte. Wien, 1874, S. 20.

⁴ Подробнее о вейстюмах см.: Майер В. Е. 1) Уставы как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI в. — В кн.: СВ, вып. 8. М., 1956; 2) Новые издания вейстюмер. — Учен. зап. Пермского ун-та, 1964, № 117 и др.

⁵ Baumann F. L. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben. Freiburg, 1877; Merx O. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschland. Erste Abteilung. Berlin, 1923; Franz G. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschland. Bd. II, zweite Abteilung. Leipzig — Berlin, 1934; Fuchs W. P. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges in Mitteldeutschland. Bd. II. Jena, 1942.

⁶ Vogt W. Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmannes Ulrich Arzt. (Ohne Angabe), 1883.

войны в Ротенбурге ан дер Таубер» Ф. Баумана⁷ и «Источники к истории Крестьянской войны» Г. Франца.⁸

Во всех этих сборниках помещены также судебные приговоры, перечни претензий феодалов к крестьянам, квитанции о возмещении крестьянами убытков, нанесенных в ходе Крестьянской войны, протоколы допросов и т. д. и т. п.

Одним из наиболее многочисленных источников являются уркунден. Так называются удостоверения, или грамоты, закрепляющие определенные права или привилегии отдельных лиц.

Вместе с развитием товарно-денежных отношений, когда товаром стали феодальная собственность и права на землю, ренту, десятину и т. п., уркунден превратились в свидетельства о различных сделках. Их составляли монастыри, князья, городские советы, дворяне. Краткие описи и пересказы уркунден с большими купюрами из них и комментариями называются регестами. Хотя регесты и не являются полноценными источниками, они содержат обстоятельные сведения по существу уркунден. Поэтому при выяснении наиболее богатых уркунден обычно руководствуются регестами.

До второй мировой войны издавались только избранные уркунден. К ним относятся уркунден по истории Максимилиана I и его времени, изданные в 1845 г. И. Хмелем,⁹ уркунден по истории знатного рода Гейден из Вестфалии, изданные в 1857 г. Ф. В. Бартольдом.¹⁰ В 1909 г. В. Альтманн и Э. Бернхейм издали большое число уркунден с целью иллюстрации истории законодательства Германии в средние века.¹¹ Несмотря на специфическое содержание, все эти сборники дают исключительно ценные сведения социально-экономического характера. Однако значительно богаче в этом смысле сборник Г. Вopfнера, вышедший в 1928 г. и специально посвященный аграрной истории.¹² Материалы систематизированы в нем по территориальному признаку и охватывают район верхнего и нижнего течения Рейна, районы Гессена, Вюртемберга и Баварии. Из собранных в нем документов вырисовывается весьма наглядная картина прогрессивного развития агротехники в XIV—XVI вв.

⁷ Baumann F. L. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges aus Rotenburg an der Tauber. Stuttgart, 1878.

⁸ Franz G. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges. München, 1963.

⁹ Urkunden, Briefe und Aktenstücke zur Geschichte Maximilians I und seiner Zeit. Hrsg. von J. Chmel. Stuttgart, 1845.

¹⁰ Barthold F. W. Urkundliche Geschichte nebst Urkunden der Edlen Herrn von Heyden in Westfalen. Greifsfeld, 1857.

¹¹ Ausgewählte Urkunden zur Erläuterung der Verfassungsgeschichte Deutschlands im Mittelalter. Hrsg. von W. Altmann und E. Bernheim. Berlin, 1909.

¹² Urkunden zur deutschen Agrargeschichte. Bearb. von H. Wopfner. Stuttgart, 1928.

Ценные сведения по аграрной истории содержатся в урkunden отдельных городов. В сборнике бывшего имперского города Франкфурта, изданном в 1836 г. И. Ф. Бэмером,¹³ содержатся редкие сведения о сельских жителях, наделенных правом городских бюргеров, так называемых Pfahlbürger. Наибольшее число городских урkunden издано для Саксонии, Тюрингии и примыкающих к ним районов. Еще в прошлом веке были изданы урkunden Гальберштадта, Иены, Лейпцига и Эрфурта.¹⁴ Традиция издавать урkunden городов этих территорий подхвачена и успешно продолжается учеными ГДР. Наиболее объемный и содержательный сборник урkunden издается по городу Галле.¹⁵ Все эти сборники наряду с другими материалами в изобилии содержат факты по аграрной истории Саксонии, Тюрингии и соприкасающихся с ними земель.

С 50-х годов оживилось издание урkunden в ФРГ. Это объясняется тем, что по землям, вошедшим в состав ФРГ, до указанного времени было издано сравнительно мало урkunden и, кроме того, ряд буржуазных историков по-прежнему убежден в том, что историческая наука может прийти к верным выводам только после изучения всех документов.¹⁶ Наибольшую издательскую деятельность развернула Баварская краеведческая комиссия при Баварской Академии наук. Она издает документы из архивов отдельных монастырей. Среди изданных комиссией преобладают документы XIV—XVI вв. В них содержатся сведения о крепостных Швабии, например, о продаже крепостных вместе с землей, клятве жить на одном месте, выкупе крепостных родственниками и городами.¹⁷ В них встречаются данные о неизвестных волнениях крестьян и жестоком их подавлении.¹⁸

Особое место занимают урkunden о продаже мельниц и лесопилок¹⁹ с указаниями размеров и мощности их, а также о куп-

¹³ *Urkundenbuch der Reichsstadt Frankfurt*. Hrsg. von J. F. Boemer. Teil I. F. a/M., 1936.

¹⁴ *Urkundenbuch der Stadt Halberstadt*. Teil I. Bearb. von G. Schmidt. Halle, 1878; *Urkundenbuch der Stadt Jena und ihrer geistlichen Anstalten*. Hrsg. von J. E. Martin. Bd. I (1182—1405). Jena, 1888; *Urkundenbuch der Stadt Leipzig*. Bd. II. Hrsg. von K. F. von Posern-Kleit. Leipzig, 1870; *Urkundenbuch der Stadt Erfurt*. Teil I. Bearb. von C. Beger. Halle, 1880.

¹⁵ *Urkundenbuch der Stadt Halle, ihrer Stifter und Klöster*. Teil III, Bd. I (1351—1386). Halle (Saale), 1952; Teil III, Bd. II (1387—1403). Halle, 1954.

¹⁶ *Baumann F. L. Akten zur Geschichte...*, S. 4.

¹⁷ *Die Urkunden und Urbare des Klosters Schäftlarn*. Bearb. von A. Weissthammer. München, 1957, S. 204, 206—207, 215, 216; *Die Urkunden des Hochstifts Augsburg (769—1420)*. Bearb. von W. E. Vock. Augsburg, 1959, S. 179, 192.

¹⁸ *Ibid.*, S. 325.

¹⁹ *Die Urkunden des Klosters St. Veit (1121—1450)*. Bearb. von H. Hör. München, 1960, S. 93; *Die Urkunden des Hochstifts Augsburg*, S. 226, 282.

ле и привозе из-за границы породистого скота.²⁰ В документах, где речь идет о продаже крестьянских наделов, приводятся данные о размерах и видах ренты, обязательных сроках внесения ренты, качестве сдаваемых продуктов, особенно зерна, различных штрафах за нарушение условий держания земли.²¹ С XIV в. усиливается поток уркунден, содержащих сведения о капитализации феодальных прав на лены, ренту, десятину, на суд и о начальном этапе появления ипотек.²²

В документах из церковных и городских архивов Нердлингена и Кауфбеурена²³ особенно подробно говорится о формах аренды — срочной, пожизненной, «на одну, две, три и более жизней», издольной, половинной и т. д. В приложении к уркунден Кауфбеурена приводятся первые известные налоговые списки города с 1479 по 1483 г. Не менее содержательные уркунден помещены в сборнике документов монастыря Обершэненфельд.²⁴ Издаваемые Баварской краеведческой комиссией сборники дополняют друг друга: в них содержатся не только однотипные документы, но также и сведения о сделках, совершаемых одними и теми же лицами.

Параллельно с баварскими публикуются уркунден Гессена. Особенно богаты фактами аграрной истории материалы, извлеченные из архивов верхнегессенских монастырей: Кальдерн, Георгенберг, Хохборн и Дома ордена Ионнитов.²⁵ Много фактов дают также архивные материалы монастырей и богаделен, расположенных вдоль течения реки Лан, среди которых выделяются лимбургские монастыри францисканцев, бегинов и вильгельмитов, богадельни Георга возле Лимбурга, св. Лубенция,²⁶ св. Марии, св. Севера и св. Мартина,²⁷ госпиталь св. Духа.²⁸

По богатству содержания к документам, хранящимся в указанных архивах, примыкают уркунден аббатств Альтенберг²⁹ и

²⁰ Ibid., S. 250.

²¹ Die Urkunden des Klosters St. Veit, S. 51, 52, 74—75.

²² Die Urkunden des Hochstifts Augsburg, S. 178; Die Urkunden des Heiliggeistspitals in München (1250—1500). Bearb. von H. Vogel. München, 1960, S. 157.

²³ Die Urkunden der Stadt Nördlingen (1350—1399). Bearb. von K. Puchner und G. Wulz. Augsburg, 1956; Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren (1250—1500). Bearb. von R. Dertsch. Augsburg, 1955.

²⁴ Die Urkunden des Klosters Oberschönenfeld. Bearb. von K. Puchner. Augsburg, 1953.

²⁵ Die Oberhessischen Klöster. Regesten und Urkunden. Bd. I. Hrsg. von F. Schwunder. Marburg, 1961.

²⁶ Quellen zur Geschichte der Klöster und Stifte im Gebiet der Mittellahn bis zum Ausgang des Mittelalters. Bearb. von W. H. Struck. Bd. I. Wiesbaden, 1956.

²⁷ Quellen zur Geschichte der Klöster und Stifte... Bearb. von W. H. Struck. Bd. II. Wiesbaden, 1956.

²⁸ Ibid., Bd. I.

²⁹ Urkundenbuch der Abtei Altenberg. Bearb. von H. Mosler. Bd. I (1138—1400). Bonn, 1912; Bd. II (1400—1803). Düsseldorf, 1955.

Эбербах,³⁰ собранные и изданные в качестве приложения к монографии Я. Зена, и уркунден Фридберга, опубликованные еще в 1904 г.³¹

Наряду с уркунден мы используем при изучении аграрных проблем XIV—XVI вв. городские хроники. Общая характеристика этого вида источников хорошо известна, поэтому мы ограничиваемся ссылкой на наиболее ценные сборники. К ним относятся хроники Люнебурга³² и Майнца³³ и так называемые полицейские распоряжения Вюрцбурга и Нюрнберга.³⁴

Среди документов важное место занимают расчетные книги г. Мюнстера за 1447, 1448 и 1452 гг.³⁵ Неожиданно богатые факты по аграрной истории содержатся в источниках правового характера г. Фрицлара³⁶ и торговых сделках Кельна.³⁷

В отличие от других документов счетные книги (Lagerbücher), или урбарии (Urbare), и земельные описи (Landregister) дают в социально-экономическом плане целостное представление о развитии отдельных районов. Характерно, что счетные книги и земельные описи возникают почти одновременно во многих местах с середины XIV в., что свидетельствует о действии на большой территории Германии общих причин, приводивших к их появлению. В 1934 г. крупный знаток вюртембергских архивов К. О. Мюллер выпустил первый значительный сборник подобных документов под названием «Старовюртембергские урбарии времен графа Эбергарда Драчливого (1344—1392),³⁸ снабдив его обстоятельным предисловием и многочисленными таблицами.

В 1951 г. К. О. Мюллер опубликовал первый том сборника «Источники к истории управления и экономике графства Гогенберг».³⁹ Через шесть лет, в 1959 г., был опубликован и второй том данного сборника. Документы, собранные в указанных двух томах, значительно богаче старовюртембергских. Это бухгал-

³⁰ Söhn J. Geschichte des wirtschaftlichen Lebens der Abtei Eberbach im Rheingau, vornehmlich im 15. und 16. Jh. Wiesbaden, 1914.

³¹ Urkundenbuch der Stadt Friedberg. Marburg, 1904.

³² Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Stuttgart, 1931.

³³ Die Chroniken der mittelrheinischen Städte. Mainz — Leipzig, 1851.

³⁴ Würzburger Polizeisätze. Gebote und Ordnungen des Mittelalters (1125—1495). Hrsg. von H. Hoffmann. Würzburg, 1955; Nürnberger Polizeiordnungen aus dem 13. bis 15. Jh. Hrsg. von J. Bader. Stuttgart, 1861.

³⁵ Die Kämmererechnungen der Stadt Münster über die Jahre 1447, 1448 und 1452. Hrsg. von W. Jappe Alberte. Gronningen, 1960.

³⁶ Quellen zur Rechtsgeschichte der Stadt Fritzlar im Mittelalter. Bearb. von K. E. Demandt. Marburg, 1939.

³⁷ Quellen zur Geschichte des Kölner Handels und Verkehrs im Mittelalter. Bd. 3. Hrsg. von B. Kuske. Bonn, 1923.

³⁸ AWU.

³⁹ Quellen zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der Grafschaft Hohenberg. Bearb. von K. O. Müller. Teil I. Stuttgart, 1953; Teil 2. Stuttgart, 1959.

терские отчеты о доходах и расходах собственников и владельцев графства Гогенберг. Значение их заключается в том, что они — самые ранние из известных нам счетных книг, кроме того, ими охватывается обширная территория. Опираясь на данные документы, мы можем характеризовать в статистическом плане время с 1393 по 1454 г.

Замечательные по содержанию урбарии были изданы П. Шварцем в двухтомном сборнике «Старовюртембергские счетные книги времен австрийского господства 1520—1532 гг.».⁴⁰ Среди них преобладают описи имущества и земли с указанием взимаемой с них ренты и других поборов.

Для XIV—XVI вв. имеется немалое число агрономических произведений, о которых обычно забывают буржуазные историки по той причине, что эти произведения не содержат сведений о крупном зерновом хозяйстве помещиков. К ним относится в первую очередь «Книга природы» регенбургского каноника Конрада фон Мегенберга.⁴¹ Еще И. Виммер метко назвал ее «зеркалом огородной культуры того времени». В своем труде Мегенберг ссылается на произведения, написанные на латинском, греческом и арабском языках. Главные сведения в этой книге относятся к огородничеству, садоводству и виноградарству. Все рекомендации Мегенберг адресует мелким производителям, крестьянам.

В 70-х годах XV в. в Германии была издана знаменитая книга болонского сенатора Кресцензия (1203—1309) «*Ruralium commodorum*», написанная на основе агрономических трудов Варрона, Катона, Колумеллы и собственного опыта сенатора. До 1494 г. она издавалась в Германии 11 раз, из них 4 раза на немецком языке. Неоднократно за это время издавались также отрывки из произведений Колумеллы, целиком относящиеся к садоводству. В 1498 г. в Майнце была напечатана на немецком языке «Книга о фруктах, деревьях и травах».⁴² Кроме того, в конце XV в. печатались многочисленные календари с советами земледельцам. В начале XVI в. Иоганном Буцбахом было написано небольшое произведение под названием «Книжечка путешествий Иоганна Буцбаха. Хроника странствующего ученика», которое возникло как результат собственных наблюдений автора.⁴³

О состоянии сельскохозяйственного производства в более широком плане впервые говорится в «Книжечке Энгельмана».

⁴⁰ *Altwürttembergische Lagerbücher aus der österreichischen Zeit (1520—1532)*. Bd. I. Stuttgart, 1958; Bd. II. Stuttgart, 1959.

⁴¹ Мегенберг К. von. *Das Buch der Natur*. Hrsg. von F. Pfeiffer. Stuttgart, MDCCCLXI.

⁴² Janssen J. *Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters*. Bd. I. Freiberg, 1893, S. 363.

⁴³ Des Johannes Butzbach *Wanderbüchlein*. Chronika eines fahrenden Schülers. Leipzig, 1918, S. 81—82.

Так обычно называется описание хозяйственного двора Майнцского архиепископа в Эрфурте, составленное управляющим этого двора Энгельманом и, изданное в середине прошлого века А. Михельсеном.⁴⁴

В качестве источника по аграрной истории может быть использовано и законодательство территориальных князей. Важнейшие данные о развитии сельского хозяйства содержатся в законах герцогов Вюртемберга, изданных А. Рейшером.⁴⁵

Аналогичные материалы мы находим и в законах саксонских герцогов.⁴⁶ В сборнике, изданном в 1583 г., помещены законы братьев Эрнста и Альбрехта 1482 г. и герцога Морица 1543 и 1550 гг. Значение имеет уже то обстоятельство, что герцоги Саксонии предпосылали каждому закону предисловие, в котором они объясняли причины, побудившие их издавать соответствующий закон.

Законы территориальных князей особенно подчеркивают необходимость борьбы с нищенством. Проблема нищенства беспокоила и общественность. Известный реформатор Андреас Карлштадт выступил в 1522 г. с брошюрой, направленной против нищих.⁴⁷ Современников все больше захватывала идея создания продовольственных амбаров для накопления там запасов, которые можно было бы использовать в неурожайные годы для подкармливания нищенствовавших бродяг.

Давая общую характеристику используемых документов, следует особо отметить то новое, что отражало эпоху.

1. Первые по времени документы, исключительно хозяйственного содержания, составлялись на немецком языке с середины XIV в. Наряду с ними вопросы экономической и социальной жизни Германии получали отражение в юридических документах, жалобах и законах.

2. Наибольшее количество документов, содержащих материалы социально-экономического характера, относится к концу XV — началу XVI в. Если учитывать многочисленные крестьянские жалобы, составленные в 1524—1525 гг., то не остается сомнения, что Великая Крестьянская война была кульминационной точкой не только в тогдашней классовый борьбе, но и в общем потоке составления документов, отражавших наиболее полно и наиболее достоверно жизнь деревни. Позже, приблизи-

⁴⁴ Michelsen A. L. F. Der Mainzer Hof zu Erfurt am Ausgange des Mittelalters. Jena, 1855.

⁴⁵ Reyscher A. H. Vollständige historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze. Bd. 12. Tübingen, 1841.

⁴⁶ Ordnung so Herzog Ernst Churfürst (und Herzog Albrecht von Sachsen-Gebrüdere) etc. von wegen mancherlei gebrechen im Lande aufgericht. Dresden — Bergen, 1583.

⁴⁷ Karlstadt A. Von Abtuhung der Bilder und das Keyn bedtler unther den Christen sein sollen und die Wittenberger Beutelordnung. Hrsg. von H. Lietmann. Bonn, 1911.

тельно к середине XVI в., процесс оформления подобных документов почти полностью прекратился, и постепенно стал осуществляться переход к составлению документов совершенно иного направления и иными социальными группами.

3. При выяснении основного направления в развитии сельского хозяйства нельзя не считаться с тем, что в документах почти не содержится сведений о зерновом хозяйстве. Источники главным образом говорят об изменениях в скотоводстве, прежде всего овцеводстве, а в специальной агрономической литературе XIV—XVI вв. говорится исключительно о развитии огородничества, овцеводства и виноградарства.

4. Самое большое число документов в указанное время составлялось по инициативе крестьян и горожан. Этот факт заставляет сомневаться в точке зрения, согласно которой сеньоры в то время играли роль, которую буржуазные историки обычно приписывают прусским юнкерам. В центре внимания исследователя аграрных проблем XIV—XVI вв. в Германии должно стоять мелкое хозяйство крестьян и в известной мере горожан, поскольку последние далеко не все и не полностью оторвались от земледелия.

5. Весьма показательно, что в документах изучаемого времени нет даже намеков на то, что в XIV—XVI вв. по причине отсутствия рабочей силы или в результате массового вымирания людей пустовали земли. Более того, при наличии значительного количества пустовавших земель в деревне насчитывалось немало малоземельных и безземельных, которые при достаточном материальном обеспечении могли бы браться за ведение «обезлюдивших хозяйств».

Историография

Аграрная проблематика XIV—XVI вв. привлекала внимание нескольких поколений немецких буржуазных историков. И хотя среди опубликованных работ преобладают конкретные исследования как правило локально ограниченных явлений, в них на основе определенных теоретических воззрений определяются и наиболее характерные черты времени, главная, с точки зрения этих ученых, линия причинно-следственных связей.

Благодаря обстоятельным исследованиям советских историков хорошо известны исторические взгляды и методы крупнейших буржуазных историков аграрной истории Германии О. Гирке, К. Лампрехта, Т. Инамы-Штернега, А. Допша, Р. Кэчке, Т. Майера.⁴⁸

⁴⁸ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; Смирин М. М. 1) Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955; 2) Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952; Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958, и др.

Поскольку в центре внимания всех наиболее крупных современных буржуазных историков находится проблема обезлюдения сельских мест в XIV—XV вв., нам хотелось бы обратить на нее особое внимание.

Еще в конце прошлого века К. Т. Инама-Штернег, К. Лампрехт и другие ученые заметили своеобразное явление в истории Германии XV—XVI вв.: в результате каких-то невыясненных причин исчезло большое число ранее зарегистрированных населенных пунктов и забрасывались земли, находившиеся до того под плугом.

Однако обезлюдение сельских мест не сразу привлекло внимание историков. До 40-х годов им занимались в первую очередь географы.

Начало изучению обезлюдивших мест XV—XVI вв. положил австрийский географ Альфред Грунд, выпустивший в 1901 г. свое ставшее широко известным исследование «Изменения топографии Венского леса и Венской котловины».⁴⁹ Сопоставляя факты, Грунд пришел к выводу, что наибольшее количество земли обезлюдело в конце XV и в XVI в. — по его подсчетам не менее 28,6% от общего числа существовавших ранее населенных пунктов.⁵⁰ Грунд высказал мнение, что обезлюдение охватило тогда не только всю Германию, но и другие страны Европы, особенно Англию.⁵¹ Позже географ Гейнц Поленд пришел к выводу, что главной областью частичного запустения земель является Центральная Германия. За этой областью следует Южная Германия — Бавария и Баден-Вюртемберг, Рейнские сланцевые горы, где сравнительно меньше обезлюдивших мест, далее идут северо-западная Германия и, наконец, некоторые районы к востоку от Эльбы.⁵² Доля обезлюдивших мест от общего числа сельских населенных мест по последним подсчетам составляет: для Центральной Германии 40—69%⁵³, для северо-западной и южной Германии — от 20 до 39%, для Рейнского Пфальца — 33%.⁵⁴ Для областей к востоку от Эльбы цифровые данные отсутствуют.

В ходе исследований между буржуазными учеными возникало все больше разногласий в объяснении причин, вызвавших обезлюдение. Грунд, отвергая выдвинутые до него причины — междоусобные войны, Крестьянскую войну и объяснения «монетарной теории», указал на три причины: плохие почвенные

⁴⁹ Grund A. Die Veränderungen der Topographie im Wiener Walde und Wiener Becken. Leipzig, 1901.

⁵⁰ Ibid., S. 129.

⁵¹ Ibid., S. 193—194.

⁵² Po l e n d H. Die Verbreitung der mittelalterlichen Wüstungen in Deutschland. — «Göttingener geographische Abhandlungen», 1950, H. 3, S. 16—20.

⁵³ A b e l W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Zweite veränderte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 1955, S. 5—6.

⁵⁴ A b e l W. Wüstungen und Preisfall im spätmittelalterlichen Europa. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 5—6, S. 383.

условия, неподходящий климат и отсутствие необходимой плотности населения.⁵⁵ Эти неблагоприятные условия, по мнению Грунда, разоряли все население, начиная с беднейших и кончая богатыми, и они покидали «ошибочно» заселенную территорию.

Воззрения Грунда на причины обезлюдения впоследствии развивались другими исследователями и получили название «теории ошибочного поселения». В настоящее время большинство ученых считает, что причины, выдвигаемые этой теорией, могли иметь место в любой период исторического развития.

Широкое распространение получила «теория концентрации» нескольких населенных пунктов в одном, наиболее крупном, сторонником которой является Г. Бешорнер.⁵⁶

До 50-х годов только В. Абель пытался объяснить причины обезлюдения с иных позиций. В 1935 г. он впервые выдвинул известную теорию «аграрного кризиса».⁵⁷ Считая, что непосредственной причиной ухода крестьян с насиженных мест являлось падение цен на сельскохозяйственные продукты, он уже тогда, опираясь на труды Мальтуса, Уэста, Юнга и других, утверждал, хотя и весьма осторожно, что причиной падения цен в XIV—XVI вв. являлось сокращение народонаселения.⁵⁸

До конца 40-х годов, несмотря на выявление все новых фактов обезлюдения, причины его не только не были хотя бы приблизительно определены, но все больше основная часть исследователей отходила от выяснения социально-экономических причин этого явления. В то же время Абель настойчиво выдвигал свое мальтузианское представление о вечных законах природы, влияющих на народонаселение.⁵⁹ Причины обезлюдения, таким образом, все более запутывались и мистифицировались. На примере теорий, объясняющих причины обезлюдения сельских мест в XV—XVI вв., наглядно виден кризис буржуазной исторической науки, начавшийся в конце XIX в.

Попытки преодолеть его предприняли в первые годы существования ФРГ Ф. Лютге, В. Абель и Э. Кельтер. По существу, эти историки поставили перед собой задачу выработать такие теоретические установки по изучению истории, которые давали бы буржуазным ученым возможность противостоять растущему в Западной Европе влиянию марксистско-ленинского учения о закономерностях исторического развития человеческого общества. Первый наиболее решительный и основополагающий шаг в этом направлении предпринял Ф. Лютге в статье «XIV—XV века

⁵⁵ Grund A. Op. cit., S. 134.

⁵⁶ Beschöner H. Wüstungsverzeichnisse. — In: Deutsche Geschichtsblätter. Bd. VI. Gotha, 1905, S. 11.

⁵⁷ Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.

⁵⁸ Ibid., S. 169.

⁵⁹ Abel W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Stuttgart, 1943.

в социально-экономической истории».⁶⁰ Данная статья открыла на страницах журнала «Ежегодники по национальной экономике и статистике» дискуссию, в которой приняли участие историки не только ФРГ, но и других западноевропейских стран.

Авторы новой теории не скрывали своих намерений. «Нет сомнения, — писал Лютге, — что только теория в состоянии дать нам те взгляды, благодаря которым возможно охватить изобилие фактов, отбирать из них все ценное и отбрасывать ненужное».⁶¹ То, что стремление создать свою теорию было направлено против марксизма, высказал более определенно Абель: «Времена методологического спора прошли, историки всего мира, в том числе даже восточные (хотя у них там свои взгляды), руководствуются теорией, чтобы разобраться в джунглях фактов».⁶²

Лютге неоднократно подчеркивал, что XIV—XVI вв. не являются предметом специального изучения и должны послужить материалом для общих теоретических построений, которые возможно использовать при изучении и других эпох в истории человечества. Предпочтение именно этим векам отдается потому, что они менее всего изучены, вследствие чего к ним не применялась какая-либо теория. Говоря о главном свойстве искомой универсальной теории, Абель отмечает, что ее принципы должны быть ясными и доступными для широкого круга исследователей. Поэтому лучше всего, пишет Абель, брать от «классиков» (к ним он относит известных апологетов капитализма Мальтуса, Рошера, Тюнена и Кейнса) наиболее «простые модели их учения об исторической закономерности, чтобы, ориентируясь на них, написать заново всю экономическую историю человечества, начиная от шумеров и фараонов».⁶³

В упомянутой статье Лютге отрицает объективную закономерность развития производительных сил и производственных отношений и полностью игнорирует классовую борьбу как движущую силу общественного развития. Вслед за Мальтусом Лютге считает, что решающую роль в историческом развитии человеческого общества играет народонаселение, рост и сокращение которого целиком зависят от вечных законов природы.⁶⁴

⁶⁰ Lütge F. Das 14.—15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, II. 3.

⁶¹ Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Ein Überblick. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1952, S. VIII.

⁶² Abel W. Zur Entwicklung des Sozialprodukts in Deutschland im 16. Jahrhundert. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1961, Bd. 173, H. 5, S. 449. — См. по данному вопросу: Данилов А. И. Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ. — СВ, 1959, XV.

⁶³ Abel W. Zur Entwicklung des Sozialprodukts. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1961, Bd. 173, H. 3, S. 449.

⁶⁴ Lütge F. Das 14.—15. Jahrhundert. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, H. 3, S. 167.

Основываясь на этом теоретическом положении, Лютге считает, что Германия и вся Центральная Европа к началу XIV в. подошли в своем развитии к определенному рубежу, за которым численность населения стала значительно превышать необходимое ему количество земли и капитала. Дальнейшее развитие в этом направлении, разъясняет он в другой статье, привело бы ко всеобщему обеднению, постепенному вымиранию, эмиграции и т. п.⁶⁵ Правда, со свойственным ему эклектизмом Лютге допускает, что положение могло быть спасено интенсивным капиталовложением в сельское хозяйство и применением более современных технических методов производства, что имело место в отдельных частях Нидерландов и Северной Италии.⁶⁶ Но в Германии этого не случилось, так как неожиданно произошла «разрядка» — в результате катастрофического сокращения народонаселения, имевшего якобы «революционное значение». Как утверждает один из самых рьяных защитников этого «открытия» Э. Кельтер, результаты катастрофы были «колоссальными», поскольку прежняя «социально-экономическая структура общества была ею взорвана».⁶⁷

В чем же видят Лютге и его защитники проявления катастрофы, приведшей к столь невиданным общественным сдвигам? — В «черной смерти» 1347—1350 гг. и последовавших за ней эпидемиях 1357—1362, 1370—1376 и 1380—1383 гг. Идея о решающей силе в образе «черной смерти» — основополагающая в теории Лютге, и он защищает ее с таким рвением, что в конце концов готов согласиться даже с «бессмысленным», как он выражается, термином, «средние века», чтобы тут же над ним произнести приговор: «Средние века пришли около 1350 г. к своему концу».⁶⁸ Именно в том, что Лютге «раскрыл» и «обословал» «революционный характер этой великой катастрофы народонаселения» и отнес конец средних веков к XIV в., Кельтер видит его главную заслугу перед исторической наукой.⁶⁹ Хотя еще в 1943 г. Абель в первом издании своей работы «Обезлюдение в конце средневековья» при рассмотрении вопросов так называемого «аграрного кризиса» XIV—XVI вв. (который он тогда не считал еще началом новой эпохи) на первый план выдвигает «черную смерть», после выхода в свет статьи Лютге он спешит присоединиться к теоретическим установкам последне-

⁶⁵ Lütge F. Die wirtschaftliche Lage Deutschlands vor Ausbruch des Dreißigjährigen Krieges. — «Jbb. f. NÖ. St.», 1958, Bd. 170, H. 1/3, S. 43.

⁶⁶ Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, S. 45.

⁶⁷ Kelter E. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14. und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 2—3, S. 162.

⁶⁸ Lütge F. Das 14.—15. Jahrhundert. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, H. 3, S. 213.

⁶⁹ Kelter E. Das deutsche Wirtschaftsleben. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 2—3, S. 162.

го,⁷⁰ чтобы под его углом зрения уточнить свои взгляды на явление обезлюдивших мест. В связи с этим он дополняет и заново издает свою книгу, посвященную этой проблеме.⁷¹

Характерно, что из многочисленных катастроф, — эпидемий, голода, войн, имевших место в феодальном обществе, Лютге выделяет именно «черную смерть» 1347—1350 гг. Определяющее в таком выборе, как он сам это подчеркивает, — не то, что во время «черной смерти» и других эпидемий погибали миллионы людей и местами население сокращалось наполовину, а то, что одновременно с сокращением числа людей оставались нетронутыми поля и накопленные богатства. Если людям, пережившим войны, которые якобы только тогда велись варварскими методами,⁷² — опустошенные поля, разрушенные дома, пустые закрома, разбитые инструменты и т. д., то выжившим после «черной смерти» и эпидемий повсюду оставались переполненные сундуки, накопленные богатства, готовые жилища и т. п.⁷³

Немаловажную роль в выборе «черной смерти» в качестве своеобразной панацеи сыграл и тот факт, что она была обще-европейским явлением. Это обстоятельство могло бы, по мнению Лютге и Абеля, объединить усилия буржуазных ученых разных западноевропейских стран в пересмотре всей истории XIV—XVI вв. с «новых» теоретических позиций и способствовать распространению «новых» взглядов.⁷⁴

Конкретизируя свое воззрение на «революционную роль» этого общеевропейского феномена, Лютге заявляет, что для периода истории, начавшегося «черной смертью», характерны на первых порах глубокий упадок всей экономической жизни и аграрная депрессия. И, как это ни странно, именно упадок Лютге и расценивает как своеобразный «качественный скачок» в «социально-экономической структуре» общества.

«Черную смерть» как «решающую» силу исторического развития в XIV—XV вв. Лютге связывает с так называемым «аграрным кризисом», существование которого к 50-м годам XX в. признавалось большинством буржуазных историков. Сама тео-

⁷⁰ Abel W. Wüstungen und Preisfall im spätmittelalterlichen Europa. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 5—6.

⁷¹ Abel W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Zweite veränderte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 1955.

⁷² Lütge F. Das 14.—15. Jahrhunderts. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, H. 3, S. 171

⁷³ Ibid., S. 169—170. См. также: Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, S. 146, etc.

⁷⁴ Lütge F. Das 14.—15. Jh. . . — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, H. 3, S. 166. См. также материалы дискуссии по этой статье на страницах «Jbb. f. NÖ. u. St.» начиная с 1950 г. На тенденции распространить «новые» взгляды сказались послевоенная западногерманская «идея европейского единства», сторонниками которой с момента ее возникновения объявили себя Лютге, Абель, Кельтер и др.

рия «аграрного кризиса» XIV—XVI вв., как известно, была еще в 1935 г. выдвинута Абелем, хотя ей и не придавалось то значение, которое ей стали приписывать позже. Основное содержание этой теории, изложенное Абелем, сводится к тому, что в XIV—XVI вв. якобы образовались «ножницы», своеобразный разрыв между высокими ценами на промышленные (ремесленные) товары и низкими ценами на сельскохозяйственные продукты, что резко ухудшило условия производства в земледелии и вызвало уход части населения в города.⁷⁵ И сам термин, и представление об «аграрном кризисе» взяты целиком из книги М. Зеринга,⁷⁶ в которой, однако, говорится не о XIV—XVI вв., а о XX в.

Как утверждает Лютге, «черная смерть», низкие цены на сельскохозяйственные продукты и «аграрный кризис» в целом привели к тому, что наиболее предприимчивые крестьяне, перебравшись в обезлюдевшие в то время города, захватывали оставшееся там имущество и этим самым положили начало невиданному расцвету городов в так называемый период бюргерства (XIV—XVI вв.).

Социальный смысл «новых» теоретических положений западногерманских историков наиболее ярко выступает в части рассуждений о последствиях «аграрного кризиса» для деревни. По мнению Лютге, от «аграрного кризиса» XIV—XVI вв. выиграли исключительно крестьяне: наиболее предприимчивые из них уходили в города, оставшиеся же захватывали земли соседей, пополняли свои земельные ресурсы и, пользуясь малой своей численностью, добились снижения ренты. Сеньоры же, по Лютге, проигрывали.⁷⁷ Правда, при этом и Абель и Лютге допускают, что феодалы, так же как крестьяне, могли захватывать брошенные земли, но только с целью создать себе потенциальное преимущество на случай нового расцвета земледелия, а совершенно не затем, чтобы вести хозяйство.⁷⁸

Мы уже указывали, что «новая» теория, мальтузианская по своей сущности, связана с учением об обезлюдении, которое было не в состоянии найти правильные пути решения социально-экономических проблем и определить причинно-следственные связи между характерными для XV—XVI вв. явлениями. Сто-

⁷⁵ Барг М. А. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. — ВИ, 1960, № 8.

⁷⁶ Sehring M. Agrarkrisen und Agrarzölle. Berlin, 1925. См. также: Abel W. 1) Wüstungen und Preisfall. . . , S. 404; 2) Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 107.

⁷⁷ Lütge F. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, S. 150.

⁷⁸ Lütge F. Vergleichende Untersuchungen über die landwirtschaftlichen Grossbetriebe seit dem Ausgang des Mittelalters. — ZAA, 1961, H. 2, S. 197. См. также: Abel W. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 60.

сторонники «новой» теории видели слабые стороны этого учения и старались их устранить, не выходя за его рамки. Более того, предложив «радикальную» теорию, ее защитники бесспорно дали заметный толчок дальнейшим модификациям учения об обезлюдении.

Все это заставляет нас подчеркнуть тесную связь в дальнейшем между теорией, выдвинутой Лютге, и исследованиями об обезлюдивших местах. Лютге, а вслед за ним Абель и Кельтер рассматривают количественные данные об обезлюдивших местах, добытые многочисленным отрядом ученых, как «неопровержимое» доказательство сокращения сельского населения. При этом они не могут отрицать, что «черная смерть» в силу ряда обстоятельств, особенно гигиенических условий, должна была свирепствовать в городах не меньше, а больше, чем в деревне. Но многочисленные городские документы говорят об увеличении количества городского населения в XV—XVI вв. Из этого противоречия Лютге, Абель и Кельтер пытаются выйти, признавая передвижение сельского населения из деревни в город. Факт этот в действительности неоспорим. Все дело только в том, что причины такого передвижения связаны не с природой, а с социально-экономическими процессами, как это и показано в настоящей работе.

Лютге и его сторонники не могли не видеть, что «черная смерть» хронологически слишком далеко отстоит от процесса обезлюдения. Все исследователи до появления указанной статьи Лютге говорили об обезлюдивших местах начиная с XV—XVI вв., исключая, следовательно, век, в течение которого и было больше всего эпидемий. В силу этого сторонникам нового объяснения причин обезлюдения пришлось изменить хронологические рамки действия самого «революционного» факта. Начало обезлюдения они перенесли с XV в. на середину XIV в., а конец его — с 1600 г. на 1470—1480 гг., связывая, таким образом, обезлюдение сельских мест исключительно с «черной смертью» и ее последствиями. Насколько, однако, такое перенесение хронологических рамок противоречит действительному положению, лучше всего видно на примере исследования Г. Лейнгэртнера, осуществленного в разгар процветания «новой» теории. Автор, опираясь на модель Лютге — Абеля, относит конец процесса обезлюдения к 1470 г., хотя из 45 обезлюдивших мест, выясненных им, 7 (15%) относится к более позднему времени, вплоть до 1569 г. Кроме того, Лейнгэртнер считает, что 10 из них (22%) образовались, «вероятно, в XIV—XV вв.». Наконец, Лейнгэртнер ошибочно считает, что встречающееся в нескольких документах выражение «произошло раньше, чем помнят люди», всегда обозначает время больше 100 лет. Грунд, кстати, приводит пример, когда в одном документе употребляется выражение «она опустела раньше, чем помнят люди», в то время как из другого выясняется, что деревня еще за 60 лет до этого

существовала. Таким образом, деревня опустела менее чем за 60 лет, а о ней говорят, что не помнят, когда это случилось.⁷⁹

Стремясь занять ведущее место среди буржуазных медиевистов, создатели новой западногерманской теории вынуждены признавать некоторые успехи в развитии производительных сил в XIV—XV вв., хотя по их мнению, сельское хозяйство в целом в этот период переживало глубокий упадок. Абель, например, в своих конкретных исследованиях (которые, бесспорно, являются положительным вкладом в аграрную историю) приводит немало убедительных фактов из истории XIV—XVI вв., свидетельствующих о заметных успехах в то время виноградарства, садоводства, производства масляничных и технических культур — льна, конопли, вайды, хмеля, краппа и др., а также скотоводства, особенно овцеводства.⁸⁰ Однако когда дело доходит до выяснения причин явления, исследователь возвращается к своему «трафарету»: низкие цены на хлеб заставляли крестьян забрасывать свои поля; феодалы захватывали заброшенные земли по праву, а потом подыскивали им «относительно лучшее (согласно учению Тюнена) применение».⁸¹ Социальная сущность подобного истолкования исторических фактов совершенно ясна. Сторонники рассмотренной методологии готовы признать даже некоторые сдвиги в развитии производительных сил, если их можно связать с инициативой феодалов, а не крестьян — непосредственных производителей в феодальном обществе.

Опираясь в теории на «черную смерть» как событие, катастрофически сократившее население, Кельтер в своих конкретных исследованиях приводит данные, которые находятся в явном противоречии с этим. Так, он признает, что в Германии, как и в Англии, повсюду в XIV—XV вв. бурно развивалось ткачество. В южной Германии, подчеркивает он, вокруг городов Аугсбурга, Ульма, Меммингена, Бибераха, Равенсбурга, Изни, Констанца и Базеля появились сотни прядильщиков и ткачей, изготовлявших льняные, бумазейные и шерстяные изделия и работавших на скупщиков за низкую заработную плату, что влияло на снижение заработной платы городских ткачей. «И все же, — восклицает Кельтер, — эту жалкую деятельность они предпочитали труду слуг, служанок и поденщиков, ибо заработная плата последних была еще ниже».⁸² Кельтер, таким образом, полностью отбрасывает взгляд Абеля на XIV—XV столетия как на «золотой век» для наемных рабочих, обеспеченное положение которых якобы послужило стимулом ухода кре-

⁷⁹ Подробнее см.: Майер В. Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV—XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ. — СВ, 1964, вып. 26, с. 125.

⁸⁰ Abel W. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 39—42.

⁸¹ Abel W. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 42, 59—60.

⁸² Kelter E. Das deutsche Wirtschaftsleben... — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 2—3, S. 161.

стьян из деревни.⁸³ Одновременно Кельтер подчеркивает, что в XIV—XV вв. появлялись толпы нищих и ландскнехтов.⁸⁴

Следует отметить, что Абель, спешивший объявить себя единомышленником Лютге по вопросу о роли эпидемий, в целом понимает причины ухода крестьян шире, чем предусмотрено теорией. Он, например, говорит, что причинами ухода крестьян из деревни следует признать и такие, как «правовое положение» крестьян, «притягательную силу городов».⁸⁵ Кроме того, Абель призывает считаться и с «малой долей крестьянина в рыночном продукте, психологическими моментами и социальными обстоятельствами». И если после всего этого он продолжает утверждать, что основной движущей силой оставались изменения в народонаселении,⁸⁶ то его слова звучат скорее как крик отчаяния, чем убеждение.

Опираясь на неомальтузианский прием Лютге в истолковании истории XIV—XV вв., ряд историков, в том числе и Абель, связывает факты освоения залежных земель, отмеченные во многих документах конца XV в., с ростом населения.⁸⁷ Поэтому прикрепление крестьян к земле со второй половины XV в. и установление во многих местах максимальной заработной платы наемным работникам истолковываются как забота феодалов о развитии земледелия.⁸⁸

Надежды Лютге и ближайших его единомышленников на то, что «новая» методология получит широкое признание, не оправдались. Выступавшие в ходе дискуссии английский историк М. Поста⁸⁹ и австрийские историки В. Вебер и Т. Майер-Мали⁹⁰ высказали немало критических замечаний по поводу «исследовательского метода» сторонников теории Лютге — Абеля.

Немало буржуазных историков и географов ФРГ, весьма далеких от марксизма, все более явно отстаивают иные позиции. Они обращают больше внимания на изучение реальных социально-экономических причин появления обезлюдивших мест, рассматривая их как отражение социально-экономического прогресса, имевшего место в Германии в XIV—XVI вв. Так, К. Шарлау и Г. Мортезен, ранее изучавшие лишь сам процесс обезлюдения, после появления статьи Лютге стремятся более глубоко выяснить причины данного явления. С этой целью они исследу-

⁸³ Ibid., S. 172.

⁸⁴ Ibid., S. 176.

⁸⁵ A b e l W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 172.

⁸⁶ A b e l W. Wüstungen und Preisfall..., S. 416.

⁸⁷ Ibid., S. 147.

⁸⁸ A b e l W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters, 1955, S. 172.

⁸⁹ P o s t a n M. Die wirtschaftlichen Grundlagen der mittelalterlichen Gesellschaft. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1954, Bd. 166, H. 3, S. 181.

⁹⁰ W e b e r W., M a y e r - M a l y Th. Studie zur mittelalterlichen Arbeitsmarkt- und Wirtschaftsordnung. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1954, Bd. 166, H. 5/6.

ют развитие орудий производства и организации труда. Правда, они стоят на идеалистических позициях: с их точки зрения, орудия производства и организация труда изменялись только под влиянием «стремлений крестьян», без экономической необходимости.⁹¹ Тем не менее, наблюдения Шарлау и Мортензеи заслуживают внимания. Они особенно тщательно изучили эволюцию плуга и формы полей. Им удалось доказать, что известные длинные поля, напоминающие по форме латинскую букву «S» в ее обычном и перевернутом положениях, возникли в то время, когда использовался особо тяжелый плуг, в который впрягалось 6 пар волов.⁹²

Веские возражения против «новой» теории выдвигаются Г. Лейнгэртнером. Исследуя конкретные данные об обезлюдевших местах судебного округа Амберг (возле Мюнхена), ученый убедительно доказывает, что обезлюдение деревень не всегда сопровождалось забрасыванием земель или превращением их в пастбища. На примерах, взятых из оброчных и налоговых документов, он прослеживает переход обезлюдевших земель в руки крестьян соседних деревень и приходит к выводу: «Можно было подумать, что поля, присоединенные к наделу крестьянина соседней деревни, действительно пустовали, но это не так, ибо с них взимался оброк в прежних размерах». Отсюда он заключает, что в судебном округе Амберг не только не было обеднения феодалов в связи с появлением так называемых обезлюдевших мест, но о нем не может быть и речи.⁹³

На реальных позициях стоит западногерманский историк Альбрехт Тимм. Он прежде всего высказывает мнение, что процесс обезлюдения связан с Реформацией и Крестьянской войной, т. е. с явлениями социального характера. Поэтому и само данное явление может быть истолковано правильно только с социально-экономических позиций. С точки зрения Тимма, к числу основных причин, вытеснявших крестьянина с насиженных мест, относятся его тяжелое социально-экономическое положение и пренебрежение, которое проявлялось к нему со стороны всех сословий.⁹⁴

Анализ постановки отдельных проблем аграрной истории XIV—XVI вв. и их освещения буржуазной историографией по-

⁹¹ Scharlau K. S-Formen und umgekehrte S-Formen unter den deutschen und englischen Langstreifenfluren. — ZAA, 1956, H. 1, S. 22.

⁹² Mortensen H., Scharlau K. Der siedlungskundliche Wert der Kartierung von Wüstungsfluren. Göttingen, 1949. См. также: Scharlau K. Neue Probleme der Wüstungsforschung. — «Berichte zur deutschen Landeskunde», 1956, Bd. 16, S. 270 etc.; Mortensen H. Zur Entstehung der Gewinnflur. — ZAA, 1955, H. 1, S. 36.

⁹³ Leingärtner G. Die Wüstungsbewegungen im Landgericht Amberg vom ausgehenden Mittelalter bis zur Neuorganisation des Landgerichts im Jahre 1803. Kalmünz, 1956, S. 38—39.

⁹⁴ Timm A. Die Waldnutzung in Nordwestdeutschland im Spiegel der Weistümer. Köln — Graz, 1960, S. 9.

казывает ее общее кризисное состояние в течение всех десятилетий XX в. Исследователи так называемых обезлюдивших мест не были в состоянии дать сколько-нибудь положительного решения вопроса. Этим пытались воспользоваться ведущие медиевисты ФРГ с целью создания особой методологии, вокруг которой могли бы объединиться буржуазные историки не только ФРГ, но и других стран Западной Европы. Однако даже в годы самых значительных ее успехов Лютге, Абель и Кельтер не были в состоянии объединить историков вокруг новой теории. Социально-экономические причины, вызвавшие массовое обезлюдение в XIV—XVI вв., стали сильнее, чем прежде, привлекать внимание исторической науки. Да и такой участник создания «новой теории», как Абель, в своих конкретных исследованиях дает богатейший социально-экономический материал, отрицающий основные положения его собственных теоретических взглядов.

С 50-х годов началось оформление марксистской аграрной школы в ГДР. За очень короткий период она подняла на новую ступень исследования социально-экономических проблем средневековой Германии. Ю. Кучинский, М. Штейнмец, Г. Хейц, Л. Штерн, В. Якобейт, Д. Лэше, Г. Паннах, Г. Фоглер, А. Лаубе и др. опубликовали серьезные обобщающие и конкретные труды по средневековым аграрным вопросам. В ГДР придается исключительно большое значение изучению истории классово-борьбы, особенно во время Реформации и Крестьянской войны, регулярно проводятся дискуссии, пишутся фундаментальные коллективные труды. Историки ГДР подвергают принципиальной критике буржуазные воззрения на закономерности развития феодализма и анализируют большое количество ранее неизвестных источников преимущественно из районов, вошедших в состав первого социалистического государства Германии.

Одновременно необходимо констатировать, что создавая свою национальную марксистскую историографию, историки ГДР стремились не затрагивать регион средневековой Германии к западу от Эльбы. Поэтому до сих пор в исторической науке ГДР отсутствуют не только отдельные исследования по аграрной истории так называемой «Старой Германии», под которой понимают земли к западу от Эльбы, но и обобщающие труды. Даже в последнем большом коллективном труде «Иллюстрированная история ранней буржуазной революции в Германии»⁹⁵ отсутствует анализ развития сельского хозяйства — тех новых элементов, которые зарождались в нем до Реформации.

В советской исторической науке аграрным проблемам Германии посвящено немало работ. Наиболее обстоятельно этими проблемами занимался крупнейший медиевист по истории Гер-

⁹⁵ Laube A., Steinmetz M., Vogler G. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution*. Berlin, 1975.

мании М. М. Смирин. Его глубокие исследования сеньориальной реакции и сопротивления крестьян в XV—XVI вв. в юго-западной Германии получили широкое признание в исторической науке.⁹⁶ В своей работе мы опираемся на главные выводы работ М. М. Смирин, как и на известную работу С. Д. Сказкина об особенностях и закономерностях второго издания крепостничества в северо-восточной Германии⁹⁷ и на выводы М. А. Барга о парцеллярно-крестьянском этапе развития феодализма в ряде стран Европы.⁹⁸ Наконец, нами учитываются результаты дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии⁹⁹ и генезисе капитализма в Европе.¹⁰⁰

Постановка проблемы

Методология изучения генезиса капитализма в земледелии наиболее полно и наглядно разработана В. И. Лениным. Отстаивая учение марксизма в борьбе с народниками, экономистами, легальными марксистами, эсерами и им подобными, Ленин на примере России и ряда других стран Европы обстоятельно изучил развитие капитализма и разложение феодализма в сельском хозяйстве. Его выводы, сделанные на основе современных ему событий, имеют общен историческое значение. Следует, однако, помнить, что они не могут быть автоматически перенесены на историю Германии XIV—XVI вв. Основное для нас заключается в том, чтобы разобраться в методологических принципах, применяемых Лениным при анализе вопросов генезиса капитализма в земледелии.

В своей статье «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин, определяя понятие товарного производства, подчеркивает: «Под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каж-

⁹⁶ Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

⁹⁷ Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — «Вопросы истории», 1958, № 2.

⁹⁸ Бург М. А. 1) О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. — «Вопросы истории», 1960, № 8; 2) К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. — «Вопросы истории», 1963, № 3.

⁹⁹ Чайковская О. Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет. — «Вопросы истории», 1956, № 12; Смирин М. М. О характере экономического подъема и революционного движения Германии в эпоху Реформации. — «Вопросы истории», 1957, № 6; Эпштейн А. Д. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции. — «Вопросы истории», 1957, № 8; Григорьян Ю. М. К вопросу об уровне экономики и о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии. — «Вопросы истории», 1958, № 1; Стам С. М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? — «Вопросы истории», 1958, № 4.

¹⁰⁰ Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.

дый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке». ¹⁰¹ В учении Ленина о товарном производстве чрезвычайно важно положение о том, что основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. ¹⁰² «Товарное хозяйство, — говорил Ленин, критикуя воззрения Сисмонди, — развивается по мере развития общественного разделения труда». ¹⁰³ Отсюда с самого начала становится понятным то огромное значение, которое имеет исследование общественного разделения труда для выяснения степени развития товарного хозяйства.

Для определения задач настоящего исследования важно выяснить, в каком соотношении находится общественное разделение труда с техническим прогрессом и, следовательно, с развитием производительных сил. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в период начала отделения ремесла от земледелия, как и в XIV—XVI в., повсюду господствовал ручной труд, и настоящих машин еще не было. Именно о таком периоде Ленин писал: «На базисе ручного производства иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло». ¹⁰⁴ Эти слова Ленина нацеливают нас на то, чтобы рассматривать общественное разделение труда не только как результат определенного уровня развития производства, но и как прогресс в развитии производительных сил.

Далее Ленин указывает, что общественное разделение труда как технический прогресс связано не только с уровнем развития производительных сил, но и с развитием рыночных отношений. Количество обособившихся друг от друга занятий, т. е. общественное разделение труда, зависит от величины рынка. С другой стороны, «величина рынка в точности соответствует степени специализации общественного труда». ¹⁰⁵

Рассматривая капитализм как определенный этап товарного производства, Ленин писал: «Под капитализмом разумеется та стадия развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека». ¹⁰⁶ В связи с этим он подчеркивает: «Таким образом, в историческом развитии капитализма важны

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 86—87.

¹⁰² Там же, т. 3, с. 21.

¹⁰³ Там же, т. 2, с. 222.

¹⁰⁴ Там же, т. 3, с. 428. «Труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 152.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 90. «Величина рынка имеет двойкий смысл: во-первых, количество потребителей, их число; а во-вторых, также и количество обособившихся друг от друга занятий». См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 278.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 87.

два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое». ¹⁰⁷ Ленин, предвидя вопрос о том, как и когда начинается каждый из этих моментов, в книге «Развитие капитализма в России» разъясняет, что «первое превращение» начинается вместе с общественным разделением труда. «Отделение непосредственного производителя от средств производства, т. е. экспроприация его, знаменуя переход от простого товарного производства к капиталистическому и составляя необходимое условие этого перехода, создает внутренний рынок». ¹⁰⁸

Таковы общие методологические принципы, которыми руководствовался В. И. Ленин в исследовании развития товарного хозяйства и капитализма, прежде всего в начальный период.

Для медиевиста-аграрника имеет принципиальное значение и учение Ленина о своеобразии и особенностях процесса общественного разделения труда в земледелии, развития в нем товарного хозяйства и капитализма.

В сельском хозяйстве, как показал Ленин, общественное разделение труда развивается в виде специализации, ¹⁰⁹ а превращение сельского хозяйства в товарное производство «происходит особым путем». «Капитализм приходит в сельское хозяйство извне», ¹¹⁰ т. е. он раньше развивается в промышленности и торговле. Поэтому важно обратить внимание на то, что «никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям». ¹¹¹ Особенно необходимо помнить, что ни юридические ограничения, ни наличие общинного землевладения не могут быть непреодолимой преградой для проникновения капитализма в земледелие. В то же время нельзя забывать о том, что Ленин рассматривал мелкое крестьянское хозяйство, «свободное от всяких средневековых стеснений», как прогрессивное явление. ¹¹² Освободившись от феодальной зависимости, оно «толкает вперед развитие производительных сил» и создает предпосылки для развития капитализма в дальнейшем. ¹¹³

Общественное разделение труда в земледелии по времени и существу является продолжением процесса общественного разделения труда, начавшегося с отделения ремесла от земле-

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, т. 3, с. 58.

¹⁰⁹ См. там же.

¹¹⁰ «...Капиталистическое производство начинается в промышленности, а не в земледелии, и овладевает последним лишь постепенно». См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 97.

¹¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 321.

¹¹² Там же, т. 4, с. 235.

¹¹³ Там же, т. 6, с. 332.

делия. В ходе этого процесса земледелие «само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации». ¹¹⁴ В отличие от промышленности (ремесла), специализация в земледелии имеет то своеобразие, что в земледелии не появляются совершенно самостоятельные отрасли производства; специализация идет по другому пути: какой-нибудь один продукт становится рыночным, «причем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту». ¹¹⁵ Товарное сельское хозяйство, следовательно, отличается от специализированной промышленности прежде всего тем, что оно удовлетворяет свои потребности в сельскохозяйственных продуктах натуральным путем. Поэтому в сельском хозяйстве наблюдается «смешение торгового и неторгового земледелия», так как на рынок «выносятся главным образом один какой-либо продукт в каждой данной местности». Такое сочетание приводит к тому, что, «с одной стороны, производство помещика и особенно крестьянина есть товарное, с другой — оно сохраняет свой потребительский характер». ¹¹⁶

Особое значение имеет данная Лениным оценка мелкокрестьянского хозяйства в развитии товарного производства. В статье «Экономическое содержание народничества» Ленин пишет, что «мелкий производитель в земледелии (все равно, на надельной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа». ¹¹⁷ Мелкокрестьянский производитель еще при феодализме в результате общественного разделения труда и товарного производства превращается в мелкого буржуа, производящего товар на рынок.

С процессом общественного разделения труда, в частности в земледелии, Ленин связывает и уход части сельского населения в те места, где развиваются ремесло, промыслы, промышленная добыча природных богатств, — в города. «... Рассуждать о товарном хозяйстве и капитализме, — говорит Ленин, — и не принимать во внимание закона относительного возрастания индустриального населения — значит не иметь никакого представления об *основных* свойствах *данного* строя общественного хозяйства». ¹¹⁸ Это положение заставляет нас смотреть на демографические явления XIV—XVI вв. принципиально иначе, чем это делают буржуазные историки.

В соответствии с учением Ленина в Германии к западу от Эльбы, где большинство пригодных земель находилось под плугом уже к концу XII в., специализация в земледелии представ-

¹¹⁴ Там же, т. 3, с. 58.

¹¹⁵ Там же, с. 309.

¹¹⁶ Там же, т. 7, с. 112.

¹¹⁷ Там же, т. 17, с. 118—119.

¹¹⁸ Там же, т. 2, с. 222.

ляется как постепенное отделение различных отраслей земледельческого хозяйства от хлебопашества. При этом площади, занятые хлебными злаками во времена господства натурального хозяйства, теперь сокращаются за счет земель, выделявшихся под пастбища, виноградники, огороды, сады, технические культуры (такие, как вайда, лен, конопля, хмель, крапп, мак и т. п.). Перед хозяйствами, специализировавшимися на производстве зерна, стояла весьма сложная задача: при сокращенных площадях увеличить производство зерна настолько, чтобы удовлетворить возрастающие рыночные потребности, не нанося ущерба собственному хозяйству. Поэтому не удивительно, что с самого начала процесса под зерновые оставлялись лучшие по качеству земли. Исключение составляли Саксония и Тюрингия, где земли высшего качества засеивались вайдой — этой исключительно прибыльной культурой. Особенно нуждалась в улучшении агротехника хлебопашества. Замеченный всеми исследователями рост производительности и товарности зернового хозяйства в Германии XIV—XVI вв., однако, не может быть объяснен только за счет улучшения агротехнических приемов и сельскохозяйственной техники. Это также результат дифференциации крестьянства, вследствие которой образовалась часть зажиточных крестьян, начавшая эксплуатацию массы разорившихся крестьян. Одновременно уменьшилось количество сельских жителей, которые были в состоянии натуральным путем удовлетворять свои потребности в аграрных продуктах. Увеличивалась товарность земледелия и по этой причине.

Рассматривая процесс специализации в земледелии, Ленин отмечает, что она «означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание *новых типов* сельского населения».¹¹⁹ В результате специализации в земледелии устанавливаются товарные отношения между отраслями самого земледелия и образуются два типа нового сельского населения — «сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».¹²⁰ Как уже подчеркивалось, в образовании класса сельскохозяйственного пролетариата следует усматривать победу капитализма во «всем своем объеме».¹²¹ Одной из задач, следовательно, является исследование формирования наемных рабочих в земледелии, ибо давно установлено, что капитализм застаёт «форму наемного труда уже существующей», правда, в «виде исключения».¹²² Для нас важно на конкретном материале проследить, когда начался процесс расслоения крестьянства на две социальные группы и насколько он развился еще при феодализме.

¹¹⁹ Там же, т. 3, с. 165.

¹²⁰ Там же, с. 166.

¹²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 133.

¹²² Там же, т. 19, с. 214.

Глава II

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СКОТОВОДСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДЕРЕВНИ ГЕРМАНИИ XIV—XV вв.

Развитию скотоводства буржуазная историография уделяла сравнительно мало внимания. В конце XIX в. К. Лампрехт¹ и К. Т. Инама-Штернегг² отметили серьезные успехи в развитии скотоводства с XIV по XVI в. Для них эти успехи свидетельствовали об увеличении спроса на мясо со стороны быстро развивавшихся городов. Вновь данный вопрос поднял уже после Второй мировой войны В. Абель. Согласно своим представлениям об общей исторической закономерности Абель выдвигает довольно сложную модель развития скотоводства в XIV—XVI вв. В результате обезлюдения сельских мест во время «черной смерти» и эпидемий, подчеркивает он, сильно сократилась посевная площадь зерновых. Возникло состояние, которое он характеризует словами: «...земли стало много, людей было мало». Некому стало обрабатывать почву. Феодалы (которым Абель приписывает любую инициативу в производстве), видя «бедственное положение земли» (!), принялись за то, чтобы ее «относительно лучше» использовать. Именно они, по Абелю, и приступили к превращению заброшенной крестьянами пахотной земли в пастбища для скота.³ Так Абель в главной своей схеме о причинах развития скотоводства выдвигает на передний план не социально-экономические факторы, а зависимость последних от явлений природы.

Превратным является и его представление об особой закономерности развития скотоводства, согласно которому скотоводство начиная с XIV в. регрессировало и возвращалось от более высокой ступени к более низкой. Экстенсивное скотоводство стало вновь преобладать над зерновым хозяйством. «Чис-

¹ Lamprecht K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1885, S. 532—542.

² Inama-Sternegg K. Th. Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters. Bd. III, T. 1. Leipzig, 1899, S. 347—366.

³ Выражение «относительно лучше» заимствовано Абелем у Тюкена.

ленность населения, — заключает он, — всегда была решающим фактором при выборе форм скотоводства».⁴

Заметив, вслед за другими исследователями, что несмотря на увеличение поголовья скота, в изучаемое время увеличивались цены на мясо, Абель утверждает, что потребление мяса является «подвижным» — люди потребляют его в зависимости от покупательной способности. Именно последняя, подчеркивает он, с конца XIV в. резко увеличивалась,⁵ т. к. люди, выжившие после очередной серии эпидемий, захватывали богатства умерших. Вместе с ростом их покупательной способности возрастали и их потребности на мясные продукты. Поэтому, несмотря на возрастание предложений, увеличивались цены на мясо, ибо потребители располагали лишними деньгами.⁶ По существу, Абель таким образом встает на точку зрения количественной теории Зомбарта, которую официально отвергает.

Среди западногерманских историков только А. Тимм подходит к вопросам развития скотоводства с социально-экономических позиций. Он предполагает, что в северо-западной Германии в результате захвата феодалами общинных лесов крестьяне потеряли свои пастбища для свиней, что заставило их изменять форму свиноводства: от беспастушьего свиноводства крестьяне были вынуждены перейти к стойловому содержанию свиней.⁷

Значительная работа по истории овцеводства в Германии с древнейших времен и до начала XX в. появилась в 1961 г. в ГДР.⁸ Автор ее, В. Якобейт, обобщает локальные исследования и конкретно по развитию овцеводства в XIV—XVI вв. приводит новые ценные сведения. Он считает, что в то время овцеводство находилось под влиянием «раннего капиталистического развития Германии», а овцеводы-издольщики уже были представителями предпринимательского капитала. К сожалению, свои мысли автор ничем не подкрепляет, поэтому они звучат малоубедительно. Кроме того, Якобейт почти безоговорочно и вопреки фактам, содержащимся в его книге, соглашается с той точкой зрения, что в указанный промежуток времени крестьяне без всякого принуждения оставляли деревни и тем самым предоставляли земли для использования под пастбища для овец.⁹

⁴ A b e l W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters. Zweite veränderte und erweiterte Auflage. Stuttgart, 1955, S. 42.

⁵ A b e l W. Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters, S. 60. — Впервые эту точку зрения выдвинул Ф. Лютге в известной статье: Lütge F. Das 14.—15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1950, Bd. 162, H. 3.

⁶ Совершенно иную, «количественную», точку зрения выдвинул Инама-Штернер: скота было слишком мало, поэтому возрастали цены на мясо. — I n a m a - S t e r n e g g K. Th. Op. cit., S. 366.

⁷ T i m m A. Die Waldnutzung in Nordwestdeutschland im Spiegel der Weistümer. Köln — Graz, 1960.

⁸ J a c o b e i t W. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1961.

⁹ Ibid., S. 30.

На наш взгляд, причины успехов и неудач в развитии скотоводства следует искать не в самом скотоводстве как в особой форме производства или соотношения между количеством людей и почвы, игнорируя социально-экономические явления, как это делают Абель и его ученики.

Начиная с XIV в. в Германии серьезно изменились общественно-экономические условия развития скотоводства. Изменения наблюдаются сразу на нескольких уровнях. Постоянно увеличивавшееся ремесленно-торговое население городов и рост неаграрного населения в целом содействовали быстрому возрастанию спроса на продукты животноводства, что и послужило мощным стимулом роста скотоводства. В то же время в самом сельском хозяйстве толчком для углубления общественного разделения труда и специализации послужили ликвидация феодалами барской запашки и появление новых слоев мелких держателей и арендаторов. Дифференциация крестьян шла теперь значительно быстрее, чем прежде. Крестьянин, ведя хозяйство на небольшом клочке земли и будучи втянутым в товарное производство хотя бы уже потому, что феодал с него требовал все больше денег, был вынужден задумываться над вопросом более рационального использования своих возможностей. Одновременно и феодалы испытывали острую необходимость в увеличении своих доходов. Последовавшее за этим длительное и в целом успешное наступление феодалов на общинные леса и общинные пастбища внесло новые серьезные и даже решающие изменения в социально-экономические условия развития скотоводства.

Кормовая база скотоводства. Сокращение лесных пастбищ. Прежде чем говорить о скотоводстве как таковом, необходимо выяснить возможности его развития в конкретных условиях. И здесь на первом месте стоит вопрос о кормовой базе для него. Выбор формы и вида скотоводства в значительной мере зависит от того, кому принадлежит кормовая база и что конкретно она собой представляет.

В XIV—XVI вв., как видно из многочисленных источников, основной корм для скота вырастал на естественных и полускусственных пастбищах, а также выращивался на пашнях и лугах (нередко орошаемых). Современники не оставляли без внимания ни один более или менее возможный естественный источник корма для скота. Об этом красноречиво свидетельствуют те многочисленные названия всевозможных видов пастбищ, которые мы постоянно встречаем в документах.¹⁰

В изучаемое время наиболее остро стоял вопрос об общинных лесных пастбищах. С незапамятных времен в лесах к западу от Эльбы паслись стада свиней, достигавшие нередко внуши-

¹⁰ В вейстюмах встречаются отдельные названия для пастбищ в зависимости от того, какому виду скота они предназначались, в какое время использовались и в зависимости от их расположения.

тельных размеров. Главным кормом для них являлись дубовые желуди и буковые орешки. В документах дуб и бук причисляются к плодоносящим или к фруктовым деревьям. Вообще к XIV в. в лесах Германии преобладали лиственные породы деревьев — дуб, бук, клен, ясень, вишня, груша, яблоня, грецкий орех, орешник и ольха.¹¹ Общинные постановления постоянно говорили об их охране.¹²

Крестьяне повсеместно прилагали максимум усилий к тому, чтобы расширить или хотя бы сохранить размеры лиственных, «плодоносящих» лесов. В тех районах, где наступление феодалов на общинные леса грозило исчезновением необходимых для крестьянского хозяйства пород деревьев, крестьяне на своих общинных сходках принимали решения о выделении из общего массива земельных участков под посадку лиственных, преимущественно дубовых, деревьев.¹³ Во многих местах общины обязывали своих членов в зависимости от экономического положения сажать определенное количество дубков в лесу.¹⁴ Решения об охране «плодоносящих» деревьев в лесу принимались повсеместно,¹⁵ а там, где крестьяне по воле феодалов оказались вытесненными из лесов, они обсаживали свои усадьбы дубовыми саженцами, чтобы в какой-то мере компенсировать потерянный лесной желудевый корм.¹⁶ Среди хвойных лесов северо-западной Германии до наших дней выделяются одиноко стоящие многовековые дубы и дубовые рощи, возникшие главным образом в результате искусственной посадки в те отдаленные времена.¹⁷

Благодаря наличию многочисленных и разнообразных документов мы можем себе составить наглядное представление о состоянии тогдашнего свиноводства и использовании лесных пастбищ. Прежде всего крестьяне-общинники следили за тем, чтобы пастбища в дубовых и буковых лесах использовались только после созревания там плодов. Весной и летом свиньи вообще не выгонялись во «фруктовые» леса во избежание повреждения деревьев. Обычно свиней пасли на опушке леса, где, как было замечено общинниками, они рыхлили и удобряли своим навозом почву, подготавливая ее таким образом для естественного расширения дубовых лесов.¹⁸ В летнее время свиньи паслись преимущественно в низменных болотистых местах, где преобладали кустарники и совершенно не было ду-

¹¹ Grimm J. Weistümer. Bd. III. Berlin, 1957, S. 431.

¹² Ibid., Bd. I, S. 407; Bd. III, S. 182; Bd. IV, S. 669; Bd. V, S. 128, 139, 142, 161; Bd. VI, S. 23 e. a.

¹³ Ibid., Bd. III, S. 174.

¹⁴ Богатые обязывались сажать 5 дубков ежегодно, средние — 3 дубка. — Ibid., Bd. III, S. 211.

¹⁵ Ibid., Bd. V, S. 128, 276, 354, 393 e. a.

¹⁶ Ibid., Bd. III, S. 223, 228 e. a.

¹⁷ Timm A. Op. cit., S. 67.

¹⁸ Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 259.

бов.¹⁹ Летом лес тщательно охранялся от овец и коз, чтобы они не могли повредить молодую поросль.²⁰

Пастьба свиней обычно производилась со дня св. Георгия (23 апреля) до дня св. Мартина (11 ноября), т. е. около 7 месяцев в году.²¹ Время откорма свиней в дубовых и буковых лесах было менее продолжительным. При урожае желудей и орешков свиней выгоняли в лес со дня св. Ремигия (1 октября) и держали их там до конца пастбищного сезона (до 11 ноября).²² Особенно богатые урожаи желудей бывали редко, обычно не чаще, чем один раз в семь лет. В такие годы, естественно, чрезвычайно возрастал общественный интерес к распределению богатого урожая в общинных лесах. Вопросы распределения урожая желудей решались на общинных сходках накануне пастбищного сезона, обычно в сентябре.²³ Перед сходкой выборные члены общины осматривали лес и определяли виды на урожай.²⁴ По докладу уполномоченных на сходках принимались решения о количестве свиней, которое в предстоящем году могло быть откормлено в лесу каждым хозяйством. По наиболее распространенному обычаю каждому хозяйству разрешалось откармливать на лесном пастбище столько свиней, сколько в году было выращено²⁵ в самом хозяйстве или куплено до дня св. Якоба (25 июля).²⁶ Часто общины принимали решения, по которым крестьянам в зависимости от размеров их хозяйства, т. е. в зависимости от зажиточности, разрешалось выгонять в лес определенный максимум свиней.²⁷ В XIV—XVI вв., следовательно, права на пользование лесными пастбищами для членов одной общины не были одинаковыми. Это неравенство усиливалось еще тем, что общинные постановления предусматривали право, по которому тот, у кого имелось меньше установленного максимума свиней, мог продавать свое право на недостающее ему количество свиней, а тот, кто купил себе такое право, мог выгонять в лес свиней свыше установленного максимума.²⁸ В отдельных общинах в зависимости от урожая желудей принимались решения о прикупе дополнительного количества свиней.

¹⁹ Ibid., Bd. IV, S. 697—700.

²⁰ «... ganz keine gerechtigkeit, so weit der busch schatten hält». — Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 259.

²¹ «... ein schweiner soll frei gehen von s. Geörgen tag bisz auf Martini». — Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 157.

²² Ibid., Bd. III, S. 181, 223 e. a.

²³ 28 сентября («... des donnerstages na Matthai apostoli») или 14 сентября (после «exaltionis crucicz»). См.: Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 180, 295.

²⁴ Ibid., Bd. III, S. 176.

²⁵ Ibid., Bd. III, S. 177.

²⁶ Т. е. за 3 месяца до начала откорма свиней, когда виды на урожай уже были известны.

²⁷ Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 669 e. a.

²⁸ Бывали случаи, когда продавалось право на выпас 6 голов свиней. См. напр.: Grimm J. Op. cit., Bd. IV, S. 699; Bd. III, S. 177 e. a.

При этом также устанавливался для каждого хозяйства максимум, соответствовавший его зажиточности.²⁹ Подобные постановления особенно пристрастно отстаивались зажиточными крестьянами.

В зависимости от размеров лесных пастбищ устанавливались для каждой местности различные нормы на откорм свиней. В отдельных общинах норма на откорм свиней в лесу для каждого хозяйства была очень высокой. Если обычно «полное право» на выпас свиней в лесу не превышало 4—6 голов, то местами оно равнялось 12 и даже 24 головам.³⁰ «Полное право» предоставлялось зажиточному крестьянину, «половинное» — бедняку и «четвертное» — не члену марки.³¹

Норма выгоняемого в лес на откорм поголовья свиней находилась в прямой зависимости от составителей соответствующих документов. В вейстюмах, составленных феодалами или по их указанию, предусматривается весьма ограниченное количество свиней, которых крестьянин может пасти в лесу,³² и в то же время значительно расширяются права феодалов на выпас в лесу собственных свиней.³³ Общая тенденция, наблюдаемая в подобных случаях, сводится к установлению неограниченных прав для феодалов.³⁴ В то же время крестьяне, составляя свои вейстюмы, прилагают максимум усилий к тому, чтобы сохранить прежние права на выпас свиней и ограничить аппетиты господ. Нередко крестьяне в таких случаях апеллируют к совести феодалов, призывая их считаться с интересами крестьян,³⁵ а иногда пытаются даже определить количество свиней, которое разрешается пасти феодалу в общинном лесу.³⁶

Вейстюмы свидетельствуют о том, что неравные права на выпас свиней существовали главным образом в изучаемое время. В предшествующие века подобные вопросы, по всей вероятности, реже возникали и меньше обсуждались на общинных сходках. Но и теперь крестьяне во многих местах продолжали отстаивать права на выпас одинакового количества свиней.³⁷ Во Франконии, издавна славящейся лесным откормом свиней, право на выпас одинакового количества свиней отстаивалось рядовыми общинниками особенно настойчиво.³⁸

²⁹ Ibid., Bd. III, S. 293.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid., S. 177, 293, 295 e. a.

³² Timm A. Op. cit., S. 63.

³³ Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 180, 270; Bd. IV, S. 670 e. a.

³⁴ Ibid., Bd. III, S. 236, 284; Bd. IV, S. 668 e. a.

³⁵ Ibid., Bd. III, S. 208—212 e. a.

³⁶ Ibid., S. 180, 230, 282 e. a.

³⁷ Weizsäcker W. Pfälzische Weistümer. I. Lieferung. Speyer, 1957, S. 47.

³⁸ В связи с этим постоянно запрещается прикуп свиней после дня св. Якоба (25 июля). — Din klage K. Fränkische Bauernweistümer. Ausgewählte Texte. Würzburg, 1954, S. 41.

Хотя в документах XIV—XVI вв. постоянно говорится о лесном откорме свиней, выращенных как в крестьянском, так и в феодальном хозяйстве, не остается никакого сомнения в том, что свиноводство крестьянских хозяйств было ведущим. В каждом общинном лесу паслось во много раз больше крестьянских свиней, чем господских. По всей вероятности, именно этим обстоятельством объясняется то, почему в документах не содержится сведений об общем количестве свиней в той или иной местности. Правда, И. Янсен на основе неизвестных нам источников сообщает, что в 1437 г. в сравнительно небольшом лесу Лусхарт, расположенном между Брухзалем и Филиппсбургом (Баден-Вюртемберг), паслось более 43 тыс. свиней.³⁹

Споры на общинных собраниях о количестве свиней, выгоняемых одним хозяйством на лесное пастбище в урожайные годы, свидетельствуют не только об отсутствии равных прав, но и о том, что во многих общинах находились такие хозяйства, которые придавали все большее значение выращиванию свиней на продажу. Известно, например, что в одном 1490 г. на рынок города Оснабрюка крестьянами было пригнано не менее 25 тыс. голов свиней.⁴⁰

Из сказанного следует, что в изучаемое время пастбищное свиноводство продолжало играть определенную хозяйственную роль. Разведением свиней, их откормом и продажей свинины на рынке преимущественно занимались крестьяне. Поскольку пастьба свиней производилась в течение большей части года и почти беспастушьим способом, стоимость свинины не должна была быть высокой.

Несмотря, однако, на все еще значительные размеры, свиноводство в XIV—XVI вв. по сравнению с предшествующими веками сокращалось и видоизменялось. Главной причиной этого являлось катастрофическое сокращение и уничтожение лесных пастбищ для свиней.

Начиная с XIV в. феодалы в поисках новых источников дохода захватывали общинные леса, чтобы торговать строительными материалами и дровами.⁴¹ Главными потребителями лесных материалов становились города, а также районы развивавшегося горного дела, судостроения, солеварения и виноградарства.⁴²

Растущая потребность в лесу приводила к губительным последствиям для той формы ведения свиноводства, о которой мы говорили. Повсюду, как это видно из документов, в больших

³⁹ Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes. Bd. I. Freiburg, 1893, S. 290.

⁴⁰ Timm A. Op. cit., S. 61.

⁴¹ Для северо-западной Германии это наглядно показал А. Тимм в книге, на которую мы уже неоднократно ссылались.

⁴² Timm A. Op. cit., S. 41, 81.

масштабах вырубались вековые листовишные деревья, т. е. именно те экземпляры, которые были наиболее плодоносящими.⁴³

С тревогой сообщает о сокращении лесов в Вюртемберге герцог Ульрих в своем законодательном акте 1536 г. Причиной этого он считает прежде всего корчевку и хищническую рубку леса, а также пастьбу в нем скота.⁴⁴

По мере вырубки могучих многовековых дубов и других пород лиственных деревьев феодалы были вынуждены заботиться о выращивании новых лесов. Возраставшие потребности в лесе заставляли при этом феодалов отдавать предпочтение хвойным породам. Последние созревают значительно раньше дуба, имеют совершенно прямые стволы, легче обрабатываются, их удобнее транспортировать и т. п. Спрос на хвойные породы деревьев особенно возрастал в связи с быстрым развитием мореплавания и горного дела, где применялся прямой крепежный лес молодого возраста.

Раньше всего, как мы можем судить на основе документов, замена лиственных пород хвойными началась в юго-западной Германии. Постепенно она охватила и остальные районы страны. Нюрнберг с тех пор стал для многих мест Германии главным поставщиком семян хвойных древесных пород.

Характерно, что в то время как феодалы и городские советы заботились большо всего о замене лиственных лесов хвойными, крестьяне по-прежнему прилагали все старания к тому, чтобы сохранить лиственные, преимущественно дубовые, леса. Даже тогда, когда благодаря стараниям феодалов и горожан в лесах уже наряду с дубом, березой, буком и осиной росли ель и сосна, крестьяне-общинники на сходках систематически принимают решения, по которым каждый из них обязывается сажать дубки, а не сосны и сли.⁴⁵ В упорном отстаивании двумя антагонистическими классами феодального общества различных лесных пород наглядно отражается хозяйственная заинтересованность каждого из них.

Таким образом, можно констатировать, что существенным результатом захвата общинных лесов феодалами являлось исчезновение тех пород деревьев, на которых держалось свиноводство в крестьянских хозяйствах. В то же время было бы ошибкой думать, что феодалы, вытеснив крестьян из леса, сами создавали свиноводческие фермы. Никаких сведений об этом нет.

Указанные обстоятельства привели к тому, что крестьяне-хлебопашцы многих районов страны были вынуждены отказаться

⁴³ Присвоив себе право на рубку леса, феодалы стали широко применять вместо труда барщинников наемный труд. — Kius O. Die Preis- und Lohnverhältnisse des sechzehnten Jahrhunderts in Thüringen. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1863, Bd. 1, H. 5, S. 514, 515.

⁴⁴ Reyscher A. L. Vollständige, historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der Württembergischen Gesetze. Bd. 12. Tübingen, 1841, S. 111.

⁴⁵ Weizsäcker W. Op. cit., S. 103.

ся от древнейшей формы содержания свиней — от пастбы. Все чаще стали теперь выращивать свиней в домашних условиях — в хлевах.⁴⁶ Переход к стойловому содержанию свиней наблюдается с середины XIV в. В связи с этим крестьяне начали заботиться о новой — «белоснежной» породе свиней, дававшей значительно больший прирост при меньшей затрате дорогостоящего корма.⁴⁷

Можно ли с уверенностью заявить, что вместе с сокращением лесного выпаса свиней повсюду сократилось и товарное свиноводство, т. е. производилось меньше свинины на продажу? Источники не подтверждают такого заявления. Одновременно с сокращением крестьянами своих стад, откармливаемых в лесу, города — основные потребители товарной свинины — принимали самые различные меры для увеличения количества свиного мяса, поступавшего на рынок. Почти повсеместно в городах теперь стали заниматься свиноводством представители трех профессий: пекари, мельники и мясники. Объясняется это в первую очередь тем, что изменился корм для свиней и возникла новая форма свиноводства. В XIV—XVI вв. документы все чаще содержат данные о том, что свиньям скармливали ячмень, отруби и муку.⁴⁸ По роду занятия этим кормом располагали прежде всего пекари и мельники. Мясники же, хотя и не располагали кормом в собственном хозяйстве, занялись выращиванием свиней с целью получения дешевого мяса, чтобы при высоких рыночных ценах извлечь большие доходы. Вполне возможно, что и другие предприимчивые горожане использовали таким образом разницу в ценах хлебных и мясных продуктов.

Городские власти поддерживали стремление горожан увеличивать в своих хозяйствах поголовье свиней. В 1351 г., когда еще в городах преобладало пастбищное свиноводство, городской совет Эрфурта ограничил поголовье свиней в хозяйствах пекарей 8 головами, но уже с конца XV в., когда откорм свиней в хлеву начал играть большую роль, максимум свиней для пекарских хозяйств был увеличен до 12 голов. Но это, очевидно, не был предел: в 1522 г. эрфуртский пекарь Бастиан Веттерауэр отправил на ярмарку в Буттштедт 53 свиньи.⁴⁹ Сопоставление ряда вейстюмов из Клеца (возле Меммингена) наглядно свидетельствует о том, что в хозяйствах мельников с 1366 г. по 1573 г. особенно увеличивалось поголовье свиней, хотя размеры земельной площади хозяйств оставались прежние.⁵⁰ Насколько города

⁴⁶ Со второй половины XIV в. пфальцские вейстюмы говорят об обязательном откорме свиней в хлеву. — Weizsäcker W. Op. cit., S. 47.

⁴⁷ Запрещалось наносить повреждения «белоснежной» свинье с «совершенно белыми» поросятами, забредшими на чужую ниву. — Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 69.

⁴⁸ Ibid., Bd. V, S. 478; Bd. VI, S. 606 e. a.

⁴⁹ Neubauer J. Wirtschaftsleben im mittelalterlichen Erfurt. — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1912, Bd. XII, H. 4, S. 523.

⁵⁰ Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 285.

юго-западной Германии уже с XIV в. включились в производство мяса для продажи, показал в свое время Э. Готтсгейн.⁵¹

Нет никакого сомнения в том, что вместе с изменением формы свиноводства, как и вместе с изменением любой другой формы хозяйства, должна была изменяться и стоимость основной его продукции — свинины. При пастбищном содержании и откорме свиней полудикой породы затрачивалось значительно меньше общественного полезного труда на производство весовой единицы свинины, чем при откорме породистых свиней в хлеву. В результате увеличения стоимости продукции изменилась и цена ее как «денежное название овеществленного в товаре труда».⁵² Следует при этом также учитывать, что в городских хозяйствах, больше всего производивших свинину на рынок, применялся не столько труд самого хозяина и членов его семьи, не требовавший денежной оплаты, сколько труд наемных работников и работниц, который в изучаемое время все чаще оплачивался деньгами. Новая форма содержания свиней требовала большего количества и иного вида труда, чем прежняя, пастбищная форма.

Наступление феодалов на общинные пастбища. Успехи овцеводства. Одновременно с наступлением феодалов на общинные леса усилился также их нажим на общинные пастбища. Феодалы при этом преследовали цель превратить общинные пастбища в пастбища для овец. Если в результате захвата феодалами общинных лесов приходил в упадок древнейший и наиболее дешевый вид выращивания свиней, то захват общинных пастбищ, с одной стороны, сокращал возможности выпаса на пастбищах крестьянского скота, а с другой — создавал условия для развития и расширения феодальных овцеводческих хозяйств.

Процесс захвата общинных пастбищ был подготовлен в предшествующие века и хорошо прослеживается по документам. До XIII в. на общинных пастбищах могло пастись только единое стадо, состоявшее как из крестьянского, так и господского скота. В связи с этим разрешалось иметь только общего пастуха. Во второй половине XIII в. в «Швабском зеркале» было записано новое правило, по которому и монастыри, и отдельные светские лица, имевшие свое пастбище, могли нанимать отдельного от общины пастуха.⁵³ Вслед за этим феодалы присваивали себе право держать отдельного пастуха в той общине, где были расположены их доменальные земли.⁵⁴ Таким образом, с этих пор говорится о двух пастбищах, двух стадах и двух пастухах. На общинных пастбищах появлялись господские стада скота с отдельным пастухом. Крестьяне с течением времени по-

⁵¹ Gothein E. *Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und der angrenzenden Landschaften*. Strassburg, 1822; S. 477, 512 e. a.

⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 111.

⁵³ Jacobbeit W. *Op. cit.*, S. 136.

⁵⁴ Grimm J. *Op. cit.*, Bd. III, S. 417—418.

теряли возможность и право контроля над размерами господского стада, пасшегося на общинном пастбище. Постепенно феодалы присваивали себе также право на выпас своего скота, преимущественно овец, на скошенных крестьянских пахотных наделах, а также право на беспрепятственный прогон феодальной отары через крестьянские наделы. Овчары постоянно злоупотребляли прогонным правом и нередко пользовались им для пастбы феодальной отары овец на общинных пастбищах, предназначенных для пастбы общинных стад крупного рогатого скота.⁵⁵

Наиболее полно борьбу крестьян против наступления феодалов на общинные пастбища отразили документы, возникшие накануне и в ходе Великой Крестьянской войны. В деревнях Саксонии общинники жаловались, что господа произвольно выгоняют свой скот на их пастбища.⁵⁶

Пользуясь узурпированным прогонным правом, овчары феодалов наносили крестьянскому хозяйству огромный ущерб: повреждались виноградники, огороды, пашни, луга⁵⁷ и др. Острая борьба крестьян против наступления феодалов на общинные пастбища нередко приводила к компромиссным соглашениям, по которым общины разрешали феодалам иметь отдельные отары овец.⁵⁸

Конец XV — начало XVI в. — время, когда возникли и интенсивно развивались феодальные овцеводческие хозяйства.⁵⁹ Их рост продолжался, очевидно, до середины XVI в., когда территориальные князья стали издавать законы, запрещавшие дальнейшее расширение овцеводства.⁶⁰

Крупное овцеводство развивалось особенно бурно в Саксонии, Тюрингии, Гессене, Нордрейн-Вестфалии, Рейнланд-Пфальце, Баден-Вюртемберге, Баварии, Франконии, Нижней Саксонии и Вестфалии — везде, где уже раньше имелся опыт в овцеводстве, приобретенный в крестьянских хозяйствах.⁶¹ Характерно, что во многих районах не только феодалами создавались крупные овцеводческие хозяйства, но и зажиточные крестьяне увеличивали в своем хозяйстве поголовье овец до 30 и более голов.⁶²

⁵⁵ Dinklage K. Op. cit., S. 68; AWL, Bd. II, S. 438.

⁵⁶ Fuchs P. W. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges. Bd. II. Jena, 1942, S. 104, 114, 119, 120, 121, 122, 205—206.

⁵⁷ Ibid., S. 113, 121. См. также: Franz G. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges. Bd. I, Abteilung 2. Leipzig — Berlin, 1934, S. 406, 433.

⁵⁸ Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 580, 828; Bd. VI, S. 403, 609, 636 e. a.

⁵⁹ Fuchs P. W. Op. cit., S. 315, 317 e. a.

⁶⁰ Reyscher A. L. Op. cit., Bd. 12, S. 2. См. также: Jacobeit W. Op. cit., S. 32.

⁶¹ Генезис капитализма в сельском хозяйстве. М., 1965, с. 88—90.

⁶² Grimm J. Op. cit., Bd. IV, S. 527, 529; Bd. VI, S. 403, 609; Bd. I, S. 512 e. a.

Общий рост поголовья овец в XIV—XVI вв. является неоспоримым фактом, зарегистрированным в документах и замеченным исследователями. Если его сравнить с тем, что мы говорили выше о пути развития свиноводства, то можно составить наглядное представление о главном направлении изменения структуры скотоводства в изучаемое время: престиж свиноводства был подорван, немецкие феодалы, захватывая общинные пастбища, обеспечивали первое место овцеводству. Наряду с этим магистральным изменением в скотоводстве происходили и иные сдвиги.

Вместе с захватом феодалами общинных пастбищ и лесов для крестьян все более остро вставали вопросы о расширении и видоизменении кормовой базы для скота. Особое значение приобретали такие виды кормов, как сено, заготавливавшееся на естественных и искусственных лугах, и солома. Использование этих видов кормов не могло принести пользу свиноводству. Зато сено и солома давали хорошие результаты при кормлении ими жвачных животных и лошадей. Поэтому, на наш взгляд, правы те исследователи, которые констатируют, что в XIV—XVI вв. (особенно к концу периода) в крестьянских хозяйствах возросла роль таких животных, как корова, лошадь и овца. Именно к этому времени архсологи (соответственно остеологи) относят начало вытеснения из сельского хозяйства Германии мелкой, даже можно сказать, карликовой, породы крупного рогатого скота.⁶³ Новая порода коров («стойловая корова», как ее называет Лампрехт) давала в 2 раза больше молока, чем прежняя, так называемая «пастбищная корова» (Weidekuh).⁶⁴

В середине XIV в. луговое хозяйство в Германии было еще очень слабо развито, и в отдельно взятом крупном хозяйстве (барском и арендаторском) ему придавалось мало значения.⁶⁵ Повсюду еще возлагались основные надежды на общинные пастбища. На протяжении XIV—XVI вв. постепенно изменялось отношение к лугам и возникало луговое хозяйство в собственном смысле слова. Сам процесс рельефно вырисовывается при изучении различных документов.

Именно в это время впервые отделяются луга от остальных угодий. Вейстюмы, которые из всех дошедших до нас документов того времени наиболее полно отражают жизнь крестьянских общин, постоянно сообщают о возведении изгородей вокруг индивидуальных и общинных луговых участков. В них подчеркивается, что это имеет такое же важное значение, как возведение изгородей вокруг огородов.⁶⁶ Обычно сроки запрета выгонять скот на луга длились от дня св. Вальпургия (1 мая) или

⁶³ Abel W. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft*. Stuttgart, 1902, S. 113.

⁶⁴ Lamprecht K. *Op. cit.*, S. 533.

⁶⁵ AWU, S. 91.

⁶⁶ Grimm J. *Op. cit.*, Bd. V, S. 604, 619 e. a.

даже от дня св. Петра (12 февраля) до дня св. Мартина (11 ноября).⁶⁷ За это время дважды скашивалось сено с лугов.

В изучаемое время луговодство вступало только в первоначальную стадию своего развития.⁶⁸ Однако его успехи уже вполне заметны в дошедших до нас документах. Там, где предстояло вначале осушить местность, чтобы ее потом использовать в качестве луга, общинники совместно проводили дренажные работы и отгораживали весь массив от остальных угодий.⁶⁹ Нередко в таких случаях крестьяне, находившиеся в поземельной зависимости от разных феодалов, выступали сообща.⁷⁰

В интересующее нас время учащались случаи превращения в луга пахотных полей.⁷¹ В луга, по всей вероятности, превращались малоурожайные поля.⁷² В Гессене города, которым во время Реформации отходила часть секуляризованных монастырских земель, превращали пахотные земли в огороды, сады и луга.⁷³

Все большее значение придавалось в указанное время обводнению лугов. Поскольку луга находились в частном пользовании, а вода рассматривалась как общинная собственность, на обводнение лугов требовалось разрешение всей общины. Поэтому в документах общинного происхождения постоянно говорится о вопросах обводнения лугов. Как правило, обводняемые луга примыкали с одной стороны к пастбищам, от которых каждый владелец отгораживался изгородью или рвом, а с другой — к водоему.⁷⁴ Крестьяне — соседи, да и вообще все члены общины, чьи луга граничили друг с другом, пользовались водой по очереди. Права регулировки очередности и контроля принадлежали всей общине.⁷⁵ Орошение лугов производилось систематически, начиная с ранней весны и до созревания трав.⁷⁶ Как сообщает Ротерт, в Вестфалии луга орошались регулярно уже в XV в.⁷⁷

Общины устанавливали единые правила пользования водой на орошение лугов для всех своих членов без исключения. И тем

⁶⁷ Loersch H. Op. cit., S. 82; Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 57; Bd. IV, S. 559 e. a.

⁶⁸ В отдельных населенных пунктах луга лежали чересполосно с пашней в пределах одного из трех традиционных полей. — V a d e r K. S. Das mittelalterliche Dorf. Bd. I. Weimar, 1957, S. 42.

⁶⁹ Die Urkunden des Klosters Oberschönenfeld. Augsburg, 1953, S. 194.

⁷⁰ Ibid., S. 155.

⁷¹ Grimm J. Op. cit., Bd. IV, S. 59.

⁷² AWL, Bd. I, S. 632.

⁷³ Die oberhessischen Klöster. Regesten und Urkunden. Bd. I. Marburg, 1961, S. 238.

⁷⁴ Grimm J. Op. cit., Bd. II, S. 476.

⁷⁵ Например, в деревне Фейдгохлейм (Вюрцбург) в 1540 г. каждому крестьянину разрешалось пользоваться общинными водоемами в течение трех дней. — D i n k l a g e K. Op. cit., S. 110.

⁷⁶ Die Urkunden des Klosters Oberschönenfeld, S. 155.

⁷⁷ R o t h e r t H. Westfälische Geschichte. Bd. 2. Gütersloh, 1962, S. 236.

не менее феодалы, входившие в общину, нередко нарушали общинные постановления.⁷⁸

В документах сохранились сведения о большой совместной работе крестьян по осушению заболоченных мест и обводнению засушливых пустырей. При этом возводились дамбы, сооружались каналы и шлюзы, рылись каналы.⁷⁹ Обводнение лугов ускорило вегетативные сроки вызревания сельскохозяйственных культур. Это позволяло снимать по два урожая сена в год. Первый сенокос проводился до дня св. Иоанна (24 июня), второй — до дня св. Лаврентия (10 августа).⁸⁰ Пастьба скота на лугах разрешалась общинникам только после второго сенокосения и, как правило, до дня св. Гертруды (17 марта), т. е. до начала следующей весны. В местах, где крестьяне остро нуждались в пастбищах, им приходилось арендовать господские луга на срок от второго сенокосения до следующей весны.⁸¹

Одновременно обострялась борьба между различными имущественными группами крестьян из-за пастьбы скота. Повсеместно, как видно из документов, богатые крестьяне, имея в своем распоряжении луга значительных размеров, а также другие источники корма для стойлового содержания скота, на общинных сходках отстаивали особые, дополнительные права выпаса для своего скота и нередко до решения общины изменяли условия выпаса в свою пользу.⁸²

Кроме того, частное пользование лугами и неравномерное распределение их усиливали для отдельных хозяйств возможности использования наемного труда. Однако феодалы по-прежнему привлекали и барщинный труд. В нижнеэльзасских деревнях Вессельхейм и Брехлинген даже в 1529 г. на четырех господских лугах трудились одни барщинники.⁸³ Широко применялся барщинный труд при сенокосении в конце XIV — начале XV в. в таком передовом для того времени хозяйстве, как графство Готенберг.⁸⁴ В то же время во многих местах и этого графства

⁷⁸ Так, например, в 1475 г. крестьяне деревни Берихбах возле г. Кауфбеурена собрались на сходку для обсуждения жалобы Ганса Целлера, обвинявшего монастырь в нарушении очередности пользования водой для обводнения лугов. — *Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren*. Augsburg, 1955, S. 364.

⁷⁹ AWL, Bd. II, S. 463.

⁸⁰ Loersch H. Op. cit., S. 117; Grimm J. Op. cit., Bd. V, S. 443. См. также: Wiessner H. W. *Sachinhalt und wirtschaftliche Bedeutung der Weistümer*. Baden e. a., 1951.

⁸¹ Grimm J. Op. cit., Bd. IV, S. 6.

⁸² В 1530—1540 гг., судя по жалобе беднейших крестьян судебного округа Вельмих (возле Трира), богатые крестьяне оставляли в своих хозяйствах на зиму значительно больше, чем бедные крестьяне, маточного поголовья, а весной самовольно изменяли в свою пользу условия найма пастуха. — Loersch H. Op. cit., S. 94.

⁸³ Grimm J. Op. cit., Bd. V, S. 443.

⁸⁴ *Quellen zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der Grafschaft Hohenberg*. Bd. II. Stuttgart, 1959, S. 88, 144 e. a.

тогда уже в луговодстве сочетался труд барщинников с трудом наемных людей: косьба сена производилась поденщиками, которым труд оплачивался и которые кроме того, получали деньги на питание; перевозка сена осуществлялась барщинниками, которые ничего не получали за труд, однако на питание им выдавалось соответственное количество денег.⁸⁵ В феодальном хозяйстве майнцского архиепископа, расположенном возле Эрфурта, тяжелый физический труд по уничтожению кротовин, обводнению лугов, сенокосению и перевозке сена выполнялся либо наемными людьми, работавшими круглый год по найму, либо поденщиками.⁸⁶

Вместе с луговодством возрастало и значение торговли сеном: на рынке продавалось сено не только тачками и возами, как постоянно сообщают современники, но и в кубических измерениях, что говорит об определенных навыках в торговле сеном.⁸⁷

Луговодство, как видно, даже в начальной стадии развития свидетельствует о значительных изменениях в сельском хозяйстве, а главное — в скотоводстве. Луговодство и заготовка сена позволяли, по крайней мере зажиточным крестьянам, увеличивать количество своего скота, находившегося на стойловом содержании.

Наряду с сеном теперь широко используется как корм для скота и солома. В ряде своих работ А. Тимм показал, что необходимость в соломе как корме для скота имела своим последствием более широкое применение косы в сельском хозяйстве.⁸⁸ Именно с этого времени крестьянам — держателям и арендаторам строжайше запрещается увозить или продавать солому, собранную на их пахотных землях.⁸⁹ В то же время сами феодалы все чаще выступали в роли продавцов соломы, причем, как правило, они продавали солому богатым крестьянам по сравнительно высоким ценам.⁹⁰

С XVI в. получает распространение травосеяние, особенно в районах юго-западной Германии.⁹¹ Однако проследить этот процесс из-за скудности сведений не представляется возможным.

⁸⁵ Ibid., S. 63.

⁸⁶ K i u s O. Die thüringische Landwirtschaft. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», Bd. II, H. 2—3, S. 125.

⁸⁷ Q u e l l e n . . . der Grafschaft Hohenberg, Bd. II, S. 63.

⁸⁸ T i m m A. 1) Die Waldnutzung, S. 11—113; 2) Zur Geschichte der Erntegeräte. — Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie, 1956, H. 1, S. 29—30.

⁸⁹ G r i m m J. Op. cit., Bd. III, S. 573.

⁹⁰ В 1392—1393 гг. воз соломы в Гогенберге стоил фунт 4 пфеннига. — Q u e l l e n zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. I. Stuttgart, 1953, S. 162.

⁹¹ AWL, Bd. I, S. 220 e. a.

Недостаток в общинных пастбищах для скота ощущался в XIV—XVI вв. повсеместно. Этим и объясняется широкое распространение аренды пастбища. Судя по документам, в большинстве случаев арендаторами пастбищ выступали крестьянские общины, остро нуждавшиеся в подножном корме для скота. Крестьянская аренда, разумеется, не угрожала феодалным собственникам потерей земли. Иначе обстояло дело тогда, когда феодалы сами были вынуждены арендовать земли у крестьян. Как видно из крестьянских жалоб 1525 г., в случае аренды феодалами общинных пастбищ над крестьянами нередко нависала угроза потери своего общинного пастбища.⁹²

То же значение, что травяное пастбище, имело пастбище по жнитве.⁹³ Пастьба скота по жнитве в изучаемое время организовывалась и контролировалась общиной. Поэтому вопросы, связанные с выпасами скота на таких пастбищах, наиболее полно отражены в вейстюмах. Засеянная пашня всегда огораживалась, и при трехпольном севообороте, когда пахотный ареал деревни делился на три поля, к каждому полю имелся доступ только через определенный вход, расположенный ближе к деревне. Вход на каждое поле закрывался легкими (из жердей) воротами, которые навешивались так, что сами закрывались. Их навешивал тот из соседей, кто первым выходил в поле сеять. Так как вся община нуждалась в пастьбе по жнитве, то все вместе устанавливали жесткие сроки для уборки урожая с пахотных полей: на уборку ржи в озимом поле, как правило, давалось только 14 дней (озимое поле везде было наиболее ранним пастбищем по жнитве), на уборку овса в яровом поле — 21 день (если учитывать, что яровые хлеба созревали значительно позднее, чем озимые, то становится понятно, что пастьбой на яровом поле занимались на протяжении меньшего срока). Община строжайше запрещала индивидуальную пастьбу скота на своих собственных наделах. Пастьба по жнитве разрешалась всей общине в период с окончания уборки и до весенних работ, которые обычно начинались в день св. Георгия (23 апреля) с пахоты.⁹⁴

На протяжении длительного времени, с XIV по XVI в. в Германии не знали еще черного пара, поэтому паровое поле использовалось также в качестве пастбища для скота. Обычно яровое поле после снятия урожая не перепаживалось до июня следующего года. Не случайно этот месяц повсюду назывался крестьянами месяцем пара.⁹⁵ В то же время крестьяне, нуж-

⁹² Вауманн F. L. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges. Freiberg, 1873, S. 239.

⁹³ Прав Г. Гансен, когда заявляет, что пастьба по жнитве развивалась особенно быстро из-за наступления господ на общинные пастбища. — Нассен G. Agrarhistorische Abhandlungen. Bd. I. Leipzig, 1880, S. 164.

⁹⁴ Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 142—143, 177—178.

⁹⁵ «Brochmonat genant zu latin junius». — Grimm J. Op. cit., Bd. I, S. 409.

даясь в новых, более эффективных кормах для скота, начинали засевать паровое поле свеклой и викой (бобовиной).⁹⁶ Уже в середине XIV в. известный агроном К. Мегенберг отметил: «Крестьяне говорят: если скосить зеленую массу бобовины и переплывать зеленые корни ее так, чтобы они перепрели, это дает исключительное удобрение».⁹⁷ Крестьяне на опыте научились ценить замечательные растения — горох, фасоль и чечевицу, дававшие корм для скота, пищу людям и удобрение почве.

В некоторых районах Германии в это время весьма распространенным стал опыт деления пашни не на три поля, как при трехполье, а на четыре. На трех полях велся по всем правилам севооборот, а четвертое поле отдыхало 6—12 лет⁹⁸ и использовалось в течение этого времени как пастбище для скота. Вполне возможно, что использование его под пастьбу овец научило крестьян двум новым агротехническим приемам: 1) переплывать паровое поле сразу после снятия урожая, с тем чтобы потом до посева озимой культуры держать его «чистым» и чтобы таким образом зародился так называемый «черный пар»; 2) использовать овечий навоз в качестве удобрения для полей.

Стойловое содержание скота приводило еще к одному, очень существенному агрономическому сдвигу в крестьянских хозяйствах: все более регулярно стали использовать навоз в качестве удобрения для полей, огородов, садов и виноградников. Куча хранившегося на крестьянском дворе навоза с этих пор стала его неотъемлемой частью. По величине ее судили о зажиточности крестьянина, нередко с тех пор крестьянский двор назывался в документах просто «навозом».⁹⁹ Все чаще навоз становился предметом продажи. Даже феодалы были вынуждены покупать его у своих крестьян.¹⁰⁰ В то же время феодалы строжайше запрещали крестьянам, арендовавшим бывшие доменальные земли, увозить отсюда навоз в другие хозяйства.¹⁰¹

Таким образом, из сказанного видно, что в XIV—XVI вв. структура скотоводства претерпевала заметные изменения. По удельному весу теперь первое место занимало овцеводство. Свиноводство по сравнению с предшествующим периодом оказалось значительно потесненным. В то же время в крестьянском хозяйстве возрастало значение крупного рогатого скота и лошадей. Изменилась или, по крайней мере, значительно видоизменилась, форма скотоводства: на место прежнего пастбищного скотоводства теперь приходит стойловое содержание скота.

⁹⁶ Wiessner H. W. Op. cit., S. 155.

⁹⁷ Megenberg K. von. Das Buch der Natur. Stuttgart, MDCCLXI, S. 424.

⁹⁸ Об этом подробно говорится в главе IV данной работы.

⁹⁹ V a d e r K. S. Op. cit., S. 56; G r i m m F. Op. cit., Bd. III, S. 16.

¹⁰⁰ Quellen... der Grafschaft Hohenberg, Bd. II, S. 24, 29, 37, 45 e. a.

¹⁰¹ G r i m m J. Op. cit., Bd. III, S. 573 e. a.

Появление элементов капиталистического предпринимательства в крупных овцеводческих хозяйствах. Самые существенные изменения экономического и социального характера происходили в изучаемое время в овцеводстве. Документы с XIV в. все чаще содержат сведения о крупных овцеводческих хозяйствах, в которых насчитывалось 150, 250, 300, 350¹⁰², 565¹⁰³ и даже 700¹⁰⁴ голов.

Товарный характер этих хозяйств не вызывает никакого сомнения. Не случайно стрижка овец в весенний период называлась первым урожаем в году. Во многих жалобах феодалов на пропажу овец во время Крестьянской войны постоянно подчеркивается, что это овцы, которых держали ради настрига шерсти. О товарном характере овцеводства говорят и княжеские законы. По приказам городов Вюртемберга владельцы хозяйств обязывались перед стрижкой мыть овец, т. е. заботиться о том, чтобы шерсть, поступающая на рынок, имела товарный вид.¹⁰⁵

С XV в. овцеводство и торговля шерстью становятся предметом заботы городов и территориальных князей. Нередко горожане сами владеют многочисленными отарами овец. Особенно много овец держали в окрестностях жители города Кельна, а в окрестных с городом Оснабрюком деревнях во второй половине XVI в. бюргерам принадлежало не менее 50 тыс. овец. Отдельные бюргеры имели не менее 300—500 голов овец.¹⁰⁶ В городах жили купцы, специализировавшиеся на торговле шерстью. Они систематически снабжали этим видом сырья ремесленников. Появлялись перекупщики шерсти.

Рост торговли шерстью заставляет феодальные власти заботиться ею. Вводятся единые цены на шерсть. Князья пытаются монополизировать этот вид торговли: повсюду появляются княжеские агенты — перекупщики, которые заранее дают овцеводам деньги, чтобы потом получить у них весь настриг шерсти.

В XVI в. императоры и князья (в 1527 г. в Бадене, в 1534 г. в Гессене, в 1536 г. в Вюртемберге) издают законы, запрещающие вывоз шерсти за пределы княжеств и империи. В областях верхнего течения Рейна, вдоль Мозеля, в Саксонии, Вестфалии и Нижней Саксонии расцвет ряда городов в XVI в. был тесно связан с торговлей и обработкой шерсти.¹⁰⁷

Кроме шерсти овцеводы отправляли на рынок баранину, сало, кожу и различные сорта сыра. Особенно увеличивалась

¹⁰² Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 592, 609; Bd. III, S. 463.

¹⁰³ AWL, Bd. II, S. 74.

¹⁰⁴ Fuchs W. P. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges. Bd. II, S. 524.

¹⁰⁵ Подробно об этом см.: Майер В. Е. Крупное овцеводческое хозяйство в Германии в XIV—XVI вв. и появление в нем элементов капиталистического предпринимательства. — В кн.: Генезис капитализма..., с. 88—91.

¹⁰⁶ Rothert H. Westfälische Geschichte. Bd. II. Gütersloh, 1962, S. 235.

¹⁰⁷ Майер В. Е. Крупное овцеводческое хозяйство... — В кн.: Генезис капитализма..., с. 92—94.

продажа баранины, что стимулировалось неуклонным повышением цен на нее в течение XVI в.

В XIV—XVI вв. на юге Германии развивается отгонное овцеводство. При этом способе содержания скота крупные отары овец, в зависимости от сезона и погодных условий, паслись на определенных пастбищах и загонялись в стойла только в исключительных случаях. В центральных и северных частях Германии овцы содержались в стойлах зимой, летом они паслись на пастбищах. Здесь в связи с этим очень рано была разработана система использования овечьего навоза, заготовки, транспортировки и хранения корма для овец, использования подснежного корма и т. п.

Появление в XIV в. и развитие в XV и первой половине XVI в. крупных овцеводческих хозяйств подтверждается огромным количеством документов. Их товарный характер не вызывает никаких возражений.

Посмотрим теперь, представители каких социальных групп феодального общества были заняты в крупных овцеводческих хозяйствах, каковы были взаимоотношения собственников средств производства (пастбищ, хозяйственных сооружений и овец) и непосредственных производителей. Это позволит на конкретных примерах выяснить те новые социальные элементы, которые появлялись тогда в системе феодальных отношений.

Крестьянские общины, опираясь на традиции и обычаи, нередко пытались рассматривать содержание крупной отары овец как право, принадлежащее исключительно им. Борьба с феодалами за это право продолжалась вплоть до Крестьянской войны.¹⁰⁸

Право обзавестись овцеводческим хозяйством, т. е. право на строительство овчарни и на выделение пастбищ для овец, равно как и привилегия держать овец, довольно рано стали регалиями территориальных князей.¹⁰⁹ Как все другие феодальные права и как любая феодальная собственность, эти права могли быть отчуждены, т. е. они рассматривались в качестве товара. В XIV—XVI вв. права на овцеводство все чаще продавались или передавались территориальными князьями непосредственным земельным собственникам: сеньорам (Grundherr) или владельцам поместий (Gutsherr). Когда в ходе Крестьянской войны крестьяне на время захватили господские овчарни, территориальные князья выступали как восстановители «справедливости»: все хозяйства вновь были возвращены их хозяевам. Сами территориальные князья тоже имели свои овчарни. В юго-западной Германии имели место случаи, когда территориальные князья продавали право на содержание отары овец отдельным общинам.¹¹⁰

¹⁰⁸ Franz G. Akten. . . Bd. I, 2. Abteilung, S. 571.

¹⁰⁹ Jacobeit W. Op. cit., S. 138—140.

¹¹⁰ Fuchs W. P. Op. cit., S. 353, 886; AWL, Bd. II, S. 74, 271.

Однако же, тот кто получал или покупал право на овцеводческое хозяйство у князей, сам непосредственно не становился овцеводом. Овцеводческое хозяйство находилось в руках арендатора, который в документах называется овчаром (Scheffler, Schaffer, Schoffer), мастером по овцеводству (Schafmeister), арендатором (mieter) и мейером.¹¹¹

Овчар в XIV—XVI вв. был издольщиком. Как арендатор на издольных началах он вступал в договорные отношения с тем лицом, которое получило от князя право на создание овцеводческого хозяйства — овчарни. Судя по дошедшему до нас тексту договора от 9 октября 1490 г. между графом Вюртемберга и арендатором его овцеводческого хозяйства, договор включал в себя довольно обширный круг вопросов. Первая его часть состояла из прав и обязательств графа по хозяйству. Так, ему принадлежало $\frac{3}{4}$ поголовья отары овец, он обязывался восстанавливать за свой счет хозяйственные сооружения, если они будут разрушены в ходе войны; он должен за свой счет доставлять стройматериалы из леса на ремонтные работы в хозяйстве, покрывать $\frac{3}{4}$ расходов на стрижку овец, уплачивать $\frac{3}{4}$ церковной десятины на каждую сотню овец, ежегодно поставлять 75 кг соли. Во второй части определялись обязанности арендатора: готовить стройматериалы в лесу на ремонт хозяйства, содержать зимой за свой счет $\frac{1}{4}$ отары, которая являлась его собственностью, понести $\frac{1}{4}$ расходов на стрижку овец, внести $\frac{1}{4}$ десятины, вывозить из овчарни навоз на поля, входившие в арендованное хозяйство, содержать во время пастбы ночами всю отару только в загонах, установленных на арендованной земле.¹¹²

Кроме того, овчар обязывался с полей, огородов и лугов феодала свозить $\frac{1}{3}$ всего урожая в деревню Вильдберг, отстоящую от овчарни на 5 км, доставлять в замок графа солому, содержать свой скот — лошадей и коров — за собственный счет, вносить $\frac{1}{3}$ всех дополнительных расходов.¹¹³ Наконец, арендатору разрешалось купить $\frac{1}{3}$ урожая у господина.¹¹⁴

Для времени заключения договора новым было то, что арендатор-издольщик присоединял свою долю овец к отаре феодала. Характерно, что издольщик, арендовавший на таких условиях овцеводческое хозяйство, переставал быть обладателем определенных овец в общей отаре, так как его овцы, присоединенные к господским, клеймились единым с ними клеймом.¹¹⁵ Подобная отара называлась «смешанной» («gemenge», «im gemenge»), а

¹¹¹ Fuchs W. P. Op. cit., S. 141; AWL, Bd. I, S. 220.

¹¹² Отара овец в 150 овцематок и соответствующего числа ягнят в течение 10—12 ночей вносит на 1 га земли 35,3 кг углерода, 14,1 кг фосфорной кислоты и 43,1 кг извести. — Jacobeit W. Op. cit., S. 29.

¹¹³ Текст см.: AWL, Bd. I, S. 194—195.

¹¹⁴ Это было выгодно обеим сторонам: феодал освободился от заботы о наемных рабочих, которых использовал для сбора урожая, арендатор оставил у себя солому и все, что относилось к побочным продуктам.

¹¹⁵ Jacobeit W. Op. cit., S. 61.

прирост от нее делился между феодалом и арендатором согласно их долям в общем поголовье.¹¹⁶

Первоначально доля арендатора была велика и нередко равнялась половине поголовья отары.¹¹⁷ Постепенно она сокращалась, пока в 1597 г. курфюрст Саксонии не ограничил ее 1/8 отары.¹¹⁸ Крупный размер доли, которую должен был приобретать овцевод-издольщик, прежде чем стать арендатором, нередко являлся причиной того, почему в качестве арендатора выступали несколько человек или целая община.¹¹⁹ Феодал в таком случае выбирал из коллектива арендаторов одного или несколько главных гарантов, называемых в документах «Träger».¹²⁰

Приведенный пример арендного договора свидетельствует о том, что издольщиком не мог быть рядовой крестьянин, но только зажиточный, имевший немалое поголовье овец или значительное количество денег, либо горожанин, владевший свободными денежными средствами — только они могли рискнуть пойти на сделку с феодалом. Фактически арендатор-издольщик крупного овцеводческого хозяйства становился первым представителем предпринимательского капитала в деревне. Его доля в арендованном хозяйстве стала его капиталом, благодаря которому он получал право на прибыль. На рынок поступали не только шерсть, постриженная с овец, составляющих долю арендатора, но и весь молодняк от этих овец. Одновременно арендаторы получали от земельного собственника плату, обеспечивавшую уход за овцами, составлявшими господскую долю.

С другой стороны, для феодала его часть отары тоже превращалась в капитал, благодаря которому он в свою очередь мог претендовать на прибыль. Земельный собственник получал, следовательно, не просто ренту, а ренту плюс процент на авансированный капитал плюс избыточную ренту. Здесь существовала именно та система издольного хозяйства, при которой, как указывает К. Маркс, «земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником».¹²¹ В данной обстановке речь может идти о переходном явлении, когда первоначальная форма ренты переходит в капиталистическую. Сама форма издольной аренды возникает потому, что у арендатора

¹¹⁶ Urkundenbuch des Klosters Frauensee 1202—1540. Bearb. von W. Küther. Köln — Graz, 1961, S. 357, 373, 410.

¹¹⁷ Ibid., S. 410.

¹¹⁸ Jacobeit W. Op. cit., S. 157.

¹¹⁹ AWL, Bd. I, S. 363.

¹²⁰ Ibid., S. 199.

¹²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 367.

нет еще достаточного капитала, необходимого для ведения вполне капиталистического хозяйства. Говоря о переходном характере такого вида хозяйства, К. Маркс пишет: «...с одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал».¹²²

Приведенный пример арендного договора между феодальным собственником земли и издольщиком является пока единственным. Однако в других документах, где упоминаются просто овчары-издольщики, всегда предполагается наличие договора. Вообще везде, где упоминается «смешанная отара», можно с уверенностью говорить, что речь идет о хозяйстве овцевода-издольщика. Доля его в «смешанной отаре» могла быть и меньше, чем в упомянутом договоре, но в любом случае овцевод-издольщик выступал как представитель пусть зачаточного, но предпринимательского капитала. Пока нам не удалось еще точно установить, в какое время появился овцевод-издольщик, однако есть основания предполагать, что не позднее конца XV—начала XVI в. он стал той фигурой, без которой к западу от Эльбы не обходилось ни одно овцеводческое хозяйство вотчинников.

Издольщик как переходный тип не обязательно эволюционировал в дальнейшем в капиталистического предпринимателя «чистого типа». Его судьба зависела от различных конкретных обстоятельств. Часть издольщиков, приспособившись к конкретным условиям, использовала свои богатства для того, чтобы стать собственниками земли и других ценностей. Остальные, что случалось реже, часть своих хозяйств и земли сдавали в аренду. Кроме того, издольщики довольно часто становились фогтами и т. п., т. е. начинали занимать определенное место в феодальной администрации. Издольщик-овчар как переходный социальный тип мог стать настоящим капиталистическим предпринимателем только там, где для этого имелись соответствующие условия. По всей вероятности, во второй половине XVI в. в некоторых районах уже складывались такие условия. В Веймарском округе, например, в это время исключительно за деньги сдавались в аренду 7 княжеских овчарен, которые еще в начале века находились в руках издольщиков. Арендаторы овчарен вели свое хозяйство на основе расширенного воспроизводства, что заставляло их постоянно заботиться о росте поголовья и увеличении размеров пастбищ. Весь доход с отары за вычетом арендной платы целиком поступал арендатору. В 1554/1555 от-

¹²² Там же.

четном году чистый доход (прибыль) арендаторов указанных 7 овчарен равнялся огромной сумме — 1333 гульденам 16 грошам 9 пфеннигам.¹²³ Параллельно с этим новым типом капиталистического предпринимателя издольщик занимал по-прежнему ведущее место в крупном овцеводческом хозяйстве. В целом подобные элементы капитализма в земледелии имели еще обратимый характер.

Отсутствие у жителей деревни достаточного количества богатств и свободных накоплений, с одной стороны, и заинтересованность городов в товарной шерсти и иных овцеводческих продуктах, с другой, имели своим следствием то, что арендаторами становились нередко горожане. Горожане проникали в овцеводческое хозяйство по-разному, в зависимости от своего экономического накопления. Одни становились арендаторами-издольщиками, другие чабанами, стригальщиками, мойщиками и т. п. Горожане, занятые в овцеводстве, стремились занять и в городе достойное место. Это приводило к образованию корпораций овцеводов, так называемых братств (schäfferbruderschaft, communen fraternitäten) и цехов (schäfferzunft). С конца XV в. существовало братство овцеводов в Ротенбурге.¹²⁴ Первый сохранившийся устав этого братства относится к 1516 г. Еще до 1443 г. было основано братство овцеводов в вюртембергском городке Маркгрэннингене.¹²⁵ Вблизи Гальберштадта в 1516 г. находился центр местного братства овцеводов и чабанов.¹²⁶ В 1535 г. было основано братство овцеводов недалеко от Нюрнберга в Шнайттахе.¹²⁷ В Верхнем Эльзасе, по всей вероятности, с XIV в. существовало братство гирсфильдских овцеводов.¹²⁸ 1492 г. считается самой поздней датой основания цеха овцеводов в баденском городе Бреттенс, куда входили овцеводы Оденвальда и Шварцвальда.¹²⁹

Члены братства овцеводов называли себя мастерами и подмастерьями (Mäistern und Gesellen der Schäffer Bruderschaft).¹³⁰ В уставе братства овцеводов Гирсфильда 1584 г., которым мы располагаем, говорится, что оно существовало с незапамятных времен.¹³¹ В него входили княжеские овцеводы-издольщики из деревень Эрбенхейм, Дессенхейм, Ванценхейм, Швенхаузен и др., т. е. люди, которых мы рассматривали как представителей предпринимательского капитала. Кроме них,

¹²³ K i u s O. Die thüringische Landwirtschaft. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1864, Bd. II, H. 2—3, S. 146—147.

¹²⁴ J a c o b e i t W. Op. cit., S. 228—229.

¹²⁵ Ibid., S. 229.

¹²⁶ Ibid., S. 232.

¹²⁷ Ibid., S. 233.

¹²⁸ Ibid., S. 234.

¹²⁹ Ibid., S. 257—258.

¹³⁰ Ibid., Beilage, S. 501—503.

¹³¹ Ibid., S. 503—506.

туда входили некоторые дворяне (это, возможно, тоже были издольщики) и чабаны.

В уставе подчеркивалось, что чабан (Кпечт) мог стать мастером только по решению четырех княжеских овцеводов-издольщиков. О наемных мастерах и чабанах говорилось, что они могут наниматься за любую плату, которая им подходит, «за продукты, деньги или за право содержать свою долю овец в отаре». Об экономическом различии между старшим чабаном и подмастерьем-чабаном наглядно свидетельствует то, что только первый имел свой дом.

Уставы организаций овцеводов и другие документы говорят о том, что в овцеводческих хозяйствах постоянно использовался наемный труд. Нанимались не только старшие чабаны, чабаны и подпаски, но и учетчики, и «сборщики урожая». Стрижка овец вплоть до Крестьянской войны производилась во многих хозяйствах барщинниками. С конца XV — начала XVI в. появляются специалисты по мойке и стрижке овец. Они объединяются в артели и обслуживают хозяйства целых районов.¹³²

Таким образом, появление крупных овцеводческих хозяйств не только отражает определенные успехи в развитии земледелия, но и служит свидетельством сдвигов социального характера. По крайней мере с конца XV в. в овцеводстве были заняты или имели к нему отношение: территориальные князья, которые присвоили себе регальные права на овцеводство; собственники земли — грундгеррен, которым принадлежали пастбища, часть отар, необходимые хозяйственные сооружения и которым территориальные князья по договоренности или за деньги предоставляли право на овцеводческие хозяйства; овцеводы-издольщики, а со второй половины XVI в. — арендаторы, арендовавшие хозяйства исключительно за деньги. Овцеводами выступали зажиточные крестьяне, горожане и изредка дворяне. В овцеводческих хозяйствах применялся наемный труд старших чабанов, чабанов, подпасков, учетчиков, стригальщиков, сборщиков урожая.

Наемные люди не были полностью лишены средств производства. Им иногда разрешалось иметь определенное количество овец, они могли быть членами специальных цеховых организаций (а учетчики и сборщики урожая нанимались из зажиточных крестьян). В овцеводстве наемный труд не был еще полностью свободен от ограничений, характерных для феодальной эпохи. Заработная плата давалась не только деньгами, но и продуктами, наемные люди входили в цеховые объединения, труд свободного человека переплетался с трудом барщинника и т. д. И все же было бы неверно не видеть то новое, что было характерно для изучаемого времени: распространение крупных

¹³² Quellen... der Grafschaft Hohenberg, Bd. II, S. 91, 166, 234.

овцеводческих хозяйств, аренды с целью получения прибыли, усиление товарного производства, применение наемного труда, создание артелей наемных людей в земледелии, наконец, выделение овцеводства в самостоятельную отрасль производства, которая находилась в товарно-денежных отношениях не только с городом, но часто и с хлебопашескими хозяйствами, расположенными рядом.

Влияние крупных овцеводческих хозяйств на деревню. При создании крупных овцеводческих хозяйств — ферм их создатели обычно опирались на расположенный в деревне «господский двор», к которому относились: жилой дом, хозяйственные сооружения, огород, пахотные земли, которые лежали чересполосно с крестьянскими в пределах трех традиционных полей, и луга. С «господским двором», поскольку он находился в пределах общины, были связаны определенные права на пользование всеми общинными угодьями. Чересполосное расположение господской пашни и лугов с крестьянскими наделами в большинстве районов давало феодалам возможность беспрепятственно пользоваться всеми видами пастбищ общины. Размеры домениального хозяйства в пору его процветания были больше любого крестьянского хозяйства, но всегда меньше всех крестьянских хозяйств вотчины. Образование овцеводческого хозяйства на господском дворе исторически происходит после реорганизации так называемой вилликации, т. е. тогда, когда домениальная пашня уже в основном сдавалась в аренду и пашенный ареал господского двора сильно уменьшился.

При сдаче господского двора овцеводу-издольщику ему сдавалась и пашня, остававшаяся после реорганизации домениального хозяйства в составе «господского двора». В упомянутом договоре 1490 г. граф Вюртемберга сдавал издольщику не только овцеводческое хозяйство, но и 102 юхарта (около 34 га) пашни, с которых он получал 1/3 урожая. Важно отметить, что граф, как об этом свидетельствует договор, рассчитывал на повышение урожайности и, следовательно, на больший доход. В договоре обуславливалось, что весь овечий навоз пойдет только на удобрение этой пашни.

Появление в деревне вместе с крупным овцеводческим хозяйством крупного арендаторского хозяйства по производству зерна — факт, который сам по себе говорит о серьезных изменениях в земледельческом производстве. Характерно, что феодал, сдававший на исключительно выгодных условиях свой двор, стадо овец и пашню, в то же время не отказывался от получения обычной ренты с пашни; рента платилась крестьянами до заключения арендного договора. Из документов видно, что пашня, входившая в «господский двор», раньше обрабатывалась крестьянами пяти деревень. Граф, прежде чем сдавать двор в аренду, коммутировал барщину. Это случилось, очевидно, до 1490 г. Однако еще в 20-х годах XVI в. крестьяне указанных

деревень вместо барщины платили ежегодную ренту.¹³³ Отметим заодно, что в результате феодал вовсе не страдал, как утверждают Лютге и Абель, а выигрывал: доходы его увеличивались за счет коммутации барщины, создания и сдачи в аренду овцеводческой фермы, двора с пашней и всеми угодьями лицу особо заинтересованному.

Появление крупного животноводческого хозяйства в пределах общины должно было незамедлительно сказаться на условиях пастьбы общинного скота. И действительно, в своих жалобах крестьяне постоянно указывают на то, что их особенно притесняют овчары, пасущие овец по жнитве и беспрепятственно прогоняющие отары через поля при смене пастбищ.

Во время Крестьянской войны, 25 апреля 1525 г., общинники Арнштадта (Саксония) жаловались, что монастырская отара овец причиняет серьезный ущерб их выгонам и полям. Требуя немедленного прекращения подобных нарушений, крестьяне высказывали надежду, что после 29 сентября (день св. Михаила — срок прекращения летней пастьбы) монастырь навсегда уберет ферму с их мест.¹³⁴

Аналогичные жалобы со стороны арендаторов овчарен на нарушение общинных пастбищных интересов подавались в 1525 г. и крестьянами саксонских деревень Бланкенбург, Вимбах, Эльксleben, Кевербург и многих других. В Эстенфельде крестьяне жаловались, что не только издольщик «собственного господина», но и издольщики других господ выгоняют свои отары на их скошенные поля; в Вуллерслебене — на то, что посторонние чабаны выгоняют чьи-то отары овец на их основные пастбища. Судя по жалобе крестьян деревни Дэддорф, их притесняли издольщики Кевернбурга, Рейнсфельда и Плацена. Таким образом, представляется совершенно бесспорным, что овцеводческое хозяйство было в тягость не только крестьянам той деревни, в которой или вблизи которой располагались стационарные сооружения, а и крестьянству в целом. Не случайно в 1493 г. крестьяне в Саксонии убили одного из ненавистных им овцеводов-издольщиков.¹³⁵

Особый вред причинялся крестьянскому хозяйству во время прогона отар. Прогоном издольщики наносили повреждения крестьянским виноградникам, огородам, пашне, лугам, альменде вообще.¹³⁶ И совершенно справедливо городской совет Цвиккау констатировал 22 мая 1525 г., что нарушение прогонного права явилось одной из основных причин восстания крестьян.¹³⁷

¹³³ AWL, Bd. I, S. 197.

¹³⁴ Fuchs P. W. Op. cit., S. 104.

¹³⁵ Fuchs P. W. Op. cit., S. 103, 114, 119—121, 122, 124; Jacobeit W. Op. cit., S. 143.

¹³⁶ Fuchs P. W. Op. cit., S. 113, 121, 127, 200; Franz G. Op. cit., S. 406, 433.

¹³⁷ Fuchs P. W. Op. cit., S. 353.

Во время Крестьянской войны дело доходило до того, что крестьяне не только истребляли господских овец, но и своих овец стали выгонять на господские пастбища.¹³⁸ По существу, крестьяне явочным путем начали экспроприацию феодалов. Этот момент особенно ярко характеризует антифеодальный характер Крестьянской войны.

Крестьяне возмущались и тем, что феодалы даже после захвата общинных пастбищ продолжали брать за них плату с крестьян, как будто там по-прежнему паслось крестьянское стадо.¹³⁹

Наиболее бурный период возникновения крупных овцеводческих хозяйств относится, на наш взгляд, к концу XV — началу XVI в. Об этом наглядно свидетельствуют жалобы крестьян 1525 г., в которых постоянно говорится о фермах, ранее не существовавших или возникших «на памяти последнего поколения людей».¹⁴⁰

О возникновении «новых» овцеводческих хозяйств в конце XV — начале XVI в. говорят и законы князей Вюртемберга. Особенно приветствуются новые овчарни в указе графа Эбергарда от 28 октября 1489 г.¹⁴¹ С середины XVI в. отношение к ним становится другим. Из-за новых отар овец, говорится в указе 1552 г., в течение последних лет были сожжены и истреблены хорошие леса. Все они стали пастбищами для овец.¹⁴² Следует отметить, что вейстюмы на протяжении многих веков до этого запрещали пастьбу овец и коз не только в лесу, но и вблизи него. В 1554 г. князь запрещает заводить фермы там, где их не было, пасти овец в лесу и на пастбищах, предназначенных для пастьбы крупного рогатого скота.¹⁴³ Однако указы нарушались по-прежнему. В 1560 г. князь лично оштрафовал двух овчаров-издольщиков за нарушение пастбищных порядков.¹⁴⁴

Борьба из-за пастбищ, особенно в период ее наибольшего ожесточения, убедительно свидетельствует о том, что речь шла вовсе не об использовании земель, якобы пустовавших со времен «черной смерти» и последующего столетия эпидемий, как считают некоторые исследователи, ссылаясь на то, что земли эти были малоплодородны. Издольщики насильно вторгались в пастбища крестьян, захватывали их. Они вытесняли крестьян и с пашни. Использование худших земель под пастбища для овец объясняется чисто экономическими расчетами феодалов. Овца — наиболее неприхотливое в условиях Германии домашнее животное, и тощие, засушливые пастбища, расположенные

¹³⁸ Fuchs P. W. Op. cit., S. 511, 514—517, 519 e. a.

¹³⁹ Merx O. Akten zur Geschichte des Bauernkrieges. Leipzig — Berlin, 1923, S. 282.

¹⁴⁰ Fuchs P. W. Op. cit., S. 183, 315, 317 e. a.

¹⁴¹ Reyscher A. L. Op. cit., S. 2.

¹⁴² Ibid., S. 235.

¹⁴³ Ibid., S. 261.

¹⁴⁴ Ibid., S. 310; Jacobeit W. Op. cit., S. 32.

на возвышенностях и плохой почве, вполне подходили для пастбищ овец.

В период быстрого развития товарного сельского хозяйства проблема рационального использования худших земель особенно настоятельно вставала перед феодалами, ощущавшими все больший недостаток в деньгах. И тогда плохие земли стали использоваться под пастбища, и не потому, что они к началу развития крупного овцеводства уже обезлюдели, а потому, что овцеводство на них давало больше дохода, было более рентабельным, чем хлебопашество. Крестьяне, сидевшие на худших землях, первыми ощущали наступление на общинные пастбища, нередко под этим натиском они забрасывали свои земли.

Мы уже говорили об овцеводческом хозяйстве, сданном в аренду в 1490 г. графом Вюртемберга. Чтобы выяснить его влияние на деревню, необходимо обратить внимание на жизнь крестьян расположенной вблизи фермы деревни Эфринген и пяти деревень, за которыми числились барщинники, приписанные к господскому двору.

Через 33 года после заключения упомянутого договора все шесть деревень попали в опись держаний, составленную с целью уточнения размеров феодальной ренты.¹⁴⁵ По описи 1523—1524 гг. жители деревни Эфринген, где находилась ферма, уже не проживали там. После приобретения «городского права» они уехали из деревни. Однако все они вместе продолжали платить графу ренту в размере 16 пфеннигов, 3 мальтеров зерна и 10 кур. Земли этих крестьян находились в руках жителей других деревень, городка Вильдберг и каких-то неизвестных лиц. Деревни, следовательно, к этому времени уже не существовало. Перефразируя известное изречение Т. Мора, можно было бы сказать, что здесь деревню съели овцы. Однако люди не вымерли и не исчезли вообще, а уходили в город.

Из деревень, жители которых платили коммутированную ренту в Эфринген, наиболее богатой в 1523—1524 гг. была деревня Шэнбронн. В описи упоминаются 22 фамилии оброчных крестьян. Из них были богатыми 3 крестьянина, у каждого из них имелось 2—3 надела; 17 крестьян имели каждый около 1 надела, 2 были без земли, но, поскольку они проживали на чужих наделах, они были включены в опись. На этом примере видно обогащение одних крестьян и разорение других. О разорившихся говорит и то, что отдельные наделы находились в руках нескольких крестьян.

Сложнее выглядело распределение земли в других деревнях. В деревне Оберхаугштедт проживало 23 плательщика ренты. Из них только 1 крестьянин может считаться зажиточным, 9 — среднеобеспеченными, 8 — малоземельными (от 1 юхарта до

¹⁴⁵ AWL, Vd. I, S. 192—194. — Анализ этой описи см.: Майер В. Е. Крупное овцеводческое хозяйство... — В кн.: Генезис капитализма..., с. 113—120.

2,5 юхарта пашни и до 5 мансмад луга) и 2 — безземельными (один имел огород, другой — огород, дом, двор).

Трудно определить все причины, способствовавшие имущественной дифференциации крестьянства, но одной из них могла быть высокая коммутированная рента: более богатая деревня Шэнбронн платила ежегодно немногим больше 9 фунтов, а бедная деревня Оберхаугштедт — на 4 фунта 16 геллеров больше.

Исключительно бедственным было положение крестьян деревни Гюльтлинген. Здесь самые большие наделы не превышали 20—20,5 юхарта пашни (около 7 га), а остальные составляли площадь от 3 до 10 юхартов (1—3 га). При большом количестве малоземельных крестьян в деревне имелась залежная земля, которой в других деревнях не было.

Оброк, на первый взгляд, брался с жителей Гюльтлингена незначительный. Зато все жители деревни выполняли барщину: они были обязаны строить и ремонтировать сарай, овчарню и изгородь вокруг двора на ферме в Эфрингене. До 1524 г. феодал делал это за свой счет. Кроме того, жители Гюльтлингена обязывались два раза в год заготавливать сено на господском лугу, сушить его и свозить в сарай. При этом барщина по заготовке сена частично оплачивалась (косцам давали по 5 пфеннигов геллерами каждому, 5 буханок хлеба на всех и в конце сенокоса устраивалось угощение за счет господина).

Причиной бедственного положения крестьян деревни Гюльтлинген было еще одно важное обстоятельство: до 11 ноября 1464 г. граф Вюртемберга, Ульрих, имел в ней овцеводческое хозяйство. Но крестьяне Гюльтлингена, сильно страдавшие от этого, обратились к графу с просьбой убрать овец из их деревни. Феодал согласился, но «в обмен» обложил крестьян деревни ежегодным оброком в 15 фунтов геллеров.¹⁴⁶ Мы не знаем, когда граф перестал взимать оброк, во всяком случае в 1523—1524 гг. он его уже не получал, но, может быть, именно этот оброк привел к возрождению барщины для деревни Гюльтлинген.

К сожалению, данные по остальным деревням не позволяют нам составить столь же наглядную картину. В деревне Зульц имелось 26 жилых домов, в них проживали крепостные, платившие все вместе ежегодно 11 фунтов 18 пфеннигов за «выкупленную барщину» в Эфрингене. Кроме того, 5 жилых домов (священника, сборщика податей, пастуха, кузнеца и старосты-шульца) освобождались от всяких повинностей. В деревнях Эбхаузен и Вельхаузен имелось 32 жилых дома, из них 9 освобождались от крепостных обложений, кроме того, 2 дома числились развалившимися.

Неравномерное распределение богатств, следовательно, наблюдалось не только внутри отдельных деревень, связанных с

¹⁴⁶ AWL, Bd. I, S. 218—219.

овцеводческим хозяйством в Эфрингене, но и между деревнями. Наиболее бедными оказались деревни Эфринген и Гюльтлинген. В одной из них некоторое время существовала овцеводческая ферма, в другой она продолжала существовать. Если жители Эфрингена постепенно переселились в ближайший городок, где они приобрели «городское право», то оставшиеся на месте жители Гюльтлингена страшно обеднели: феодал был вынужден платить им за барщину.

В связи с выяснением влияния овцеводческого хозяйства на деревню обращает на себя внимание следующий пример из истории Тюрингии. Д. Леше (ГДР), анализируя в ином ракурсе экономическое положение в 1524 г. крестьян 16 деревень, расположенных вокруг Мюльхаузена, пришел к верному выводу: процент налогоплательщиков на худших по качеству землях был меньше, чем на лучших. Леше пытается объяснить этот факт главным образом почвенными условиями. При сопоставлении данных Леше с нашими данными о крупном овцеводстве нам удалось установить, что в двух деревнях — Фельхта¹⁴⁷ и Ленгефельд¹⁴⁸ — имелись крупные овцеводческие хозяйства. Обе деревни в таблице Леше согласно своему экономическому положению находились рядом. Одна имела среднюю по качеству землю, другая — плохую. Экономическое положение жителей обеих деревень почти не различалось: в Фельхте 40% населения было способно платить подати, в деревне Ленгефельд — 44%. Для сравнения укажем, что в самой богатой деревне имелось 82% платежеспособных хозяйств.

Приведенные факты подтверждают два наших наблюдения: овцеводческие хозяйства располагались не на лучших, а на худших, хотя и заселенных, землях, и крестьяне в деревнях, где имелись крупные овцеводческие хозяйства, разорялись быстрее, чем там, где их не было.

Из сказанного в данной главе можно сделать следующие общие выводы.

1) В XIV—XVI вв. феодалы Германии в поисках новых источников денег усиленно захватывали общинные угодья — леса и пастбища. Захват феодалами лесов и вырубка в них таких пород, как дуб, бук и орешник, нанесли непоправимый удар самому старому и самому дешевому в условиях Германии виду скотоводства — свиноводству. До появления новых эффективных кормов (т. е. до XVIII в., когда получили достаточное распространение картофель и кукуруза) свиноводство перестало быть ведущей отраслью скотоводства. Одновременно сократилась кормовая база, на которой до этого держалось скотоводство в мелких крестьянских хозяйствах.

2) Крестьяне по мере изменения привычных пастбищных

¹⁴⁷ Fuchs P. W. Op. cit., S. 525.

¹⁴⁸ Ibid., S. 525.

условий были вынуждены перейти к стойловому или пастбищно-стойловому содержанию скота. Сам по себе процесс перехода к новой форме ведения скотоводства был длительным и к концу изучаемого периода еще не завершился. Однако в ходе этого процесса постепенно вырисовывались два самых существенных изменения в скотоводческом хозяйстве Германии. Во-первых, изменилась структура скотоводства: первое место в нем теперь заняло овцеводство. Во-вторых, в крестьянских хозяйствах пастбищное скотоводство потеряло свои прежние позиции.

3) Возникновение стойлового или пастбищно-стойлового содержания скота должно было постоянно толкать крестьянина на поиски все новых кормов. Луговоеводство, травосеяние, использование пара под кормовые культуры, превращение пашни в луга, использование соломы в качестве корма — таковы первые заметные сдвиги в этом направлении.

4) При стойловом и пастбищно-стойловом содержании скота в период, когда в качестве корма использовались почти исключительно сено и солома, возросло значение лошади и особенно коровы. Теперь обращается значительно больше внимания на продуктивные породы скота. В XIV—XVI вв. происходят радикальные сдвиги в замене прежних пород скота новыми, с конца XIV в. регулярно ввозятся в Германию бараны фламандской породы.¹⁴⁹

5) Овцеводство, окрепшее в результате создания многочисленных крупных овцеводческих хозяйств, становилось ведущим в скотоводстве. Для успешного занятия овцеводством требовались значительные капиталовложения в хозяйство. Феодалы, присвоив себе все право на овцеводство, сдавали свои овцеводческие хозяйства в аренду овцеводам-издольщикам, число которых возрастало, особенно с конца XV в. Вместе с появлением овцеводов-издольщиков и овцеводов-арендаторов, применявших наемный труд в хозяйстве, постепенно подрываются прежние феодальные порядки в овцеводстве.

6) Изменения в структуре и способе ведения скотоводства содействовали увеличению количества товарных скотоводческих продуктов: мяса, шерсти, молока, жира, сыра и т. п. Когда мы говорим об увеличении количества товарного мяса, мы имеем в виду увеличившийся объем продажи не только баранины, но и других видов мяса — свинины и говядины. Решающим здесь оказалось то, что параллельно со структурными изменениями в скотоводстве и частично в зависимости от них происходили существенные сдвиги в сельском хозяйстве вообще. Немалая часть крестьян была разорена и уходила из деревни, где свои потребности в мясе удовлетворяла натуральным способом. Кроме того, в оставшихся крестьянских хозяйствах, поскольку они укрупня-

¹⁴⁹ Die Urkunden und Urbaren des Klosters Schäftlarn. Bearb. von Weissthammer. München, 1957, S. 250.

лись за счет разорившихся соседей, обходились меньшим количеством скота: в силу того, что теперь каждая тягловая сила использовалась рациональнее, уменьшилось общее количество тягловых животных в целом по деревням, высвободился, следовательно, корм для мясо-молочного скота. Значительно расширились и улучшились пастбища и луга. Кроме крестьян, производством товарных мясо-молочных продуктов стали заниматься также мясники, пекари и мельники. Все это не могло не содействовать увеличению товарной продукции скотоводства.

7) По сравнению с предшествующим периодом значительно возросло количество труда, которое теперь требовалось для выращивания скота. Стоимость товарной продукции скотоводства увеличивалась, так как исходный материал — породистый скот — накопил в себе значительно большее количество общественного труда и, кроме того, в условиях стойлового содержания скота на уход за ним тратилось больше труда, чем при беспастушьем содержании. Благодаря этому значительно повысились цены на мясо. Данное обстоятельство стимулировало развитие скотоводства. К тому же оно позволяло импортировать дешевый скот из-за границы (дешевый потому, что он выращивался на пастбищах), чтобы его затем откармливать и продавать мясо по рыночной цене.¹⁵⁰ Рост цен на мясо в то время, когда цены на зерно не повышались, толкало земледельцев на развитие скотоводства за счет хлебопашества. Часть пахотной земли (худшей) отводилась под пастбища.

8) Появление крупных овцеводческих хозяйств изменило социально-экономическое лицо деревни. Более зажиточное хозяйство издольщика благодаря наличию большого поголовья скота стало вестись на основе последних агрономических достижений. В то же время оно наступало на крестьянские хозяйства. Пользуясь пастбищным и особенно прогонным правом, арендованным или купленным у феодала, издольщики разоряли хозяйства крестьян. Частые злоупотребления приводили к обострению противоречий в деревне. Часть крестьян при этом вообще вытеснялась из сферы земледельческого производства, переселялась в города. Другая часть оставалась в деревне на положении батраков, у которых вообще могло не быть имущества, либо имелся дом, а иногда и усадьба. Решение вопроса о том, оставаться ли крестьянину или уходить из деревни, чаще всего зависело от того, насколько разорившийся был свободным. Феодал старался удержать всех крепостных. В деревне успешно развивался труд наемных людей.

9) Развитие скотоводства, решающие направления его изменения зависели не от таких случайных явлений, как «черная смерть». В то же время следует особое внимание обратить на

¹⁵⁰ Lütge F. Strukturwandlungen im ostdeutschen und osteuropäischen Fernhandel des 14. bis 16. Jahrhunderts. München, 1964.

то, что в период разорения большого числа крестьян и наплыва обездоленных в города и богатые промыслами деревни чума не была, очевидно, случайным явлением. Она распространялась в результате ряда социально-экономических причин, и вполне возможно, что именно в такой обстановке она должна была влиять и на ход событий в сфере социально-экономической жизни.

10) В выводах важно еще раз подчеркнуть, что скотоводство развивается не в зависимости от особых причин, присущих только ему. Три этапа в развитии скотоводства, о которых говорит В. Абель, абсолютизируя их значение, целиком зависят от уровня производства и общественных отношений. Скотоводство на ранних этапах развития преобладает над земледелием не из-за того, что население тогда было редким, а в силу низкого уровня производительных сил. Превращение пахотной земли в пастбища, имевшее место в XIV—XVI вв., зависело, на наш взгляд, не от мнимого возвращения к первому этапу в развитии скотоводства, а от разорения части крестьян, частичной экспроприации церковного земельного фонда во время Реформации и использования наименее плодородной земли в качестве пастбищ для овец.

Глава III

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ МЕЛКИХ ХОЗЯЙСТВ ДЕРЕВНИ И ГОРОДА ГЕРМАНИИ XIV—XVI вв. НА ПРОИЗВОДСТВЕ ОГОРОДНЫХ, САДОВЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В XIV—XVI вв. ряд общественно-экономических условий благоприятствовал успешному развитию мелких товарных хозяйств, выращивавших на продажу земледельческие растения, преимущественно огородные, садовые и технические. Наиболее важными из этих условий, на наш взгляд, были следующие: 1) формирование многочисленных местных рынков, заметные тенденции к установлению связи между ними и почти полное отсутствие конкуренции со стороны иностранных товаров; 2) значительное ослабление власти феодалов над крестьянами, начавшееся в предыдущем столетии, продолжавшее сказываться, особенно в начале интересующего нас периода; 3) наличие большого числа свободных рабочих рук, высвободившихся в результате интенсификации земледелия и расширения пастбищ за счет пахотных полей, а также вследствие бегства крестьян в города во время усиления в XV—XVI вв. феодальной реакции.

Историки не отрицают для XIV—XVI вв. количественного роста огородничества и садоводства. В книге «История сельского хозяйства в Германии от раннего средневековья до XIX века» В. Абель констатирует, что в XIV—XVI вв., как никогда раньше и позже, в Германии огромные площади занимались так называемыми «особыми культурами».¹ К последним он относит стручковые растения, капусту, свеклу, лен, коноплю, хмель, различные растения, содержащие красящие вещества, виноград, фрукты и овощи. Это явление, как и все другие, ученый объясняет сокращением населения в период «черной смерти» и последующих эпидемий, приводившим к запустению пахотных земель. Феодалы, по мнению Абелья, заботясь о «лучшем использо-

¹ A b e l W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1962, S. 116—119. См. также: V a d e r K. S. Gartenrecht. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Bd. 75, 1955, S. 258.

вании земли», и были теми, кто создавал огороды, сады, виноградники и т. п. При этом ученый совершенно игнорирует тот факт, что выращиванием овощей, фруктов, винограда и технических культур занимались почти исключительно мелкие собственники города и деревни.

Опираясь на большое количество источников, изданных преимущественно после второй мировой войны, мы ставили следующие задачи: 1) выяснить, насколько широко и где в Германии в указанное время шел наиболее бурно процесс специализации мелких хозяйств на выращивании огородных и садовых культур, винограда, ряда технических культур, особенно вайды; 2) в какой мере эти успехи являлись проявлением прогресса в развитии производительных сил, какие новые типы хозяйств возникали в это время; 3) какие социально-экономические слои были в первую очередь заинтересованы в таком развитии сельского хозяйства и внесли главный вклад в него; 4) к каким социально-экономическим результатам в сельском хозяйстве оно привело.

Успехи огородничества и садоводства в XIV—XVI вв.

Когда мы говорим об огородничестве и садоводстве в интересующее нас время, то под ним мы не подразумеваем выращивание овощей и фруктов крестьянами и горожанами в пределах усадеб и вокруг жилищ с целью удовлетворения собственных потребностей. Такое огородничество и садоводство практиковалось уже древними германцами, как и большинством народов, начиная с эпохи неолита. В XIV—XVI вв. речь идет об освоении жителями городов и деревень новых просторов дополнительно к своим усадьбам с целью разбивки на них огородов и садов, чтобы выращивать там овощи, фрукты и нередко технические растения *для продажи их на рынок*. Исторически это было время появления в земледелии большого числа мелких хозяйств, основывавшихся преимущественно на простом товарном производстве. Такие хозяйства при отсутствии достаточных средств сообщения, естественно, располагались вблизи от потребителей, т. е. городов.

Главными огородными культурами в то время были лук, чеснок,² капуста, свекла, морковь, мак, хмель, а также сортовой лен и конопля, выращивавшиеся на семена. Последние три культуры вместе с разделением труда и ростом спроса на них со стороны городов постепенно выделались и заняли самостоятельное место в так называемых хмельниках и на льняных и конопляных полях. Огородная фасоль в середине XV в. только начинала отвоевывать себе место, и то только в районе Мозе-

² Чеснок называется в книге Мегенберга «лекарством крестьянина». — M e g e n b e r g K. von. Das Buch der Natur. Stuttgart, MDCCCLXI, S. 384.

ля.³ В то же время полевая фасоль выращивалась еще в большем количестве, и К. Лампрехт даже говорит о торговле ею в крупных масштабах.⁴ Значение полевой фасоли было так велико, что она нередко называется исследователями «средневековым картофелем».

Из фруктов выращивались главным образом виноград, яблоки, орехи, вишня, груши, сливы, а из цветов — розы, лилии, желтофиоль, нарциссы и др.

Одно перечисление огородных и садовых культур уже говорит о том, что, кроме капусты и лука, среди них почти не было таких, которые могли бы успешно выращиваться в северных районах Германии.

Первое место среди городов, выращивавших вместе со своей сельской округой овощи, фрукты и сортовые семена для продажи, занимал центральный город Тюрингии — Эрфурт. За ним следовали такие города, как Майнц, Вюрцбург, Бамберг, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Аугсбург, Нюрнберг, причем последним трем городам принадлежала пальма первенства и в выращивании цветов и цветочных семян для рынка.⁵

В 1449 г. горожане Эрфурта по призыву ректора университета Тило Циглера за короткое время освоили в низменностях р. Геры заболоченное и заросшее колючим кустарником пространство в 65 га, которое целиком использовалось под огороды и сады.⁶

В Тюрингии помимо Эрфурта славились еще своими огородами и садами два города по р. Заале — Галле⁷ и Иена.⁸ Но и вокруг Готы, Лангензальца, Мюльхаузена, Веймара, Арнштадта и других городов выращивалось немало овощей и фруктов.⁹ Огромное количество огородов и садов имелось в Рейнланд-Пфальце и Гессене. Два крупнейших торгово-ремесленных центра — Майнц и Франкфурт-на-Майне — оказывали там решающее влияние на расцвет огородов и садов не только в их окрестностях, но и вокруг городов Среднего Лана — Лимбурга, Дица и Вейльбурга, а также городов Гессена — Фрицлара, Марбурга, Фридберга.

Современники отмечали, что в конце XV — начале XVI в. так называемый Рейнгау (небольшая область по обоим берегам

³ Wimmer J. Geschichte des deutschen Bodens. Halle, 1905, S. 283.

⁴ Lamprecht K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Bd. II. Leipzig, 1885, S. 325.

⁵ Goltz T. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. Bd. I. Stuttgart — Berlin, 1902, S. 127.

⁶ Haupt H. Die Erfurter Kunst- und Handelsgärtnerei. Jena, 1908, S. 57.

⁷ Urkundenbuch der Stadt Halle, ihrer Stifter und Klöster. T. III, Bd. 2. Halle, 1957; Urkundenbuch der Stadt Jena und ihrer geistlichen Anstalten. Bd. I (1182—1405). Hrsg. von J. Martin. Jena, 1888.

⁸ Wimmer J. Op. cit., S. 265.

⁹ Goltz T. Op. cit., S. 127.

Рейна от Майнца до Бингена) являлся самой плодородной областью в Германии, где «крестьянами выращивались целые леса из фруктовых деревьев».¹⁰

В торговых сделках за период с 1351 по 1500 г., зарегистрированных монастырями и другими церковными объединениями района среднего течения Лана, упоминаются сотни огородов и садов вокруг городов Лимбург, Диц, Вейльбург и в многочисленных деревнях.¹¹ Города Лимбург и Диц не только сами были опоясаны плотными рядами садов и огородов, но и вдоль дороги от Дицких ворот Лимбурга до города Диц, судя по торговым сделкам, располагались друг возле друга сплошными рядами сады, огороды и виноградники. Большое количество огородов имелось внутри города Лимбурга, особенно вдоль улиц Нижняя, Вейгер, Хаэль, Шерлингер, возле Дицкой башни, у Песочных и Кошачьих ворот и других мест. За пределами городской черты массивы огородов тянулись в разные стороны от Дицких, Хальцхеймских, Майнцских, Креухских и Гаммерских ворот, вдоль р. Лан, «новой канавы» и стены монастыря, по «обеим сторонам моста», вокруг озера, у Гальгенберга и в других направлениях. Немало бюргеров Лимбурга владели огородами в деревнях Креух и Шафель,¹² а бюргеров из Вейльбурга — в деревне Ахаузе.¹³ Судя по документу 1484 г., Мариинский монастырь г. Дица имел возле города три больших огорода, обведенных заборами, а вокруг каждого из них находилось множество огородов и садов бюргеров.¹⁴

На территории Баварии в XIV—XVI вв. были известны своими садами и огородами города по верхнему течению Майна — Вюрцбург, Бамберг, Нюрнберг — и города, расположенные в бассейне Верхнего Дуная — Аугсбург, Мюнхен, Мемминген, Нердлинген, Кауфбеурен, Дитлинген и др. Только в 28 торговых сделках Мюнхена за период с 1380 по 1500 г. упоминается 99 огородов и садов, размещавшихся рядом с другими как внутри города, вдоль так называемого Капустного переулка,¹⁵ так и за городом, около ворот Изер,¹⁶ Зендлингер,¹⁷ известковых печей¹⁸ и в других местах.

¹⁰ Des Johannes Butzbuch Wanderbüchlein. Chronika eines Fahrenden Schülers. Leipzig, 1918, S. 81—82.

¹¹ Quellen zur Geschichte der Klöster und Stifte im Gebiet der mittleren Lahn bis zum Ausgang des Mittelalters. Bd. I. Bearb. von W. H. Struck. Wiesbaden, 1956; Bd. II. Bearb. von W. C. Struck. Wiesbaden, 1959.

¹² Ibid., Bd. I, S. 581, 592 c. a.

¹³ Ibid., Bd. II, S. 526.

¹⁴ Ibid., Bd. II, S. 287.

¹⁵ Die Urkunden des Heiliggeistspitals in München (1250—1500). Bearb. von H. Vogel. München, 1960, S. 500.

¹⁶ Ibid., S. 413.

¹⁷ Ibid., S. 192.

¹⁸ Ibid., S. 337.

Десятки и сотни огородов и садов перечисляются в торговых сделках города Нердлингена за период с 1351 по 1399 г.¹⁹ Характерно, что единственный монастырский огород буквально терялся в море небольших огородов и садов, принадлежавших бюргерам города.²⁰ О значительно большем количестве огородов и садов вблизи города и в окрестных деревнях говорят документы Кауфбеурена. Уркунден этого города подчеркивают, что наряду с огородами, в которых выращивались одни овощи, имелись огороды и сады, в которых рядом с овощами и фруктами выращивались цветы.²¹ Многочисленные огороды принадлежали бюргерам Кауфбеурена в деревнях Вейхт, Вейнхаузен и др.²² Возле Аугсбурга славилась своими овощами и фруктами деревня Фишах, расположенная на правом берегу р. Шмуттер.²³

В Старовюртембергских урбариях середины XIV в. перечисляются огороды и сады, с которых граф Вюртемберга взимал ренту. По этим данным возле Штуттгарта имелось 28 огородов и садов, вокруг Леонберга — 14, Магштетта — 18, Эглофсхейма — 22, Рилинсхаузена — 11, Вайнблингена — 63, Мюльхаузена — 16, Ремзе — 15 и т. д.²⁴

О большом количестве огородов содержатся сведения в документах монастыря Блаубеурена.²⁵ Этот монастырь давал в держание огороды и сады бюргерам Эслингена и Эхингена.

На основе приведенных документальных данных, в которых перечисляются только те огороды и сады, которые являлись предметом какой-нибудь сделки, т. е. далеко не все мелкие хозяйства, занятые огородничеством и садоводством, можно констатировать, что в XIV—XVI вв. в Германии существовало несколько обширных районов, где огородничество и садоводство достигали значительных успехов в своем развитии. К таким районам относятся: 1) *Тюрингия* и *Саксония* с городами Эрфурт, Иена, Галле, Гота, Лангензальца, Мюльхаузен, Веймар и Арнштадт и их сельской округой; 2) *Гессен* и *Рейнланд-Пфальц* с городами Майнц, Франкфурт-на-Майне, Лимбург, Диц, Вейльбург, Фрицлар, Фридберг, Франкенберг, Марбург и т. д. и близлежащими деревнями; 3) *Бавария* с городами Вюрцбург, Бамберг, Аугсбург, Мюнхен, Кауфбеурен, Нюрнберг, Мемминген, Нердлинген, Дитлинген; 4) *Вюртемберг* с городами Штуттгарт,

¹⁹ Die Urkunden der Stadt Nördlingen (1350—1399). Bearb. von Puchner und Wutz. Augsburg, 1956, S. 81, 85, 86, 88, 100 e. a.

²⁰ Ibid., S. 143.

²¹ Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren (1240—1500). Bearb. von R. Dertsch. Augsburg, 1955, S. 222, 375, e. a.

²² Ibid., S. 22, 368 e. a.

²³ Die Urkunden des Klosters Oberschönenfeld. Bearb. von K. Puchner. Augsburg, 1953, S. 52 e. a.

²⁴ Altwürttembergische Urbare aus der Zeit Graf Eberhard des Greiners (1344—1392). Stuttgart, 1934, S. 50—53, 129, 131—138, 157—160, 168—188, 191—195, 196—199.

²⁵ Leonhard O. G. Das Kloster Blaubeuren im Mittelalter. Stuttgart, 1963, S. 54, 137—138, 146.

Леонберг, Вейблинген, Бэблинген и др. По сравнению с этими прославленными в XIV—XVI вв. районами мелкого огородничества и садоводства в документах только изредка упоминаются города и деревни из районов, ставших впоследствии знаменитыми выращиванием картофеля, капусты и свеклы. При этом многие из них — Берлин, Мюнстер, Минден, Магдебург и др. — вплоть до XVI в. включительно старались выращивать те овощи и фрукты, которые производились на рынок более южными районами, с лучшими климатическими условиями.²⁶

Начиная с Инамы-Штернег в немецкой буржуазной историографии прочно укрепилось мнение, что в возникновении и успехах мелкого огородничества и садоводства решающая роль принадлежит феодалам. Только после того как последние приступили к ликвидации своих обширных садов и огородов, расположенных возле барской усадьбы, якобы могло развиваться крестьянское садоводство и огородничество.²⁷ В действительности, насколько это возможно проследить по источникам, дело обстояло так: значительные успехи мелкого огородничества и садоводства в городах и деревнях, их успешная связь с рынком толкнули вотчинников на сдачу своих огородов там, где они имелись, небольшими участками арендаторам. Крупные сады и огороды, принадлежавшие светским и церковным феодалам, не были полностью ликвидированы. Более того, с тех пор, как в XV в. все острее сказывалась феодальная реакция и, следовательно, крестьян в меньшей степени привлекали огородничество и садоводство, феодалы вновь стали стремиться к созданию своих крупных садов и огородов.²⁸

Решающую роль в возникновении мелких огородов и садов, бесспорно, играли города, которые по мере своего роста предъявляли все больший спрос на овощи и фрукты. Успех мелкого огородничества и садоводства в деревне, как и в городе, был тем больше, чем меньшее отношение к этому виду производства имели светские и церковные феодалы. Привязанность последних к традициям феодальной старины, натуральный характер их хозяйств, неумение использовать выгодные рыночные отношения являлись вместе с феодальной собственностью на землю самыми серьезными преградами на пути зарождения и развития мелкого огородничества и садоводства. Города оказались той силой, которая ломала эти препятствия. Поэтому там, где успешно развивались огородничество и садоводство, бюргеры и городские советы приобретали земли, делали их пригодными для посадки

²⁶ W i m m e r J. Op. cit., S. 261. — Хронист Миндена сообщает, что около 1460 г. бюргеры успешно выращивали яблоки, груши, орехи, капусту и свеклу (R o t h e r t H. Westfälische Geschichte. Bd. II. Gütersloh, 1962, S. 433).

²⁷ I n a m a - S t e r n e g g K. T. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III, T. 1, Leipzig, 1899, S. 320, 333.

²⁸ Монастыри нередко скупали мелкие сады и огороды. — D i e U r k u n d e n d e s H e i l i g e i s t s p i t a l s . . . , S. 304.

фруктовых деревьев и винограда и для выращивания на них овощей.²⁹

В ходе Реформации секуляризованные земли, переходившие в руки горожан, использовались ими преимущественно под сады и огороды, частично — под луга.³⁰

В Бамберге около 1470 г. насчитывалось до 70 семей, которые занимались исключительно огородничеством.³¹ Во Франкфурте-на-Майне имелись в 1440 г. «42 самостоятельных огородника и 24 садовника».³² О специализации отдельных городских хозяйств на выращивании овощей и фруктов говорят факты организации цехов огородников и садоводов. В 1455 г. объединились в цех огородники Франкфурта, а в 1482 г. они создали вместе с садоводами единое объединение.³³ Еще раньше, с конца XIV в., существовал цех огородников в Страсбурге.³⁴ Подобные объединения, очевидно, существовали с XV в. в Нюрнберге.³⁵ Отсутствие данных о существовании цехов и объединений огородников и садоводов в других городах не должно рассматриваться как свидетельство того, что их там не было. Главное заключается в том, что огородники и садоводы расценивали свою деятельность как профессиональную, приравнивающую их по положению в городе к ремесленникам. Наличие цехов и организаций огородников и садоводов в XIV—XVI вв. является особенно наглядным свидетельством того, что мелкие огородные и садоводческие хозяйства носили такой же товарный характер, как и ремесленные мастерские и что возникновение их являлось составной частью процесса общественного разделения труда.

Состояние источников затрудняет исследование вопросов о размерах огородов и садов, а также о том, кто конкретно в том или другом случае является собственником земли, на которой располагались огородные и садовые участки. Оба вопроса, разумеется, имеют неодинаковое значение. Однако и тот, и другой помогут выяснить, какие социальные слои были заняты в огородничестве и садоводстве либо извлекали из них доходы.

Часто отдельные бюргеры являлись собственниками значительных площадей, находившихся под огородами и садами. В 1461 г., например, один из бюргеров Мюнхена продал ряд огородов общей площадью в 51 акр.³⁶ После того как некая Аф-

²⁹ Urkundenbuch der Stadt Jena. Bd. I. Jena, 1888, S. 12, 108, 122, 203, 210, 220, 344 e. a.; Urkunden der Stadt Halberstadt. T. 1. Bearb. von Schmidt. Halle, 1878; Die Würzburger Bischofschronik des Grafen Wilhelm Weiner von Zimmern und die Würzburger Geschichtsschreibung des 16. Jahrhunderts. Hrsg. von W. Engel. Würzburg, 1952, S. 107, 111.

³⁰ Die Oberhessischen Klöster..., Bd. I. Marburg, 1961, S. 238.

³¹ Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft..., S. 119.

³² Inama-Sternegg K. Th. Op. cit., Bd. III, T. 1, S. 333.

³³ Ibid., T. 2, S. 505.

³⁴ Ibid., T. 1, S. 333.

³⁵ Ibid., T. 2, S. 508.

³⁶ Die Urkunden des Heiliggeistspitals..., S. 495. 1 акр = 1 моргену = 1 юхарту = 1 мансмаду = около 0,34 га.

ра Вольф из Мюнхена в 1419 г. продала нескольким бюргерам 25 акров огородов, у нее остался еще свой огород, который ею, согласно купчей грамоте, оставлялся в качестве залога на тот случай, «если бы кто-нибудь стал оспаривать, что проданные огороды были ее собственностью».³⁷ Если учитывать, что под залог обычно сдавалось столько же или больше того, что продавалось, станет понятно, что у Вольф оставалось не менее 25 акров и что всего до продажи части огородов у нее было не менее 50 акров (более 17 га). Такую площадь не была в состоянии обрабатывать одна семья. Поэтому она должна была либо привлекать наемную рабочую силу, либо сдавать огороды по частям арендаторам.³⁸

В XIV—XVI вв. бюргеры многих городов и городские советы нередко приобретали земли или права на взимание ренты в окрестных деревнях и вслед за этим заставляли крестьян, «сидевших» на этих землях или плативших им ренту, использовать земли под огороды и сады, разбивать на них грядки.³⁹ Бюргеры, приобретая в окрестностях городов землю и ренту, стремились к двойной экономической выгоде: крестьяне не только платили им ренту, но и производили продукты, которые становились товаром и могли быть куплены и перепроданы бюргерами.

Дошедшие до нас документы содержат огромное количество данных об огородах, расположенных в деревнях и принадлежащих бюргерам. Так, бюргерам Фрицлара принадлежали многочисленные огороды в окрестных деревнях — Вейсмар, Гунденсберг, Ваберн, Мей и др.,⁴⁰ а бюргерам Фридберга — в деревне Фауербах.⁴¹ Бюргеры Кауфбеурена в изучаемое время особенно дорожили своей рентой с огородов в деревнях Вейхт и Вейнхаузен.⁴² Бюргер Кауфбеурена, Конрад Ангер, взимал с одного огорода в деревне Вейнхаузен ежегодно ренту в 15 богемских грошенов.⁴³ Город Ротенбург с населением в 6 тыс. чел. получал в конце XV в. ренту с 15 тыс. сельских жителей, большинство которых занималось виноградарством, садоводством и огородничеством.⁴⁴

Если мы у И. Янсена читаем, что для большинства бюргеров Мюнхена в средние века земледелие являлось главным занятием,⁴⁵ то речь может идти в первую очередь об огородничестве,

³⁷ Ibid., S. 373—374.

³⁸ Ibid., S. 191 и др.

³⁹ В 1383 г. бюргер г. Дюнкельсбюхель (Бавария) Альбрехт Берлин продал в деревне Ункинген 27 грядок. — Die Urkunden der Stadt Nördlingen... S. 142.

⁴⁰ Quellen zur Rechtsgeschichte der Stadt Fritzlar im Mittelalter. Marburg, 1939, S. 378, 463, 514, 549—550, 551 e. a.

⁴¹ Urkundenbuch der Stadt Friedberg. Marburg, 1904, S. 473.

⁴² Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren. Augsburg, 1955, S. 222 e. a.

⁴³ Ibid., S. 368.

⁴⁴ Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes. Freiburg, 1893, S. 353.

⁴⁵ Ibid., S. 355.

садоводстве и виноградарстве, так как совершенно бессмысленно, чтобы большое число бюргеров на лошадях или быках с плугами и боровами в летнюю пору ежедневно отравлялись на далекие расстояния, чтобы возделывать там пашню.

Большинство огородов горожан были небольших размеров — от 2 до 4 акров.⁴⁶ Занимавшиеся огородничеством горожане являлись либо собственниками, либо арендаторами своих огородов.⁴⁷ Незначительные размеры огородов и садов свидетельствуют о том, что они обрабатывались их владельцами и членами их семей без дополнительной рабочей силы. Это открывало возможность разделения труда между женщинами и мужчинами в хозяйстве мелкого товарного производства: мужчины занимались ремеслом, а женщины — огородничеством, реже садоводством. Такое разделение труда в семьях горожан было настолько обычным, что с XV в. в полицейских правилах отдельных городов ставился знак равенства между мужчинами и женщинами, занимавшимися огородничеством.⁴⁸

Благодаря большой хозяйственной роли огородничества, следовательно, женщина во многих германских городах занимала положение, равное положению ремесленника — члена цеха. Огородничество и садоводство значительно увеличивали продукцию мелких товарных хозяйств и количество занятых в товарном производстве людей.

Несмотря на преобладание в огородничестве и садоводстве в XIV—XVI вв. труда мелких собственников и владельцев земли, нередко применялся и наемный труд, особенно там, где требовались в большом количестве физическая сила (например, на копке ям под деревья, рытье канав, возведение изгородей и т. п.) или срочное применение труда большого количества людей (прополка овощей, сбор фруктов и т. п.). Если пекарь Мюнхена Ганс Тунцель в 1386 г. арендовал на всю жизнь 14 акров огородной земли,⁴⁹ то само собой разумеется, что он, по профессии пекарь, и его семья не были в состоянии сами обрабатывать такую площадь.

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих документах конца XV и начала XVI в. говорится об огородах, расположенных за пределами городской черты, на которых ставились жилые помещения.⁵⁰ Речь в таких случаях идет не только о помещениях, которыми пользовались огородники в летнее время. Есть достоверные сведения о том, что нередко в них устанавливались сушильные рамы для сушки сукна. Особенно

⁴⁶ См., напр.: *Die Urkunden des Heiliggeistspitals in München*, S. 337, 485, 559, 577 e. a.

⁴⁷ *Ibid.*, S. 191. См. также: *Die Urkunden des Hochstifts Augsburg (769—1420)*. Bearb. von W. E. Vock, Augsburg, 1959, S. 224 e. a.

⁴⁸ *Nürnbergger Polizeiordnung*. Hrsg. von J. Bader. Nürnberg, 1861, S. 272 и др.

⁴⁹ *Die Urkunden des Heiliggeistspitals...*, S. 232.

⁵⁰ *Urkunden der Stadt Friedberg*, S. 236, 239, 318 e. a.

часто говорят документы города Лимбурга о таких помещениях на огородах возле города.⁵¹ На наш взгляд, наличие огородов за пределами городов позволяло ремесленникам расширить свою мастерскую, что в силу всяких регламентаций и жилищных ограничений было невозможно сделать в пределах самих городов. С другой стороны, огородники, получили возможность заниматься ремеслом, используя свою жилую площадь за пределами города. Кроме того, дополнительные жилые помещения могли быть использованы для наемной рабочей силы. В то же время сами мелкие огородники нередко были вынуждены наниматься на работу к своим соседям-огородникам.⁵²

Успехи огородничества и садоводства на городских землях расположенных в окрестных деревнях, толкали и крестьян на то, чтобы разбивать огороды и сады на альменде и пашне, т. е. за пределами усадьбы. В то же время, нам кажется, что процесс этот начался значительно раньше тех сроков, которые подтверждают его достоверность документально. Приведем несколько примеров из вейстюмов XV в., характеризующих положение во многих районах Германии. Крестьянам деревень, расположенных вокруг Ротвейла, в 1434 г. было официально разрешено огораживать общинные земли под сады.⁵³ В 1461 г. крестьяне Альтенхазлау (возле Гельнхаузена в Гессене) получили аналогичное право на разбивку огородов.⁵⁴ Судя по документу 1482 в деревне Бахельн (южнее Кобленца), помимо огородов возле жилищ имелись также огороды за пределами деревни.⁵⁵ В деревнях Вейльбах и Эддерсхейм (между Майнцем и Франкфуртом-на-Майне) в 1535 г. разрешалось молодоженам разбить огороды на альменде,⁵⁶ что свидетельствует о том, что у проживавших там до этого семей уже имелись подобные огороды.

Характерно, что вокруг огородов и садов, выделявшихся из альменды и находившихся за пределами деревень, как об этом свидетельствуют вейстюмы Саксонии⁵⁷ и Баварии,⁵⁸ сооружались изгороди. При этом возле деревень, так же как и возле городов, возникали большие комплексы огородов и садов.⁵⁹ Нередко крестьяне одной деревни совместно огораживали часть альменды под огороды, а потом по жребию делили площадь на участки, устанавливая одновременно общий порядок пользова-

⁵¹ Quellen zur Geschichte der Klöster und Stifte im Gebiet der mittleren Lahn, Bd. I, S. 318, 573, 583, 584, 631 e. a.

⁵² Wimmer J. Op. cit., S. 530.

⁵³ Grimm J. Weistümer. Bd. VI. Berlin, 1957, S. 330.

⁵⁴ Ibid., Bd. III, S. 416, § 10.

⁵⁵ Ibid., Bd. I, S. 599.

⁵⁶ Ibid., Bd. IV, S. 559.

⁵⁷ Ibid., Bd. II, S. 777.

⁵⁸ Ibid., Bd. VI, S. 497.

⁵⁹ AWL, Bd. I, S. 83. См. также: Müller K. O. Quellen zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. I. Stuttgart, 1953, S. 120, Bd. II, S. 180.

ния огородами.⁶⁰ Если возросший спрос на огородные и садовые растения толкал горожан на то, чтобы засеять ими пары, что нередко вызывало протест со стороны городских мясников, заинтересованных в зеленом корме для своего скота,⁶¹ то по их примеру и крестьяне принялись засеивать пары. Именно таким образом они на опыте убедились в значении стручковых культур при плодосмене. Для крестьян огородничество и садоводство за пределами деревень играло также важную роль. Если эти занятия для зажиточных крестьян прежде всего были выгодны потому, что давали возможность значительно расширить товарность хозяйства, то многим обедневшим, малоземельным и безземельным крестьянам они позволяли добывать пропитание.

Основным отличием огородничества и садоводства в XIV—XVI в. по сравнению с предшествующим временем являлась их товарная направленность. Речь идет не о том, что огородники и садоводы производили основной продукт для себя и только излишки продавали на рынке, а о том, что главная их продукция шла на рынок. Когда автор «Книги о фруктах, деревьях и травах» (1498 г.) говорит о цветущем саде в Рейнгауе, он одновременно подчеркивает исключительную дешевизну фруктов на рынке всего района, благодаря чему и бедняк может их купить.⁶²

Торговали абсолютно всеми продуктами садоводства и огородничества. Нередко при этом привозились деревья, саженцы и семена издалека. Из Франции регулярно вывозились фруктовые деревья.⁶³ Город Исна закупал виноградные отростки в Шампани и Бургундии.⁶⁴ В северо-восточные области Германии привозились виноградные черенки из Франконии,⁶⁵ а в Вестфалию регулярно доставлялись семена и саженцы огородных и садовых культур из Касселя.⁶⁶ На всю Германию славился своими отличными сортовыми семенами овощей и цветов город Эрфурт.⁶⁷

В городах Германии очень рано устанавливались отдельные рыночные площади по продаже фруктов и по продаже овощей.⁶⁸ В Эрфурте женщины уже с конца XIII в. регулярно приносили на рынок овощи и фрукты.⁶⁹ Хронист города Миндена (Вестфалия) Триббе в 1460 г., перечисляя фрукты и овощи, которые выращивались и продавались бюргерами города, такие,

⁶⁰ Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 249.

⁶¹ Ibid., S. 119.

⁶² Janssen J. Op. cit., S. 363.

⁶³ Goltz T. Op. cit., S. 128.

⁶⁴ Wimmer J. Op. cit., S. 265.

⁶⁵ Ibid., S. 265. — В 1559 г. по этому пути было направлено 3 воза виноградных черенков.

⁶⁶ Rotherth H. Op. cit., S. 236.

⁶⁷ Goltz T. Op. cit., S. 127.

⁶⁸ Nürnberger Polizeordnung..., S. XIII—XV.

⁶⁹ Haupt H. Op. cit., S. 24.

как яблоки, груши, орехи, капуста и свекла, добавляет, что вишня и слива привозились в изобилии из других мест.⁷⁰ Жители Меммингена и окрестных деревень с конца XV в. выращивали для продажи не только фруктовые растения и капусту, но изготовляли и высококачественный сок, который вывозился даже в Лион.⁷¹ Во многих городах изготовлялись для продажи фруктовые вина.⁷² Обычной являлась торговля сушеными фруктами, и особенно сушеным виноградом.⁷³

Автор «Хроники странствующего ученика» И. Буцбах сообщает, что он лично знал крестьянина, который в один год (в конце XV в.) продал на рынке вишни на 30 гульденов,⁷⁴ что по тогдашним рыночным ценам соответствовало стоимости 70 центнеров ржи.⁷⁵ Сады, следовательно, составляли настоящее состояние. С 1403 г., например, один бюргер Мюнхена заложил свой сад за 42 гульдена.⁷⁶ В уркунден начиная с 70-х годов XIV в. сады и огороды трактуются как самые ценные земельные владения бюргеров, которые, как правило, могли служить залогом в торговых договорах, подтверждали соблюдение условий одной из сторон⁷⁷ или продавались отдельно от домов и других владений.⁷⁸

Специализация на выращивание хмеля. На севере Германии, где садоводство из-за климатических условий не могло так бурно развиваться, особенно усердно выращивали хмель. Хмелеводческие хозяйства по размерам и целям не отличались от хозяйств садоводов и огородников.

Главным стимулом для развития хмелеводства являлось пивоварение. Для многих бюргеров Германии, находившихся за пределами распространения винограда, пивоварение и торговля пивом были источником существования и накопления богатств. Бавария, которая в более позднее время стала классической областью пивоварения, в XIV—XVI вв. производила на рынок главным образом вино. В Баварии тогда преобладало мелкое землевладение, товарного зерна было мало, использовать его в пивоварении считалось расточительством и запрещалось законом князей и городских властей, а торговля привозным зерном не была развита.

⁷⁰ Rotherth H. Op. cit., S. 438.

⁷¹ Baumann F. L. Geschichte des Algäus. Bd. 1, 1883—1894, S. 659.

⁷² Goltz T. Op. cit., S. 128.

⁷³ Megepberg K. von. Op. cit., S. 413.

⁷⁴ Des Johannes Butzbach Wanderbüchlein, S. 81.

⁷⁵ Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft..., S. 117.

⁷⁶ Die Urkunden des Heiliggeistspitals..., S. 304.

⁷⁷ См. напр.: Die Traditionen, Urkunden und Urbare des Klosters Münchmünster. München, 1956, S. 217.

⁷⁸ Grimm J. Weistümer. Berlin, 1957. Bd. IV, S. 559; См. также: Luther M. An die Pfarrherren, wider den Wucher zu predigen. Vermahnung 1540. — In: Fabiunke G. Martin Luther als Nationalökonom. Berlin, 1963, S. 199.

Центрами пивоварения в XIV—XVI вв. были города Тюрингии, Гессена, Саксонии, Вестфалии и северные прибрежные города. Вокруг них и началось выращивание хмеля на рынок. Первые хмельники, т. е. огороженные места, расположенные за пределами приусадебных участков, появились еще в XIII в.⁷⁹ Однако только с XIV в. хмель стал товаром, которым торговали купцы многих городов. Характерно, что города Гессена, Вестфалии и другие, расположенные на берегах Балтийского и Северного морей, для производства пива покупали хмель в окрестных деревнях. Судя по документам, они не вывозили его в другие части страны. В Тюрингии же хмель пользовался не только местными пивоварами, но, высушенный и запечатанный в мешки, отправлялся в другие части Германии и за границу.⁸⁰ В Баварию хмель проник только в XIV в., тогда, по преданию, его завез туда какой-то монах из Богемии. Однако Нюрнберг уже в 1350 г. известен как один из центров торговли хмелем.⁸¹ В 1350 г. документы упоминают несколько хмельников вокруг среднефранконского города Шпальта, который позже превратился в центр производства и торговли хмелем.⁸² В ряде мест, где хмельники играли такую же важную экономическую роль, как в других виноградарки, хмель по аналогии называли «Biergebe».⁸³

Возникновение в изучаемое время хмельников возле городов являлось результатом освоения новых земельных угодий, ранее не находившихся под обработкой. Как правило, хмельники разбивались на склонах гор и обрывов, где невозможно было заниматься хлебопашеством и пастьбой скота. Вокруг Иены хмельники разбивались на возвышенностях Крунберг⁸⁴ и Иенциг,⁸⁵ а также возле так называемого «оврага дьявола»,⁸⁶ в деревне Лэбштедт хмельники располагались на горе Герольдберг,⁸⁷ в деревне Коспедта — на горе Куберг,⁸⁸ и т. д. Исключительно редко упоминаются в документах хмельники, расположенные на равнинных местах, как, например, в долине Рейнцигта.⁸⁹ В окрестностях Иены экономическая выгода хмельников приводила, очевидно, к разбивке их также на пашне. Но там

⁷⁹ См., напр.: Falckenstein J. H. *Civitatis Erfurtensis historica critica et diplomatica*. Erfurt, 1739, S. 121.

⁸⁰ Bertsch K. T. *Geschichte unserer Kulturpflanzen*. Stuttgart, 1949, S. 237.

⁸¹ *Ibid.*, S. 237.

⁸² Wimmer J. *Op. cit.*, S. 256.

⁸³ *Ibid.*, S. 256. Rother H. *Op. cit.*, S. 436.

⁸⁴ *Urkundenbuch der Stadt Jena*, Bd. I, S. 87, 93, 222 e. a.

⁸⁵ *Ibid.*, S. 263.

⁸⁶ *Ibid.*, S. 88.

⁸⁷ *Ibid.*, S. 138.

⁸⁸ *Ibid.*, S. 218.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 194.

они существовали недолго. Плодородные земли вновь использовались под посевы зерновых.⁹⁰

Об использовании худших земель под хмельники свидетельствуют документы и других городов. В 1368 г. бюргеры города Гальберштадт получили от епископа Людовика разрешение на разбивку хмельников на пустовавших возвышенностях в деревне Клейн-Харслебен.⁹¹ За аренду бюргеры платили 2 марки серебра ежегодно.⁹²

На протяжении XIV в. вокруг Гальберштадта появлялось все большее количество хмельников. Уже в 1368 г. епископ Гальберштадта Альбрехт за сумму в 80 марок серебра заложил бюргерам города на 6 лет десятину со всех хмельников, расположенных в пределах 1/2 мили от города и на упомянутых возвышенностях в деревне Клейн-Харслебен.⁹³ При этом разрешалось бюргерам в течение 6 лет разбивать новые хмельники, что, бесспорно, было выгодно и тем, кто взимал десятину. Постоянные финансовые затруднения вынудили епископа в 1573 г. «продать» двум бюргерам Гальберштадта на 2 года пошлину, взимаемую с торговли хмелем.⁹⁴ В соглашении монастыря св. Якоба и кафедрального собора города Гальберштадта 1397 г. говорится о землях в деревне Шванебске, используемых под посевы хмеля. Земля эта находилась в запущенном состоянии за пределами рва, которым было огорожено пастбище.⁹⁵

Из сказанного видно, что под хмельники горожане использовали преимущественно земли дикие, заросшие, холмистые, непригодные для посевов зерновых. Следовательно, рост количества хмельников в XIV—XVI вв. свидетельствует не только о расширении ареала сельскохозяйственного производства, но и об освоении новых земель, ранее лежавших праздно в силу их непригодности для хлебопашества. Появление многочисленных хмельников — показатель роста производительных сил, интенсификации земледелия.

Особенно много хмельников появлялось в северных областях Германии, где природные условия мало благоприятствовали огородничеству и садоводству, не говоря о виноградарстве. Город Любек уже с конца XIII в., сдавая земли в аренду бюргерам, требовал от них, чтобы они частично использовали их под хмельники. В окрестностях Килия имелось в 1430 г. не менее 40 хозяйств, которые занимались производством хмеля на рынок. А город Брауншвейг был вынужден уже с середины XIV в.

⁹⁰ «...den acker genant der alde hopfegarten...». — *Urkundenbuch der Stadt Jena*, Bd. 1, S. 157.

⁹¹ Здесь бюргеры платили «десятину корчевки». — *Urkundenbuch der Stadt Halberstadt*, S. 416.

⁹² *Ibid.*, S. 416.

⁹³ *Ibid.*, S. 429—430.

⁹⁴ *Ibid.*, S. 459.

⁹⁵ *Ibid.*, S. 416.

ограничивать площади, засеваемые хмелем. Бюргерам, имевшим земли, разрешалось не более 1/3 их засадить хмелем.⁹⁶ Хмель — богатство многих бюргеров. Этим объясняется, почему во время войн врагом уничтожались хмельники.⁹⁷

Как и огороды, хмельники имели небольшие размеры: в 2—4 акра или моргена.⁹⁸ Если такой хмельник принадлежал горожанину, а это было наиболее типично, то последний либо сам обрабатывал его, либо нанимал поденщиков, либо, работая в основном сам, привлекал наемный труд по сезонам, в остро необходимых случаях. В принципе здесь складывались отношения, ничем не отличавшиеся от тех, которые мы наблюдали в хозяйствах, занимавшихся мелким огородничеством и садоводством.

В Саксонии наряду с мелкими хмелеводческими хозяйствами имелись и значительные. В 1474 г. один саксонский рыцарь собрал со своего хмельника урожай в 100 мальтеров хмеля! Если даже учесть, что в том году был снят рекордный урожай (рыцарь сообщает, что до этого он собирал 50 и даже только 30 мальтеров), то и в таком случае видно, что размеры данного хмельника были велики. Только на покупку жердей в 1474 г. было затрачено 4 шок грошенов, а на зарплату рабочим — 3 шок грошенов.⁹⁹

Выше мы говорили, что в XIV—XVI вв. торговля хмелем велась в значительных размерах, и иногда хмель транспортировался на далекие расстояния. Однако основными потребителями хмеля оставались городские пивовары каждого района. Об отсутствии широко организованного внутреннего сбыта хмеля говорит колебание цен на него в городах, сравнительно близко расположенных друг возле друга. В 1472 г., например, дрезденский шефель (=105,8 л) хмеля стоил в Дрездене 3 грошена 5 пфеннигов, в Шелленберге — 3 грошена, Цвиккау — 12 грошенов, Рахлице — 10 грошенов, Лейпциге — 11 грошенов, Виттенберге — 4 грошена, Бельциге — 8 грошенов, Деличе — 6 грошенов, Торгау — 4 грошена.¹⁰⁰

Огородники и садоводы выращивали на продажу также тмин, анис, шафран, укроп, морковь и другие культуры. Но вряд ли где-нибудь в хозяйстве одно из этих растений было определяющим. Малые потребности и малый рыночный спрос определяли их второстепенное место среди прочих культур. Несмотря на это, в торговле отдельных купцов тот или другой из

⁹⁶ Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. . . , S. 118.

⁹⁷ Герцог Генрих Люнебургский в 1390 г. уничтожил хмельники возле г. Шпакенбурга. — Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Lüneburg, 1931, S. 130.

⁹⁸ Urkundenbuch der Stadt Jena, S. 203.

⁹⁹ Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft, S. 118. 1 шок = 60 грошенов; 1 мальтер — около 100 л.

¹⁰⁰ Falke J. Geschichtliche Statistik der Preise im Königreich Sachsen. — «Jbb. f. NO. u. St.», 1869, Bd. 13, S. 376.

перечисленных продуктов занимал нередко значительное место. Торговые книги Кельна содержат сведения о том, что отдельные купцы продавали на рынке 402—502 фунта тмина за один сезон.¹⁰¹ Основными районами производства тмина, аниса, шафрана, рапса и краппа были окрестности Кельна¹⁰² и Эрфурта.¹⁰³

Специализация на выращивании винограда

Без преувеличения можно отметить, что виноградари вписали наиболее славную страницу в развитие товарного земледелия в XIV—XVI вв. Это никем из историков не оспаривается. Ученые восхищаются, однако, главным образом тем, что виноград получил большее распространение, чем в любые другие века. Выдвигается много «теорий» объяснения этого явления. Но ни в одной из них проблема не ставится в социальном плане и даже редко ставится в экономическом. Исследователи находят объяснения, которые в конечном итоге выдвигают на первый план природные явления — теплый климат, сокращение народонаселения по природным причинам, отсутствие подходящей почвы и т. п.

Развитие виноградарства интересует нас как составная часть развития производительных сил в земледелии, как проявление процесса специализации в период господства ручного способа труда, т. е. в период наивысшего расцвета феодализма и начала развития его по нисходящей линии.

В XIV—XVI вв., в столетии наибольшего расцвета виноградарства, виноградники занимали все прибрежные районы вдоль Рейна вплоть до Нидерландов. В невиданных масштабах выращивался виноград в долинах р. Верры и Фульды, на берегах Майна, Мозеля, Эльбы и Гавеля, у подножья Гарца, в холмистых областях Тюрингии, во всем Гессене и даже в окрестностях Мюнстера, Магдебурга и Берлина. В последующие века, как единодушно отмечают историки, площади под виноградом стали сокращаться,¹⁰⁴ и в настоящее время их значительно меньше, чем в ту отдаленную эпоху.

Из всех садовых культур виноград являлся самой трудоемкой. В виноградарстве сочетались наиболее тяжелые формы физического труда с тончайшими наблюдениями виноградаря — мастера своего дела. Наряду с мужским широко применялся женский и детский труд. Работы в виноградниках долж-

¹⁰¹ Quellen zur Geschichte des Kölner Handels und Verkehrs im Mittelalter. Bd. 3. Hrsg. von B. Kuske. Bonn, 1923, S. 44.

¹⁰² Urkundenbuch der Abtei Altenberg. Bd. II, Düsseldorf, 1955, S. 239, 281, 360, 403 e. a.

¹⁰³ Inama-Sternegg K. T. Op. cit., Bd. III, T. 1, S. 337; см. также: Janssen J. Op. cit., S. 359 и др.

¹⁰⁴ Lamprecht K. Op. cit., S. 570.

ны были вестись круглый год: Производственные особенности винограда при безраздельном господстве ручного способа труда, на наш взгляд, были главными причинами того, почему виноградарство расцветало только в определенных общественных условиях. При работах больших групп людей в виноградниках успех возможен лишь при неослабном контроле над трудом каждого. Такое положение существовало в античном рабовладельческом хозяйстве, в средние века — в монастырских хозяйствах. Если же в винограднике трудится небольшой коллектив, например одна семья, то предполагается особая заинтересованность каждого члена этого коллектива и свобода от личного закрепощения. В первом случае возникали крупные компактные виноградники, во втором — мелкие, хотя они и были расплочены так, что образовывали крупные массивы.

Именно в XIV—XVI вв. сложились наиболее благоприятные условия для развития мелких виноградников. Быстрый рост товарно-денежных отношений, образование многочисленных местных рынков, высвобождение большого числа рабочих рук из районов преобладания зернового хозяйства и успешного развития овцеводства, относительная свобода от личного закрепощения (по сравнению с последующим и предшествующим временем) — все эти экономические и социальные причины содействовали развитию виноградарства.

Производство винограда в Германии в XIV—XVI вв. достигло существенных успехов по сравнению с предыдущими столетиями. Если в документах XIII в. говорится, что виноградники должны вовремя и хорошо обрабатываться и удобряться,¹⁰⁵ то в XIV в. упоминаются уже 7—8 видов работ в виноградниках,¹⁰⁶ в XV в. — до 10,¹⁰⁷ а в XVI в. — даже до 12.¹⁰⁸ Возрастающее внимание уделялось работам по удобрению виноградников: в XIII в. виноградники удобрялись каждые 12 лет,¹⁰⁹ а в XIV в. обычно — каждые 5—6 лет,¹¹⁰ но иногда даже — каждые 4 года.¹¹¹ Чем чаще они удобрялись, тем выше был урожай. Наиболее тяжелый физический труд был связан с освоением новых земель под виноградники. Это были преимущественно участки, расположенные по крутым, каменистым берегам и низким, заболоченным долинам многочисленных рек и их притоков, а также по склонам гор и холмов, особенно возле городов. Такие земли до их превращения в виноградники обычно не находились под обработкой. На отдельных участках, удобно располо-

¹⁰⁵ S ö h n J. Geschichte des wirtschaftlichen Lebens der Abtei Eberbach. Wiesbaden, 1914, S. 51.

¹⁰⁶ U r k u n d e n b u c h der Abtei Altenberg. Bd. I, S. 627—628.

¹⁰⁷ S ö h n J. Op. cit., S. 51.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ L a m p r e c h t K. Op. cit., S. 576. I n a m a - S t e r n e g g K. T. Op. cit., Bd. III, S. 340.

¹¹⁰ S ö h n J. Op. cit., S. 149—150. L a m p r e c h t K. Op. cit., S. 577.

¹¹¹ S ö h n J. Op. cit., S. 52, 131 (в договоре от 1351 г.).

женных для разбивки виноградников, арендатору нередко предстояла значительная работа по созданию почвенных условий, пригодных для выращивания винограда.¹¹² В освоении новых земель под виноградники особенно отличались города. На юге Германии, где почти все пригодные земли были освоены под виноград уже раньше, в XIV—XVI вв. виноградники разбивались на лугах и пашнях.¹¹³ Расширение площади под виноградники продолжалось вплоть до 30-х—40-х годов XVI в. С этого времени начинали сказываться новые условия общественного разделения труда. Великие географические открытия расширили рыночные связи и давали новые возможности хозяйственному развитию в более крупном, мировом масштабе. С этого же времени стали появляться законы князей, направленные против дальнейшего расширения виноградного производства.¹¹⁴ Земельные собственники требовали от арендаторов земли под виноградники, чтобы они в течение 2—3 лет полностью освоили их.¹¹⁵ Вследствие трудоемкости и высокопродуктивности виноградарства, основанного исключительно на ручном труде, размеры виноградников при сложившихся в Германии XIV—XVI вв. общественных условиях были незначительны. Как правило, они не превышали 1 моргена, а чаще всего равнялись 0,5 моргена (0,17 га).¹¹⁶ Только небольшое число виноградников было больше 1 моргена. Так, в 1523 г. из 65 виноградников деревни Альтинген (графство Вюртемберг) 1 равнялся 3 моргенам, 1—2 моргенам, 6—1,5 моргена, 1—1,25 моргена, 21—1 моргену, а остальные 35 виноградников были меньше 1 моргена.¹¹⁷

Виноград не является столь же необходимым для существования человека, как зерновые и мясо-молочные продукты. Для мелкого арендатора или держателя виноградник, расположенный за пределами его усадьбы, приобретает значение только в той мере, в какой из него удастся извлечь деньги, необходимые для удовлетворения собственных потребностей и внесения ренты феодалу за пользование его землей. Поэтому распространение мелкого виноградарства на сравнительно большие терри-

¹¹² Например, граф Вюртемберга в 1522 г. отдал 0,5 моргена возле Тюбингена в аренду бюргеру, чтобы тот снял верхний слой почвы и перенес на виноградник, арендованный им на издольных началах. — AWL, Bd. II, S. 8.

¹¹³ В 1350 г. на бывшей пашне возле Штутгарта имелось 169 виноградников. С таких виноградников рента взималась овсом, что облегчает их обнаружение в документах.

¹¹⁴ По договору 1531 г. между графом Вюртемберга и городами запрещалось превращение пашни, лугов и огородов в виноградники. (Reyscher A. L. Op. cit., Bd. 12, S. 76). В 1554 г. был издан графский эдикт против превращения пашни и лесов в виноградники (Ibid., S. 285—286). Аналогичные документы издавались и позже (Ibid., S. 331).

¹¹⁵ Urkundenbuch der Abtei Altenberg, Bd. I, S. 627. См. также: Söhn J. Op. cit., S. 137.

¹¹⁶ Ibid., S. 131, 137; Grimm J. Op. cit., Bd. II, S. 165; Bd. IV, S. 117, 590; Quellen zur Geschichte der Klöster..., Bd. I, S. 373—374 e. a.

¹¹⁷ AWL, Bd. II, S. 59.

торий, как это наблюдалось в Германии XIV—XVI вв., с одной стороны, целиком зависело от развития товарно-денежных отношений, а с другой — служило выражением общественного разделения труда.

Огромное количество виноградников находилось в руках горожан. В 1350 г. граф Вюртемберга, например, взимал в судебном округе Штутгарт десятину с 1725 моргенов виноградников. Из них были расположены в двух деревнях 132 моргена, а остальные 1593 — вблизи города Штутгарта и принадлежали его бюргерам.¹¹⁸ Достаточно познакомиться с торговыми сделками, описями имущества и арендными соглашениями таких городов, как Тюбинген, Геттенберг, Ульм, Кауфбеурен, Штутгарт, Лимбург, Вейльбург, Ротенбург, Хирсов, Галле, Эйзенах, Фрицлар, Йена, Кельн и многие другие, чтобы убедиться, что вокруг городов в XIV—XVI вв. имелись сотни и тысячи мелких виноградников, расположенных друг возле друга в удобных для выращивания винограда местах и принадлежавших горожанам.¹¹⁹ В некоторых городах бюргеры-виноградари, как ремесленники, огородники, садоводы и овцеводы, создавали свои цеховые объединения.¹²⁰

В Фрицларе — центре обширной и плодородной местности Гессена — в XIV—XVI вв. на виноградарстве и виноторговле выросла наиболее богатая часть городской аристократии.

Ни в одной отрасли сельского хозяйства Германии XIV—XVI вв. наемный труд не применялся в таких масштабах, как в виноградарстве. Объясняется это тем, что виноградари не только постоянно нуждались в наемной рабочей силе, но благодаря связи с рынком располагали деньгами, часть которых могла быть использована в качестве заработной платы поденщикам. Кроме того, компактное расположение мелких виноградников и сезонный характер многих видов работ давали возможность нескольким виноградарям-соседям нанимать одного работника. Именно широкое применение наемного труда в виноградарстве объясняет тот факт, что первые наиболее подробные законы о наемной рабочей силе в сельском хозяйстве Германии относятся к виноградарству. По этим законам размер заработной платы ставится в зависимость от вида работы, сезона, продолжительности рабочего дня и от того, кем выполняется труд (мужчиной, женщиной или подростком).

¹¹⁸ AWL, Bd. II, S. 39, 46, 28—29.

¹¹⁹ AWL, Bd. II; Die Oberhessischen Klöster. Marburg, 1961; AWU; Quellen zur Geschichte der Klöster..., Bd. I; Quellen... der Grafschaft Hohenberg, Bd. I—II; Urkundenbuch der Stadt Halle, ihrer Stifte und Klöster. Bd. I, T. III (1351—1380). Halle, 1954; Urkundenbuch des Klosters Frauensee (1202—1540); Quellen zur Rechtsgeschichte der Stadt Fritzlar im Mittelalter. Marburg, 1939; Urkundenbuch der Stadt Jena, ihrer geistlichen Anstalten. Bd. I. Hrsg. von J. E. A. Martin. Jena, 1888; Urkundenbuch der Abtei Altenberg. Bd. II. Düsseldorf, 1955.

¹²⁰ In a m a - S t e r n e g g K. Th. Op. cit. Bd. III, S. 507.

Ф. И. Моне, говоря о рабочем законе 1400 г., действовавшем в Юберлингене (на юге Вюртемберга), перечисляет следующие виды работ: копку ям, заострение и вбивание кольев, сбор обрезанных лоз, удобрение виноградников, подъем воды для полива, прополку и обрубание виноградников, сбор винограда, перстаскивание корзин с виноградом. Все они оплачивались в зависимости от сезона и того, кто их выполняет.¹²¹ В первом вюртембергском сводном указе о заработной плате, изданном в 1425 г., особое место отводилось также наемным работникам, занятым в виноградниках. Все виды работ здесь делились на летние и зимние (фактически это также было попыткой учитывать продолжительность рабочего дня), и постоянно подчеркивалась разница между заработной платой без питания и с питанием.

Большинство историков отмечает, что в виноградарстве Германии очень рано возникла наследственная аренда (*Erbpacht*) мелких участков, которая постепенно вытеснила срочную аренду и всякие формы держания. «Виноградарство, — по словам Г. Кирхнера, — было настоящим Эльдorado для наследственной аренды».¹²² Почему именно в виноградарстве укрепилась наследственная аренда и какие условия для нее характерны?

Виноградник, как известно, приносит урожай не сразу после закладки и не ежегодно. Поэтому арендатор был заинтересован в том, чтобы виноградник находился в его руках возможно более длительное время. Это позволяло ему полнее пользоваться плодами собственного труда. Землевладельцу же был нужен труженик, заинтересованный в своем труде, отдававший ему все свои силы. Кроме того, условия наследственной аренды позволяли землевладельцу осуществлять с большим успехом, чем при срочной аренде, регулярный контроль над виноградником.

Земельный собственник обычно сдавал в аренду под виноградник такой участок, который либо совсем не давал дохода, либо рента с него была незначительной. Арендатор вкладывал в участок труд (свой или наемный), вносил в почву минеральные удобрения (мергель, верхний слой почвы), взятые из земли, принадлежавшей феодалу; вывозил туда навоз, полученный в собственном хозяйстве или купленный; высаживал и выращивал виноградную лозу, улучшал качество земли. Как правило, феодальный собственник земли с целью улучшения ее качества и повышения урожайности сдавал в аренду вначале запущенные виноградники, требуя от арендатора, чтобы он привел их в порядок и вернул в конце своей жизни без всякой оплаты со

¹²¹ Моне F. I. Beiträge zur Geschichte der Volkswirtschaft aus Urkunden. Karlsruhe, 1859, S. 214—215.

¹²² Kirchner G. Probleme der spätmittelalterlichen Klostergrundherrschaft in Bayern: Landflucht und bäuerliches Erbrecht. — Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte, 1956, Bd. 19, S. 12.

всеми возможными улучшениями. Возвращенный улучшенный виноградник затем сдавался на новых условиях в наследственную аренду. Поощряя труд арендатора, земельные собственники предоставляли ему различные льготы: с виноградных лоз в год внесения под них удобрения не бралась арендная плата;¹²³ часто в первые 3—4 года после посадки молодого винограда не взималась рента;¹²⁴ нередко арендаторам, хорошо удобрявшим свои виноградники, возвращалась часть арендной платы¹²⁵ и т. п. Правда, земельные собственники не везде и не сразу оценили преимущества наследственной аренды. В XIV в. еще часто встречается срочная аренда на 14 лет и даже на 7 лет¹²⁶ (земля, очевидно, сдавалась на срок действия удобрения). Однако такая форма аренды не удовлетворяла ни арендатора, который вкладывал свой труд в обработку участка, приносящего доход на протяжении многих лет, ни земельного собственника, чьи доходы с этого участка зависели от размеров урожая винограда. В XV—XVI вв. срочная аренда виноградников практически исчезает. Повсюду распространяется наследственная аренда, которая, как это уже давно доказано,¹²⁷ возникла раньше всего на залежных и целинных землях, осваивавшихся под виноград и иные культуры. Выгода наследственной аренды для земельного собственника приводила к тому, что во многих местах уже в XIV в. виноградники в хозяйстве феодалов ликвидировались и небольшими участками сдавались в аренду.¹²⁸

Начиная с XIV в. наиболее распространенными в виноградарстве формами землепользования были испольтщина и издольщина. В 1350 г., например, граф Вюртемберга в четырех судебных округах сдавал 266,5 моргена виноградников на условиях испольтщины и издольщины, сохраняя в своем домене всего 2,5 моргена; к 1381 г. он ликвидировал и эти остатки, а в 1383 г. только в одном округе Герренберг сдавал испольтщикам и издольщикам 173 моргена.¹²⁹

Доля феодального собственника земли в урожай винограда, собиравшегося со сданного в аренду участка, колебалась в зависимости от разных условий от 1/9 до 1/3 и 1/2. При большой доле (в 1/2 и 1/3) земельный собственник нередко участвовал в сборе урожая, выставя сборщиков винограда и носильщи-

¹²³ *Urkundenbuch der Abtei Altenberg*, Bd. I, S. 743—744.

¹²⁴ *Lamprecht K.* Op. cit., S. 582.

¹²⁵ *Grimm J.* Op. cit., Bd. II, S. 346, 423, 451.

¹²⁶ *Quellen zur Geschichte der Klöster...*, Bd. I, S. 254. — В 1370 г. бюргеры Лимбурга арендовали виноградники на 7 лет, обязываясь вывозить туда ежегодно 18 телег павоза (*Quellen zur Geschichte der Klöster...*, Bd. I, S. 260).

¹²⁷ *Kirchner G.* Op. cit., S. 12.

¹²⁸ *Söhn J.* Op. cit., S. 13—20; *Urkundenbuch der Abtei Altenberg*, Bd. II, S. 117; *Jäger H.* *Entwicklungsperioden agrarer Siedlungsgebiete im mittleren Westdeutschland seit dem frühen 13. Jahrhundert.* Würzburg, 1958, S. 84.

¹²⁹ *AWU*, S. 202—203, 205, 206.

ков корзин.¹³⁰ Арендаторы почти во всех случаях бесплатно доставляли долю господина в его винодавилню.¹³¹ Там, где земельные собственники брали на себя часть расходов по обработке виноградников, возрастала возможность использования наемной рабочей силы. Земельный собственник, сдав свой виноградник в издольную аренду, нанимал поденщиков для выполнения тех работ, которые согласно договору должен был выполнить сам.¹³²

Успешное развитие виноградарства в XIV—XVI вв. вызвало оживление и в других хозяйственных сферах. В связи с возросшими потребностями в таре под виноград началось более широкое производство на рынок ивовых ветвей для плетения корзин. Уже в середине XIV в. вдоль р. Зиг (правый приток Рейна) имелись значительные плантации ивовых насаждений, которые сдавались в аренду.¹³³ Там, где имелось много виноградников, но мало леса, остро вставал вопрос о доставке жердей и кольев из других районов, что открывало новые возможности для приложения торгово-ростовщического капитала. Графы Вюртемберга, получавшие значительные доходы с виноградников и лесов, неоднократно запрещали перекупщикам покупать у лесничих жерди и колья, с тем чтобы продавать их по дорогой цене виноградарям.¹³⁴

Для изучаемого времени характерно, что феодальные собственники земли, почти полностью отказавшись от виноградников в домениальном хозяйстве, стали при помощи барщинного и наемного труда строить винодавилни и монополизировать производство вина. Графу Вюртемберга принадлежали десятки винодавилен, каждая с двумя, тремя и даже семью прессами.¹³⁵

Следуя своему праву баналитета, графы приписывали к каждой давилне определенное число виноградников, арендаторы и держатели которых обязывались давить виноград только в данной давилне.¹³⁶ Винодавилня с одним или несколькими прессами, посудой и другим оборудованием была довольно внушительным и дорогостоящим сооружением. Расходы феодалов складывались из затрат на строительство здания под винодавилню, стоимости пресса и всего оборудования, ежедневной платы на питание барщинникам, трудившимся в винодавилнях, стоимости общей трапезы в конце всех работ в давилне, платы банщику за пользование его баней для мытья барщинников. Хотя феодалы брали на себя обязательство держать вино-

¹³⁰ AWL, Bd. II, S. 9, 10 с. а.

¹³¹ Ibid., Bd. I, S. 360.

¹³² Quellen zur Rechtsgeschichte der Stadt Frittlar, S. 568.

¹³³ Urkundenbuch der Abtei Altenberg, Bd. I, S. 589, 638; Urkundenbuch der Stadt Halle, Bd. II, T. I, S. 466, 632, 643, 652; Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren (1240—1500). Augsburg, 1955, S. 327.

¹³⁴ Reyscher A. L. Op. cit., S. 492.

¹³⁵ AWU, S. 185, 186, 195, 196, 203; AWL, Bd. I, S. 360—361.

¹³⁶ AWL, Bd. I, S. 288, 361—362.

давилни в исправности и обеспечивать их необходимой посудой, владельцы виноградников должны были доставлять из леса весь строительный материал и дрова на отопление; они обязаны были также трудиться во время обработки винограда.¹³⁷ В урожайные годы на одной винодавилне в Бюртемберге работало до 25 барщинников и тратилось до 600 человеко-дней.

Винодавилни сдавались в аренду. Наиболее ранний арендный договор, дошедший до нас, относится к 1438 г., когда граф Бюртемберга сдал свою винодавилню в Фриккенхаузене в аренду на условиях испольтины. После этого данная винодавилня постоянно сдавалась на тех же условиях. Иногда она бралась в аренду общиной. О процветании такой аренды говорит то, что через некоторое время там был установлен 4-й пресс.¹³⁸

Развитие виноделия содействовало успехам бондарного ремесла. Изготовление обручей и бочек, купля и аренда бочек, аренда помещений под винные склады являются предметом постоянных обсуждений и фиксации в торговых сделках.¹³⁹ Успехи виноградарства, виноделия и торговли виноградом и вином оказывали влияние на развитие транспорта, в частности строительства судов для перевозки вина.¹⁴⁰ Развитие виноградарства способствовало также росту кузнечного ремесла, так как большинство орудий труда виноградарей было частично или полностью сделано из железа (к сожалению, наши источники об этом почти ничего не говорят).

По нашим подсчетам, в графстве Гогенберг за 28 лет (с 1410 по 1413 г. и с 1425 по 1450 г.) ежегодные денежные доходы составляли в среднем 5353 фунта, из них 1782 фунта (33%) поступали с продажи зерна и 1577 фунтов (29%) — с продажи вина, остальные 38% доходов состояли из налогов и различных сборов.¹⁴¹ Следует учитывать, что вино, как и зерно, не производилось в феодальном хозяйстве графа, так как домениальные владения все были розданы в аренду и держание. Вино, проданное графом, было выдвинуто из винограда, поступавшего в виде арендной платы, десятины, ренты, платы за пользование винодавилней и акцизных сборов, т. е. с мелких виноградарских хозяйств, расположенных на земле феодала.

Характерно, что в общем бюджете графа доходы, извлекаемые из труда виноградарей почти равнялись доходам с труда хлебопашцев. Если к тому же учесть, что урожайные годы на зерно и виноград чередовались, то станет ясно, какую роль игра-

¹³⁷ AWL, Bd. I, S. 288.

¹³⁸ Ibid., Bd. II, S. 507, 393; *Urkundenbuch der Abtei Altenberg*, Bd. II, S. 131.

¹³⁹ *Quellen... der Grafschaft Hohenberg*, Bd. II, S. 225; Söhn J. Op. cit., S. 62; *Urkundenbuch der Stadt Jena*, S. 506.

¹⁴⁰ Söhn J. Op. cit., S. 151—152; *Urkundenbuch der Stadt Jena*, S. 506.

¹⁴¹ Майер В. Е. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии XIV—XVI вв. — СВ, вып. 27, 1965, с. 124.

ло виноградарство в развитии сельского хозяйства в целом. В то же время, учитывая трудоемкость виноградарского хозяйства, можно отметить, что в нем должно было быть занято больше людей, чем в зерновом хозяйстве.

Таким образом, можно утверждать, что развитие виноградарства приняло в XIV—XVI вв. широкий размах, его развитие являлось составной частью процесса общественного разделения труда, специализации в сельском хозяйстве; уже поэтому виноградарские хозяйства содействовали товарному производству. Горожане, создавая свои виноградники, с самого начала рассчитывали на товарное производство, приравнивали его к ремесленной мастерской. Успехи виноградарства оказывали поощряющее влияние на ремесло и торговлю. Вместе с виноградарскими хозяйствами увеличивались доходы феодалов.

Социально-экономические последствия развития виноградарства

Наиболее наглядную картину о влиянии развития виноградарского хозяйства на социальные отношения можно себе составить на основе «Старовюртембергских счетных книг времени австрийского господства 1520—1534 гг.».¹⁴² Собранные в этом сборнике урбарии были составлены по приказу Карла V, конфисковавшего Вюртембергское графство у графа Георга в 1519 г. В их составлении участвовали представители императора — келариусы, городские писари и от каждой деревни — старосты и судьи. Привлекались свидетели. Сведения интересны и потому, что они относятся к периоду наиболее острой классовой борьбы в деревне — ко времени Реформации и Крестьянской войны.

Для анализа положения в районах развития винограда мы выбрали урбарий деревни Биркенфельд.¹⁴³ Наш выбор объясняется тем, что в нем не только содержится наибольшее количество данных о положении крестьян-виноградарей, но и имеются сведения о связи этой деревни с соседними и с городом.

В урбарии Биркенфельда, составленном в 1527 г., перечислено 148 лиц, владевших имуществом в деревне. Из них 46 не зависели от графа, и поэтому размеры их владений не указаны. Они, следовательно, для нашего анализа не подходят. Итак, мы остановимся на положении 102 семей, о которых содержатся данные в урбарии.

Все земли были собственностью графа Вюртемберга и распределялись очень неравномерно между 102 семьями Биркенфельда. Обширные угодья, точные размеры которых нам неизвестны, были разнородны по составу (лес, луга, пашня, целина) и

¹⁴² AWL, Bd. I.

¹⁴³ AWL, Bd. I, S. 243—254.

разбросаны вокруг деревни. Они делились на 49 долей, которыми пользовались 46 семей деревни. Доли не могли быть одинаковыми хотя бы потому, что земли были разными по составу. Кроме того, очевидно, что 46 семей, пользовавшихся общинными угодьями, не имели одинакового количества долей. Целой долей (всего 12 долей) пользовались 12 семей, меньше одной доли (всего 9 долей) имели 19 семей и от $1\frac{1}{3}$ доли до $2\frac{5}{6}$ доли (всего 28 долей) — 15 семей. Бросается в глаза, что из 46 семей, имевших доли в общинных угодьях, 24 семьи не владели какими-либо другими землями, 6 семей владели только виноградниками, 3 семьи — лишь пашней и 13 семей — виноградниками и пашней.

Как распределялись виноградники в Биркенфельде? Всего там насчитывалось 97 виноградников общей площадью в 74,75 моргена. Размеры отдельных виноградников не указаны. Однако если учитывать, что обычно виноградники, как мы это видели выше, были невелики по размерам, то можно говорить о среднем винограднике в 0,77 моргена.¹⁴⁴ Это, бесспорно, немалый участок для одной семьи. Перечисленные 97 виноградников принадлежали 69 семьям. Из них меньше 1 виноградника имели 23 семьи, по 1 винограднику — 21 семья и от $1\frac{1}{3}$ до 4 виноградников — 25 семей. Следует отметить, что три семьи отказались от своих виноградников (занимавших всего, по данным урбария, 3,5 моргена). Как видим, виноградники — главный источник жизни Биркенфельде — не были распределены равномерно.

Пашни, луга и огороды в Биркенфельде составляли 42 надела. Из них 26 числятся в урбарии «конфискованными» (*gegründete güter*) и 16 — «неконфискованными» (*ungefröndte güter*). «Конфискация» наделов, как это следует из многих документов,¹⁴⁵ применялась в XV—XVI вв. в широких масштабах в тех случаях, когда держатель земли оказывался неплатежеспособным. Практика конфискации приводила к тому, что на конфискованных наделах появлялось большое число субдержателей и соарендаторов. Этим объясняется, почему в деревне Биркенфельд дом и двор одной семьи находились на одном участке, а пашня и луга на других, почему на одном наделе проживало несколько семей и т. д.

Упомянутые 42 надела, каждый из которых когда-то принадлежал одной семье, в 1527 г. находились в руках всего 31 держателя из общего числа 102 владельцев земли. Из 31 держателя в руках одного из них имелось 5 наделов, одного — 4 надела, пяти — по 2 надела.

Нам не удалось установить, кому принадлежала огородная земля (11 моргенов, 9 огородов, 7 участков), так как сведений

¹⁴⁴ $0,77 \times 0,34$ га = около 0,26 га, или 26 соток.

¹⁴⁵ Grimm J. Op. cit., Bd. I, S. 517, 560, 722.

об этом в урбарии не содержится. Некоторые биркенфельдцы имели право на общинные угодья в других деревнях. Однако никто из них не имел там пашню, луга и виноградники.

Учитывая все земельные владения, находившиеся в руках 102 семей, можно говорить о трех социальных группах в Биркенфельде. Первая, самая богатая, объединяла 18 семей, главным богатством которых были виноградники. Ей противостояли безземельные и малоземельные — всего не менее 38 семей. Эти семьи были настолько мало обеспечены землей, что вряд ли могли обходиться без дополнительных заработков. Между этими двумя группами находились 46 семей, у которых имелось от 0,5 до 1,5 виноградника. Большинство из них обходилось, по всей вероятности, без наемной рабочей силы, а некоторые из них, возможно, тоже были вынуждены подрабатывать.

Таким образом, судя по имущественному положению, 18 семей, сосредоточивших в своих руках по несколько виноградников, пашню и луга, могли эксплуатировать значительное число односельчан. Следует также учитывать, что часть безземельных крестьян могла быть и не зарегистрирована в урбарии, так как в него включались только плательщики ренты и налогов. Поэтому вполне возможно, что в деревне проживало значительно больше бедных, чем указано в документе.

Из тех крестьян, которые владели пашней, не более четырех семей могли из своего хозяйства продавать зерно. Из них одна имела 34 моргена, т. е. 10 га, одна — 18 моргенов, одна — 15 и одна — 10,25 моргена. Большинство жителей даже себя не могло обеспечить хлебом. Виноградная деревня, как видно, была вынуждена потреблять хлеб с рынка.

Как могли сложиться такие социально-экономические отношения? Опираясь на урбарий, можно предположить, что первоначально здесь проживало не больше 42—49 семей. Об этом говорят следующие цифры: в 1527 г. в Биркенфельде было всего 42 надела, каждый из которых имел свое название и, как мы видели, нередко находился в руках нескольких владельцев. Распределение наделов отражало их сложную судьбу. В общинных угодьях имелось 49 долей, что является свидетельством того, что столько же приблизительно было первоначально членов общины. Наконец, граф взимал с зависимых людей только 44 курицы. Очевидно, это объясняется тем, что первоначально в деревне проживали только крепостные графа.

Вместе с появлением условий для специализации отдельных хозяйств на виноградарстве Биркенфельд стал притягательным для пришельцев из других мест. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что здесь в 1527 г. проживало немало выходцев из других мест: 15 семей из деревни Дитлинген, по несколько семей из деревень Брецинген, Оттенхаузен, Берхинбронн, городка Нейенбург и других мест.

Среди причин, заставлявших жителей других деревень уходить с насиженного места, можно отметить развитие овцеводства. Это относится к Дитлингену, где существовала крупная господская овчарня, сдававшаяся на издольных началах в аренду, в силу чего крестьяне, бесспорно, ущемлялись — их земельные фонды сокращались.

И хотя в Дитлингене крестьяне тоже специализировались на виноградарстве, не всем хватило земли. Характерно, что в Биркенфельде 9 выходцев из Дитлингена пользовались общинными угодьями, что может свидетельствовать о том, что они переселились к своим родственникам. Остальным семьям (всего 6) принадлежали небольшие виноградники. Выходцы из Дитлингена, за исключением священника, не были самостоятельными хозяевами. Иначе говоря, из деревни в деревню переселялись в первую очередь беднейшие слои.

В то же время в Биркенфельде самые богатые жители (5 семейств) были связаны с городом Нейенбюргом, а один из них даже проживал в этом городе.

В итоге подобных передвижений людей происходил процесс перераспределения земельного фонда, а также имущественной и социальной дифференциации.

Итак, имея в виду сказанное о Биркенфельде, можно прийти к выводу, что там специализация отдельных хозяйств на виноградарстве приводила к увеличению роли скотоводства и уменьшению роли хлебопашества, к росту населения и увеличению числа мелких хозяйств за счет выходцев из других деревень (вынужденных уходить отсюда главным образом из-за безземелья), а также за счет горожан, которые, очевидно, скупали виноградники и присваивали себе другие земли. Одновременно шел процесс имущественной и социальной дифференциации, приведший к образованию прослойки богатых крестьян, нуждавшихся в наемной рабочей силе, и массы безземельных и малоземельных крестьян, которые вынуждены были в течение сезона или круглый год трудиться по найму. Виноградарство повсеместно стало притягивать наемных людей. Лишенные земли или располагавшие ею в малом количестве виноградары были вынуждены покупать себе хлеб на рынке. Следовательно, жители Биркенфельда постоянно были связаны с рынком, где они продавали виноград, вино, навоз, мясо и покупали хлеб и другие необходимые им продукты. Часть из них была вынуждена продавать и свою рабочую силу.

В урбариях отсутствуют столь же обстоятельные данные о других деревнях. Однако бросается в глаза, что термин «конфискованный надел» встречается еще в 23 урбариях судебного округа Нейенбюрг, что говорит об общем по характеру процессе во всем округе. Во многих деревнях в 20-х годах XVI в. не имелось ни одного «неконфискованного» надела.

В упоминавшейся деревне Дитлинген виноградарство тоже преобладало над остальными видами сельскохозяйственного производства. На 136 моргенов и 5 отдельных виноградников насчитывалось пашни всего 84,5 моргена и 3 участка, а лугов и залежей — 33,5 моргена и 11,5 участка.¹⁴⁶ Правда, неизвестно, сколько земли использовалось под пастбище для овец. На примере Дитленгена видно, что из 3 гуф пашни, существовавших там, было взято под виноградники 42,25 моргена и 3 участка. Остальные виноградники (93,75 моргена) были разбиты на землях, раньше не входивших в состав наделов. Это могли быть общинные угодья, что маловероятно, т. к. их использовали под пастьбу овец, и земли, которые до этого не обрабатывались. Иначе говоря, весь этот процесс говорит именно о прогрессивном развитии, а не о «кризисе», в силу отсутствия людей, наличия заброшенной земли и т. п. Должно быть отмечено еще одно обстоятельство: 3 упомянутых надела (гуфы) находились в руках 21 субдержателя (!), не считая тех, чьи виноградники окончательно отделились от наделов.

В округе Тюбинген имелось 33 деревни. Из них, по данным 1521—1523 гг., четыре занимались преимущественно виноградарством. Как сложились в этих деревнях социально-экономические отношения?

В Пфэффингене 140 моргенов виноградников принадлежали 93 владельцам. Из них у 60 имелось меньше одного моргена, а у 8 — по 3—4 моргена.¹⁴⁷ В целом (хотя сведения и недостаточны) здесь жилось виноградарям исплохо.

В Энтрингене 144 арендатора имели 398 моргенов виноградников, причем 45 семей арендовали от 3 до 8 моргенов каждая; 15 семей — только по 0,25 моргена и 37 семей владели лишь крохотными участками пашни и лугов.¹⁴⁸ Здесь, следовательно, имелась очень богатая верхушка, а с другой стороны — много бедняков.

В Брейтенхольце 177,75 моргена виноградников распределялось между 92 семьями так, что на основную их часть приходилось не более одного моргена, а у 10 семейств имелось по 3 и более, до 8,75 моргена. В Брейтенхольце арендовали виноградники 18 выходцев из других мест.¹⁴⁹

В небольшой деревне Альтинген, где 62 владельцам принадлежали 69,5 моргена виноградников, находилось 20 выходцев из других деревень и городов.¹⁵⁰

Даже при беглом сопоставлении видно, что в любой деревне Вюртемберга, где виноградарство являлось основным занятием, т. е. где оно было специализированным хозяйством, проживало

¹⁴⁶ AWL, Bd. I, S. 358—368.

¹⁴⁷ AWL, Bd. II, S. 20—24.

¹⁴⁸ Ibid., S. 24—26.

¹⁴⁹ Ibid., S. 46—48.

¹⁵⁰ Ibid., S. 59—64.

значительно больше людей, чем в деревнях с преобладанием зернового хозяйства. Возможно, что виноградные деревни регулярно закупали в соседних деревнях хлеб, корм для скота, навоз и т. п.

Специализация деревни на выращивании винограда была процессом длительным и сложным, зависевшим от самых различных обстоятельств, из которых одно из основных, бесспорно, — близость рынка. Как видно из урбария Гэннингена,¹⁵¹ даже там, где природные условия благоприятствовали этой культуре, имевшиеся виноградники забрасывались и более тщательно возделывались пахотные поля: причиной служила слишком большая отдаленность от рынка.

Одно из главных последствий специализации заключалось в том, что была нарушена прежняя патриархальная замкнутость крестьянских хозяйств. Связь с рынком содействовала дифференциации и передвижению крестьян, установлению более тесных контактов с жителями других деревень и городов. А эти обстоятельства в конечном итоге играли важную роль в пробуждении общих социальных интересов различных слоев сельских жителей.

Представление о социально-экономических последствиях развития мелкого виноградарства будет неполным, если не иметь в виду те огромные выгоды, которые получали феодальные собственники земли. Они не только повсеместно сдавали на выгодных условиях пустующие и малоплодородные земли под виноград и монополизировали производство виноградного сока. Везде, где продавалось вино, представители феодалов взимали каждую 13-ю, 12-ю, 11-ю и даже 10-ю мерку в качестве акцизного сбора.¹⁵² Феодалы заставляли своих крестьян покупать у них ежегодно определенное количество вина (*bannwein*), независимо от его качества и потребности в нем.¹⁵³ В некоторых случаях феодалы давали купцам разрешение на открытие винных лавок и заставляли крестьян окрестных деревень в обязательном порядке покупать вино только в этих лавках. В деревне Франкенхаузен (округ Ротенбурга об дер Таубер), например, судя по вейстюму 1522 г., в подобной лавке крестьянам более шести деревень ежегодно продавалось 25—30 возов вина.¹⁵⁴ По соглашению феодала с виноторговцем последний имел право продавать крестьянам вино под залог скота, инвентаря, жилища и даже земельного держания. Это ускоряло процесс разорения крестьян и давало торговому капиталу возможность пустить более глубокие корни в деревне.

Таким образом, следует в итоге отметить, что своеобразие специализации мелких хозяйств на выращивании винограда, в

¹⁵¹ AWL, Bd. II, S. 107.

¹⁵² Grimm J. Op. cit., Bd. V, S. 500—509; Bd. II, S. 58—59.

¹⁵³ Dinklage K. Fränkische Weistümer. Würzburg, 1954, S. 29—31.

¹⁵⁴ 1 воз вина равен приблизительно 700 л.

отличие от производства зерна на рынок, мы видим в первую очередь в том, что виноградарь, прежде чем стать таковым, должен был найти место, которое было пригодным для выращивания винограда и находилось вблизи от рынка сбыта. Поэтому районы выращивания винограда превратились в мощную притягательную силу для большого числа тружеников. В ситуации XIV—XVI вв. специализация на производстве винограда во многом походила внешне на процесс отделения ремесла от земледелия и, как нам представляется, была ранней формой образования *отдельной отрасли* сельскохозяйственного производства—*виноградарства*.

Успешное развитие мелких виноградарских хозяйств предполагало сравнительно свободное передвижение крестьян и их освобождение от наиболее обременительных форм барщинного труда (объем работы на винодавильне был небольшим). Оно, следовательно, тесно было связано с сокращением и ликвидацией барской запашки и являлось одним из положительных результатов развития крестьянско-парцеллярного хозяйства. Виноградарство в период отсутствия достаточно развитого мануфактурного производства стало сферой приложения труда для массы безземельных крестьян. Мелкий характер виноградарских хозяйств позволял и большому числу горожан посвятить себя ему целиком или частично. Вполне очевидно, что наличие виноградников вблизи городов облегчало переход сельских жителей в город.

Виноградарские хозяйства XIV—XVI вв. в Германии, бесспорно, в большинстве были товарными: они продавали виноград и вино, покупали жерди, удобрения, нанимали поденщиков. В виноградарском хозяйстве шире, чем в зерновом, применялся наемный труд, хотя сами рабочие еще не были полностью лишены собственного хозяйства; в деревнях, где преобладало виноградарское хозяйство, имелись более обширные возможности приложения торгового и ростовщического капитала, происходила социальная дифференциация. Наряду с мелкой издольной арендой в виноградарстве возникала крупная издольная аренда в виноделии. Все это свидетельствует о значительных сдвигах в сельском хозяйстве рассматриваемого периода. Однако нельзя забывать, что серьезным тормозом для развития прогрессивных форм ведения хозяйства и проникновения капиталистических отношений в деревню являлись феодальная собственность на землю и вытекавшие отсюда права феодалов на строительство винодавильен, торговлю вином, взимание акцизных сборов, пошлин и десятины, применение барщинного труда в виноделии, торговлю жердями и лесом и т. д.

В период Реформации и Крестьянской войны в районах развития виноградарства обострялись социальные противоречия, без учета которых нельзя представить ясную картину классово-вой борьбы в немецкой деревне того времени.

Прогресс в производстве винограда целиком зависел от творчества трудовых слоев города и деревни. Феодалам оставалось только приспособлять свое хозяйство и, главное, свой аппарат сеньориального управления для более эффективного использования результатов производства мелких виноградарей и присвоения максимальной части прибавочного труда. Только устранение феодальных преград могло бы в полной мере развязать руки новым, прогрессивным силам в сельском хозяйстве Германии.

Специализация крестьянских хозяйств на производстве вайды

С XIV в. начался также процесс специализации крестьянских хозяйств на производстве вайды. Учитывая, что вопрос этот мало изучен, мы ставим перед собой такие задачи, как выяснение особенности производства вайды и процесса специализации, определение характера хозяйств, занимавшихся выращиванием этой культуры, и рассмотрение социальных последствий производства и торговли вайдой.

Однолетнее растение (*Isatis tinctoria*) и синий красящий порошок, изготовлявшийся из него, назывались одинаково — вайдой. До привоза в Европу индиго в 70-х годах XVI в. вайдовая краска занимала на рынке монопольное положение. Но и после появления этого серьезного конкурента вайда благодаря своим превосходным качествам еще долго сохраняла заметные позиции в торговле.

О культивировании вайды с XIII в. говорят документы Тюрингии, Гессена, Нижнерейнских областей и Бранденбурга.¹⁵⁵ Правда, до XIV в. не было таких хозяйств, которые считали бы выращивание вайды основным своим занятием. Специализация крестьянских хозяйств на производстве вайды началась раньше всего в Тюрингии. Уже в середине XIV в. известный немецкий агроном и писатель К. фон Мегенберг, описывая вайду, подчеркнул, что главным районом ее распространения является окрестность Эрфурта в Тюрингии.¹⁵⁶ К тому времени эрфуртская вайда завоевала известность не только во всей Германии, но и за ее пределами.¹⁵⁷ Как предполагают некоторые историки, к XV в. вайда стала для многих деревень Тюрингии монокультурой.¹⁵⁸

Столь ранняя специализация данного района на производстве вайды связана с рядом причин. Во-первых, жители Эр-

¹⁵⁵ Inama-Sternegg K. Th. Op. cit., Bd. III, T. I, S. 338.

¹⁵⁶ Megenberg K. von. Das Buch der Natur. Hrsg. von F. Pfeiffer. Stuttgart, MDCCCLXI, S. 419.

¹⁵⁷ Wimmer J. Op. cit., S. 252.

¹⁵⁸ Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands von der Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters. Zweite erweiterte und neugest. Auflage. München, 1951, S. 346.

фурта, как установил еще в прошлом веке Кирхгоф, первыми познакомились с этой культурой у славян, среди которых кашубы издревле славилась своей одеждой темно-синей окраски.¹⁵⁹ Способ выращивания высокосортной вайды и изготовления качественной краски стал тайной эрфуртцев еще задолго до того, как спрос на вайдовый порошок возник в других местах. Во-вторых, в окрестностях Эрфурта имелась наиболее подходящая почва для этой культуры, как подчеркивал Лютер, «черная, жирная» земля.¹⁶⁰ В-третьих, бюргеры Эрфурта не только устанавливали обширные торговые связи с потребителем вайдового порошка, но и не жалели сил и средств на приобретение земли и организацию выращивания вайды.

Всего в Тюрингии славились вайдой пять городов и их сельские округа: Эрфурт, Гота, Лангензальца, Теннштедт и Арнштадт. Временами торговали вайдой Мюльхаузен и Вейсензее, но только об Эрфурте и его округе имеется достаточное количество сведений, необходимых для исследования интересующих нас вопросов.¹⁶¹

Вайда относится к торгово-техническим культурам. Для средневекового крестьянина это было самое трудоемкое однолетнее растение.

Выращивание и обработка вайды до получения из нее красящего порошка делились на 4 производственных цикла. Первый был связан с подготовкой почвы и севом вайды. Даже самая лучшая по качеству почва нуждалась в обильном удобрении, которое осенью вывозилось на поля. Удобренная навозом почва многократно и глубоко перепахивалась. И только осенью или весной в почву, подготовленную таким образом, высевались семена вайды.

Второй производственный цикл был связан с уходом за посевами и снятием урожая. В летнее время вайдовые поля неоднократно пропалывались, а с июля начинался первый сбор листьев. С полей, засевавшихся осенью, снимали 3—4 урожая в год, с тех, где сеялась вайда весной, — 2—3 урожая. Каждый раз пучки листьев ссекались острым железным ножом над самими корнями и слегка — до увядания — подсушивались.

Третий цикл был связан с предварительной обработкой вайды. Увявшие листья измельчались на вайдовых мельницах. Конструкция мельницы была несложной, но обходилась не настолько дешево, чтобы каждый крестьянин мог ее иметь в своем хозяйстве. Из измельченных на мельнице листьев изготавливались круглые мячики размером в ладонь или кулак, которые высушивались на наклонных деревянных или плетеных сушилках, устанавливавшихся рядом с мельницей.

¹⁵⁹ Haupt H. Die Erfurter Kunst- und Handelsgärtnerei. Jena, 1908, S. 20.

¹⁶⁰ Luther M. Tischreden oder Colloquia. Leipzig, 1846, S. 667.

¹⁶¹ Rach A. Die Blütezeit des Erfurter Waidhandels. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1959, Bd. 171, H. 1—2, S. 32—33.

Четвертый цикл, связанный с изготовлением красящего порошка из сырья, т. е. из вайдовых мячиков, проходил в городе. На полу просторных чердачных помещений, расположенных под высокими крышами домов и хозяйственных строений и снабженных большими затворяющимися люками, расстилалась масса, полученная в результате измельчения вайдовых мячиков. Эту массу периодически обрызгивали водой, благодаря чему постепенно начинался процесс брожения, который сопровождался выделением пара. Нагретую и слипшуюся массу много раз разрывали «вайдовыми баграми», перелопачивали и вновь обрызгивали водой. С течением времени таким образом обрабатывавшаяся масса принимала черноватую окраску и покрывалась плесенью, так что приобретала сходство с голубиным пометом. На последний производственный цикл уходило много времени — около года. Обработанная вайда высушивалась и растиралась в красящий порошок, который потом хранился и транспортировался в бочках из еловых кленок.

Выращивание и обработка вайды поглощали труд огромного числа людей, между которыми со временем сложилось разделение труда, имевшее общественный и внутрипроизводственный характер. Прежде всего возникло разделение труда между деревней и городом: весь процесс выращивания вайды и ее обработки до изготовления вайдовых мячиков был сосредоточен в деревне, обработка вайдовых мячиков до получения красящего порошка — в городе. Деревня изготовляла полуфабрикат — вайдовые мячики, город — готовую продукцию в виде порошка. Исторически разделение труда сложилось следующим образом. Город — основной потребитель вайдовой краски — первоначально удовлетворял свои потребности сам. Горожане выращивали вайду в своих огородах и изготовляли в своем же хозяйстве краску. На данном этапе производство вайдового порошка оставалось секретом горожан. Это давало возможность городу сохранять за собой (с XIV в.) последний производственный цикл — выработку красящего вещества — и заставлять крестьян, не знавших секрета изготовления высококачественной краски, выполнять все остальные производственные циклы.

В таком общественном разделении труда были особенно заинтересованы купцы, проживавшие в городах. Оно позволяло им установить контроль над производством вайды и сосредоточить в своих руках производство и сбыт вайдового порошка. Как мы увидим, несмотря на то, что крестьяне находились в земельной зависимости от городских вайдовых торговцев, между ними существовали преимущественно товарно-денежные, рыночные отношения.

Кроме того, происходит и внутрипроизводственное разделение труда, которое в изучаемое время приводит ко все более узкой специализации и более широкому применению наемного рабочего труда. Такие работы, как вывоз навоза на поля, об-

работка почвы плугом, перевозка листьев с полей на мельницу и их измельчение там, первоначально производились владельцем вайдовых посевов и членами его семьи. Однако в зажиточных и некоторых домениальных хозяйствах эти виды работ уже в XV в. и даже раньше выполнялись наемными плугарями или коноухами и погонщиками лошадей.¹⁶² Перечисленные виды работ, в сущности, ненамного отличались от тех, которые были характерны для любого крестьянского хозяйства, занятого возделыванием полей под различные посевные культуры. Этим, очевидно, и объясняется то, почему о них умалчивается в исследованиях и почти ничего не говорится в источниках, содержащих сведения о выращивании вайды.

Мы не знаем производственных особенностей прополки вайдовых посевов. Проводилась она до первого сбора урожая листьев и между последующими сроками их срезания. Учитывая, что почти каждый крестьянин, высевавший вайду, имел и зерновые посевы, мы должны будем согласиться с тем, что собственной рабочей силы было слишком мало, чтобы ею обеспечить данный вид работы. Прополка производилась теми же людьми, которые собирали вайдовые листья.

О сборе листьев нам известно, что это — один из самых тяжелых видов работ. Сборщик листьев трудился от зари до зари с ножом в руках, стоя на коленях.¹⁶³ На срезание листьев и прополку растений уходило не менее 2—2,5 месяцев, от июня до второй половины августа. Сбор листьев, как указывают источники, производился поденщиками. Уже в XV в. собственных поденщиков из деревень и городов Тюрингии оказалось недостаточно, поэтому сюда ежегодно толпами приходили искатели сезонной работы из Франконии и Нижнего Лаузица.¹⁶⁴ Если учитывать, что поденщики приходили из других областей на сезонные работы, а сбор листьев производился через определенные промежутки 3—4 раза за лето, то вряд ли можно предположить, что пришлые люди отдыхали от сбора до сбора. Скорее всего, они в это время пропалывали посевы или занимались другими поденными работами.

Относительная дороговизна вайдового мельничного дела, несмотря на несложный по устройству механизм мельницы, частично содействовала общественному разделению труда. Во всяком случае, не в каждом хозяйстве имелась своя вайдовая мельница. Но в то же время процесс разделения труда не заходил здесь так далеко, как в мукомольном деле: владельцы мукомольных мельниц совершенно не занимались зерновым хозяй-

¹⁶² Kius O. Die thüringische Landwirtschaft... — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1864, Bd. II, H. 2—3, S. 125—127; Michelsen A. L. Der Mainzer Hof in Erfurt am Ausgange des Mittelalters. Jena, 1855, S. 10—35.

¹⁶³ Haupt H. Op. cit., S. 21.

¹⁶⁴ Neubauer Th. Wirtschaftsleben im mittelalterlichen Erfurt. — Vierteljahrsschrift f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1912, Bd. XII, H. 4, S. 529.

ством. Наглядно об этой незавершенности общественного разделения труда свидетельствует и то обстоятельство, что очень мало вайдовых мельниц принадлежало горожанам, имевшим значительно больше необходимых для строительства мельниц средств, чем крестьяне.¹⁶⁵ Обработка листьев на вайдовой мельнице тоже была связана с определенным внутрипроизводственным разделением труда: кто-то должен был подвозить листья, кто-то — погонять по кругу лошадей, кто-то — изготавливать мячки и сушить их — ведь все эти виды труда выполнялись одновременно. Обходились ли здесь без наемного труда — неизвестно, так как документы об этом молчат.

На основе данных, которыми мы располагаем по Эрфурту, можно говорить о следующей организации производства вайдовой краски в XVI в. Крупным собственникам принадлежали производственные помещения: обширные и высокие чердаки домов, снабженные вентиляционными приспособлениями, орудия труда — вайдовые багры, лопаты, грабли, чаны, ведра и т. п., купленное на рынке сырье и готовая продукция, которая целиком предназначалась на продажу. Обработка сырья, изготовление краски, упаковка и транспортировка ее производились наемными людьми — вайдовыми мастерами, вайдкнехтами, поденщиками и извозчиками.¹⁶⁶ Крупные размеры хозяйства, применение наемной рабочей силы, разделение труда при ручном производстве, связь с рынком — все говорит за то, что перед нами по характеру мануфактурное производство. Но имелась одна особенность — рабочие обслуживали несколько мануфактур. Объясняется это тем, что процесс обработки сырья велся по циклам, между которыми возникали промежутки простоя. Важно было бы выяснить условия и организацию труда, а также положение рабочих, но в настоящее время нет еще опубликованных данных, на основе которых можно это сделать. В документах также ничего не говорится о мелких предприятиях по выработке краски, хотя в принципе они могли существовать.

Если иметь в виду все производственные циклы изготовления вайдовой краски, то можно прийти к выводу, что при растущем спросе на вайду внутри и вне Германии, имевшем место с XIV в., и безраздельном господстве ручного труда общественное и внутрипроизводственное разделение труда было совершенно неизбежным. В такой же мере неизбежной становилась специализация определенных сельскохозяйственных районов на выращивании вайды.

Главными заинтересованными лицами в производстве вайды и торговле ею были купцы, наживавшие огромные состояния. В условиях феодально-вотчинных отношений, когда в деревне крестьяне выращивали вайду на чужой земле, купцы не могли

¹⁶⁵ R a s h A. Op. cit. S. 33.

¹⁶⁶ Ibid., S. 75. — Вайдовый мастер отличается от цехового, он — знаток своего дела, работающий по пайму.

быть гарантированы от различных случайностей, связанных с феодальным производством, а главное — купцы не могли регулировать взаимоотношения между спросом и предложением. Именно стремлением обеспечить себя в достаточном количестве дешевым сырьем, установить на него низкие монопольные закупочные цены, быть независимым от произвола феодалов, проживавших за пределами города, объясняется вторжение городского купечества и его представительных органов в земельное дело в таких обширных размерах, как это имело место в районах Эрфурта. Отдельные бюргеры и городские советы сами стали приобретать земли, феодальные лены, судебные права, десятину и все, что было необходимо для обеспечения контроля над производством вайды.

В нашем распоряжении еще слишком мало сведений, чтобы составить достаточно ясное представление о характере и особенностях землевладения горожан и городских советов. Предварительно на основе самых разнообразных источников можно констатировать следующее. В 1269 г. город Эрфурт, который лучше всего представлен в документах, купил первую деревню — Штоттерхейм, к 1500 г. у него уже имелось 82 деревни,¹⁶⁷ а немногим позже — в 1507 г. — 83 деревни и даже городок Земмерда.¹⁶⁸

К приобретению феодальной собственности и прав в деревне стали стремиться самые различные общественные слои городского населения, в первую очередь бюргеры дворянского происхождения, ставшие незадолго до этого горожанами и имевшие опыт ведения сельского хозяйства, а главное — землю. Так, в 1302 г. в документах Эрфурта упоминается аллод в деревне Вальшлебен, принадлежавший бюргеру города дворянского происхождения — Тило фон Закса.¹⁶⁹ В 1308 г. этот же дворянин вместе с бюргерами-недворянами стал получать половину фогтиальных доходов с 16 гуф, расположенных в окрестностях Эрфурта.¹⁷⁰ Еще через два столетия, в начале XVI в., его потомкам, которые стали называться фон Заксен, принадлежали две деревни целиком: Альперштедт и Наундорф.¹⁷¹ В это же время другой дворянской семье города Эрфурта — фон Мильвиц — принадлежала деревня Нэда.¹⁷²

Бюргеры Эрфурта дворянского и недворянского происхождения нередко становились ленниками князей и императора и

¹⁶⁷ Overmann O. Erfurt in zwölf Jahrhunderten. Eine Stadtgeschichte in Bildern. Erfurt, 1929, S. 52.

¹⁶⁸ R a c h A. Op. cit., S. 29.

¹⁶⁹ Urkundenbuch der Stadt Erfurt. T. I. Bearb. von C. Bayer. Halle, 1889, S. 345. — Судя по другим документам, Тило фон Закса уже был патрицем и входил в состав городского совета. (Falckenstein J. H. Op. cit., S. 172).

¹⁷⁰ Urkundenbuch der Stadt Erfurt, S. 377.

¹⁷¹ Neubauer Th. Das tolle Jahr. Weimar, 1948, S. XVIII.

¹⁷² Ibid.

тем самым подчиняли себе деревни и отдельные хозяйства крестьян.¹⁷³ Чаще всего, однако, бюргеры выступали в качестве покупателей земли, ренты, судебных и иных прав у феодалов.¹⁷⁴ В XVI в. и бюргеры недворянского происхождения являлись собственниками целых деревень. Так, эрфуртской семье Кельнер принадлежала деревня Марбах, бюргеру Уцбергу — деревня Меркфельд, а бюргеру Циглеру — деревни Штадтен и Эйхельборн.¹⁷⁵

Во многих документах сообщается о приобретении земли городским советом Эрфурта. Обычно это были владения разорявшихся феодалов. Источники говорят о том, что продаже земли, как правило, предшествовали ростовщические операции. Бюргеры-ростовщики вначале получали ту или иную территорию в качестве залога за долг. Вместе с заложенной земельной собственностью бюргер приобретал все те права по отношению к сидевшим на ней крестьянам, которые до этого принадлежали феодальному собственнику. Поэтому даже за то время, в течение которого бюргер владел феодальной землей в качестве кредитора, он оказывал влияние на направление хозяйственной деятельности крестьян.

Разоряющиеся феодалы закладывали иногда владения огромных размеров. В 1315 г. ландграф Тюрингии Фридрих, получив от города Эрфурта займы 300 марок, заложил ему эту сумму на 5 лет так называемое «малое графство вдоль узкой части реки Геры».¹⁷⁶

За такую же сумму в следующем году заложил Эрфурту граф Герман Глейхенский свое графство Фидельбах (15 деревень).¹⁷⁷ На протяжении указанного срока город получил право взимать с крестьян все виды ренты, поборы и судебные штрафы, поступавшие до этого графам. В конце срока последние обязывались вернуть полученную сумму или выкупить заклад.

Конечной целью горожан и города Эрфурта становилась покупка земли у феодалов. Уже в 1286 г. городской совет Эрфурта приобрел у Германна фон Зузингероде его графство Физельбах (всего 14 деревень).¹⁷⁸ В 1345 г. тот же совет за 500 марок купил у юнкера Рудольфа Вальдингена его деревню Удештадт.¹⁷⁹ Одновременно за долг в 600 марок, числившийся за ландграфом Фридрихом, Эрфурту была отдана деревня Грос-Брембах.¹⁸⁰ Вскоре, в 1357 г., Эрфурт купил у графа Хеннебер-

¹⁷³ Urkundenbuch des Stadt Erfurt, S. 357, 371, 394, 411, 421, 429, 449.

¹⁷⁴ Ibid., S. 343, 375, 374, 429 и др.

¹⁷⁵ Neubaue Th. Das tolle Jahr, S. XVIII.

¹⁷⁶ «...unse minnere grafeschaft die da liget an der Smalen: Gera». — Urkundenbuch der Stadt Erfurt, S. 413.

¹⁷⁷ Ibid., S. 418.

¹⁷⁸ Falckenstein J. H. Op. cit., S. 121.

¹⁷⁹ Ibid., S. 224.

¹⁸⁰ Ibid.

га деревню Кирхгейм,¹⁸¹ а в 1418 г. — городок Земмерда со всеми деревнями, составлявшими с ним одну общину.¹⁸² Много деревень было куплено городским советом и позже.¹⁸³

Отдельные деревни дарились Эрфурту и за особые заслуги. Так, за неоднократную поддержку императора Карла IV в борьбе с церковью Эрфурт в 1352 г. получил в качестве имперского лена деревню Капеллендорф.¹⁸⁴

Принадлежавшие Эрфурту в 1507 г. 83 деревни и городок Земмерда занимали в районе между городами Готой и Веймаром с юга и р. Унструт на севере территории в 610 км², на которой проживало до 32 тыс. сельских и 18 тыс. городских жителей.¹⁸⁵ В административном отношении Эрфурт создал на своих землях 7 фогств (Ноттлебен, Вальшлебен, Штоттерштейн, Уденштедт, Керсплебен, Базелебен, Эйххельм) и 4 округа (Мюльберг, Тондорф, Вашла, Виттах), во главе которых стояли лица, подотчетные городскому совету. Кроме того, специальные хеймбюргеры (старосты) осуществляли повседневный контроль над вайдовыми посевами крестьян и отчитывались перед городским казначейством.¹⁸⁶

Город Эрфурт ревниво следил за размерами площадей, засевавшихся вайдой, и производством вайдовых мячиков в крестьянских хозяйствах. Каждый акр земли, находившийся под вайдой, записывался в «вайдовую книжечку» городского магистрата, с тем чтобы потом взимался так называемый вайдовый пфенниг.¹⁸⁷ О количестве засевавшейся вайдой площади может дать представление сумма сбора вайдового пфеннига: в 1579 г. он составил 1422 шок¹⁸⁸ 5 грошенов.¹⁸⁹

Старосты тщательно подсчитывали, сколько вайдовых мячиков сушилось в каждом хозяйстве, и в конце недели отправляли сводку в эрфуртское фогтиальное управление.¹⁹⁰ Благодаря сохранившимся сведениям об отчетах хеймбюргеров возможно установить размеры посевов вайды в каждой эрфуртской деревне. Но, прежде чем это сделать, необходимо отметить, что на размеры вайдовых посевов оказывала немалое влияние и политика князей. Так, герцоги Саксонии и Тюрингии с 1456 г. взимали с акра вайды плату солидных размеров — от 2 грошей 8 пфеннигов до 3 грошей 4 пфеннигов.¹⁹¹ Такой на-

¹⁸¹ Erfurdianus Antiquitatum Variloquus Incerti Auctoris, nebst einem Anhangе historischer Notizen über den Bauernkrieg in und um Erfurt im Jahr 1525. Bearb. von R. Thiele. Halle, 1906, S. 160.

¹⁸² Falckenstein J. H. Op. cit., S. 205.

¹⁸³ Ibid., S. 217, 234, 266, 284, 291, 313.

¹⁸⁴ Neubaueг Th. Das tolle Jahr, S. XIII.

¹⁸⁵ R a c h A. Op. cit., S. 29.

¹⁸⁶ Ibid., S. 31.

¹⁸⁷ Haupt H. Op. cit., S. 24; Overman O. Op. cit., S. 148.

¹⁸⁸ 1 шок = 60 грошеном.

¹⁸⁹ R a c h A. Op. cit., S. 31.

¹⁹⁰ Ibid.

¹⁹¹ K i u s O. Op. cit., S. 145.

лог, бесспорно, не мог содействовать расширению площадей под вайдой. И действительно, сразу же шаметилась тенденция к сокращению вайдовых посевов. По просьбе городов и в собственных интересах князей налог был заменен новым: с конца XV — начала XVI в. деревни Тюрингии облагались «вайдовыми деньгами» целиком, независимо от размеров вайдовых посевов. Теперь наблюдалось обратное явление: крестьяне расширяли площади под вайду за счет сокращения зерновых посевов. Это, в свою очередь, таило серьезную опасность.

Точные данные о площадях, засевавшихся вайдой в районе Эрфурта, относятся только к тому времени, когда под влиянием конкуренции привозного индиго уже начался упадок производства вайды. Тем не менее они представляют интерес для выяснения общего положения дела. Табл. 1, составленная на основе сведений, содержащихся в различных исследованиях, дает представление и о количестве деревень, занимавшихся выращиванием вайды, и о площадях, засевавшихся этой культурой.

Таблица 1

Производство вайды в окрестностях Эрфурта в конце XVI — начале XVII в.

Годы	Количество деревень, высевавших вайду	Общая площадь, занятая посевом вайды (в акрах)
1579	49*	4344
1590	54	3388 1/2
1597	53	2405 1/2**
1604	49	2273 3/4
1605	48	2554 1/2
1615	52	1781***

* Рах говорит, что их было 57 (Rach A. Op. cit., S. 35).

** У Раха — 3406 акров, что кажется более правдоподобным.

*** Данные только у Раха.

Причины сокращения производства вайды с конца XVI в. в полном объеме еще не исследованы. Большинство историков сходятся на том, что оно было вызвано привозом дешевого индиго. Но удивительно то, что до 1620 г. купцы Эрфурта, несмотря на сокращение посевной площади под вайдой, увеличивали объем продаваемой ими вайдовой краски.¹⁹² Очевидно, они закупали сырье в других местах. Поэтому одной из причин сокращения производства вайды в районе Эрфурта могло быть истощение почвы. К 1629 г. в 30 «вайдовых» деревнях засеивалось не более 675 акров вайды.¹⁹³ Не выяснена роль Тридцатилетней войны в разрушении вайдовых плантаций.

¹⁹² Rach A. Op. cit., S. 35.

¹⁹³ Ibid., S. 78.

Понятие о специализации крестьянских хозяйств на производстве вайды дает и продажа крестьянами вайдовых мячиков в Эрфурте. Все количество вайдовых мячиков, учтенные деревенскими старостами и городскими властями, обязательно должно было быть продано на рынке только в Эрфурте. Каждый крестьянин обязывался привозить свой товар в город сам и там предлагать его покупателям. На одну и ту же телегу разрешалось грузить только вайду одного сорта. Целый ряд запретов не разрешал крестьянам под залог будущего урожая вайды брать деньги взаймы, продавать вайду на поле или у мельницы, брать деньги с покупателя заранее и обязывал покупать ее только за наличную плату, а также не договариваться между собой о цене. Не разрешалось крестьянам угощать городских вайдкнехтов или вместе с ними посещать таверну или даже договариваться с ними о встрече. Одним словом, вайда для крестьян была товаром, и товарность вайдовых хозяйств не подлежит сомнению; с другой стороны, крестьянину запрещалось свободно распоряжаться своим товаром, последний заранее принадлежал купцам, и цены на него устанавливались купцами.

В то же время существовали определенные правила закупки, обязательные для всех занятых в торговле вайдой. Торговать разрешалось только на городской рыночной площади. Торговля производилась еженедельно от дня тринадата до дня св. Михаила, т. е. в течение 8—9 недель. О начале торговли вайдой извещал удар в «вайдовый колокол». До этого сигнала не разрешалось осматривать товар, принимать у себя крестьян с образцами товара и заключать сделки с ними. Купцам разрешалось только лично, а не при помощи агентов закупать вайду-сырье. Специальные присяжные весовщики обязывались взвешивать весь купленный товар на так называемых «старых весах». При взвешивании проданной вайды с крестьян взимался акцизный сбор, носивший название «вайдовые деньги». Все споры и недоразумения разрешал городской совет, который получал с каждой мерки спорной вайды плату в 1 грошен. Г. Гаупт утверждает, что «эрфуртские вайдовые торговцы, как известно, платили мало, и к тому же плохой монетой».¹⁹⁴ Но даже при таких обстоятельствах некоторые эрфуртские деревни продавали ежегодно вайду на сумму в 12—16 тыс. талеров.¹⁹⁵

Положение крестьян, специализировавшихся на производстве вайды

В 1579 г. в качестве продавцов вайдовых мячиков в Эрфурте выступали 1748 чел.,¹⁹⁶ что составляет почти одну десятую часть сельского населения. Если иметь в виду, что каж-

¹⁹⁴ Haupt H. Op. cit., S. 23.

¹⁹⁵ Ibid., S. 41.

¹⁹⁶ R a c h A. Op. cit., S. 35.

дый сельский продавец вайды был единственным представителем своей семьи, а в семье насчитывалось в среднем 5 чел., то можно прийти к выводу, что половина сельских жителей Эрфуртского округа выращивала вайду в своих хозяйствах. Если к тому же учесть, что к выращиванию вайды привлекалось небольшое число поденщиков, то выходит, что возделыванием вайды занималась подавляющая часть сельского населения.

В 1579 г. каждое крестьянское хозяйство, выращивавшее вайду, заседало этой культурой в среднем 2,5 акра. На первый взгляд кажется, что это весьма незначительная цифра. Но, во-первых, вайда сильно истощала почву,¹⁹⁷ что заставляло крестьян постоянно менять вайдовое поле (в данной связи было бы интересно выяснить, как вписывалась вайда в севооборот, существовавший при трехпольной системе полеводства). Во-вторых, вайда — исключительно трудоемкая культура, поэтому большинство крестьян обрабатывало свои поля, привлекая дополнительную рабочую силу. Наконец, важно отметить, что практически в каждом хозяйстве от 1/3 до 5 акров заседалось вайдой. Для одних, следовательно, она оставалась огородной культурой, для других — основной.¹⁹⁸

Отдельных сведений о положении крестьян, специализировавшихся на выращивании вайды, нет, но поскольку вайда выращивалась в большинстве крестьянских хозяйств, необходимо обратить внимание на положение крестьянства в Тюрингии в целом. Важно при этом учесть, что в Тюрингии и Саксонии в XIII—XIV вв. оформился свой вариант вотчины, для которого были характерны следующие черты. Сеньорами могли быть территориальные князья, феодалы-ленники, церковные учреждения, высший клир, городские советы, патриции, бюргеры, университеты, госпитали и т. д. Доменальные владения были доведены до минимума и сохранялись преимущественно церковью и князьями. Если учесть, что Эрфурту и его жителям в XVI в. принадлежало 83 деревни и не более чем у 14 горожан имелись свои доменальные хозяйства, то можно прийти к выводу, что меньше всего сохранилось бюргерских доменальных хозяйств. Вместе с сокращением доменальных хозяйств обычно коммутировалась барщина и выкупалась крестьянами. Даже там, где сохранялись доменальные хозяйства, они велись не при помощи барщинного труда.¹⁹⁹ Правда, местами по воле феодалов возрождались отдельные виды барщины, но, во-первых, только в дополнение к наемному труду, а во-вторых, не в виде работы на поле, а как отработки на мельнице, винодавальне и по извозу.

¹⁹⁷ Luther M. Op. cit., S. 567.

¹⁹⁸ «Вайда — это питание крестьянина, прибыль бюргеров, сокровище или золотое руно всей Тюрингии». — Haupt H. Op. cit., S. 567.

¹⁹⁹ Michelsen A. L. Op. cit., S. 10—35.

С тех пор, как возник новый вариант вотчины, положение крестьян в этом районе Германии характеризовалось прежде всего личной свободой и полным отсутствием основного вида отработочной ренты — полевой барщины. Но земельная монополия феодалов не была поколеблена. Крестьяне оставались в поземельной зависимости. Однако в силу личной независимости и полного отсутствия полевой барщины здесь с XIII в. (самое позднее — в XIV в.) сложились такие крестьянские отношения, которые с полным основанием всеми исследователями называются крестьянским «правом собственности». С наделов взимались фиксированная рента. Продажа, купля, дробление, приращивание, наследование, дарение крестьянского надела не контролировались вотчинниками, а находились под контролем общины. При этом последняя могла претендовать только на угощение в день юридического оформления прав нового владельца, однако размеры угощения были строго установлены. Внесение в срок фиксированной ренты являлось единственным условием подобного держания земли. Поэтому вотчинник интересовался владельческими правами крестьян только тогда, когда рента не вносилась в срок.²⁰⁰ Если вотчина находилась в руках города, ему принадлежала и низшая юрисдикция (а иногда и высшая).

Хозяйственная инициатива крестьян Тюрингии и Саксонии не сковывалась вотчинным строем, из-за чего вместе с развитием товарно-денежных отношений значительно быстрее происходила дифференциация в крестьянской среде. Имевшиеся в этом районе крупные арендаторские овцеводческие хозяйства успешно присоединяли земли разорвавшихся крестьян к своим пастбищам, а когда владельцы этих хозяйств пытались перейти к сгону крестьян с земли, то встречали сопротивление только со стороны крестьян.

Глубокие изменения в положении крестьян, в первую очередь обезземеливание части крестьянства, приводили в этом районе к наиболее острым столкновениям во время Крестьянской войны 1524—1525 гг. Представители эрфуртских торговцев вайдой были вынуждены вести с крестьянами переговоры и даже возглавлять отдельные крестьянские отряды (Курт Циглер, Лоренц фон Заксен и Христоф Уцберг), чтобы отвести от себя удар, направить его против духовенства Майнца, которому здесь принадлежали большие владения.²⁰¹

На вайдовых полях работало значительное число поденщиков. Среди них имелись крестьяне из одних и тех же деревень, горожане и пришлые. Судя по исследованиям О. Киуса, труд поденщиков оплачивался равным образом, независимо от того,

²⁰⁰ Loesche D. Zur Lage der Bauern im Gebiet der ehemaligen freien Reichsstadt Mühlhausen in Thüringen zur Zeit des Bauernkrieges. — In: Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland. Berlin, 1961, S. 66.

²⁰¹ R a c h A. Op. cit., S. 34.

приходил ли работник из города или жил здесь же, в деревне.²⁰² Неизвестно только, распространялось ли это и на поденщиков, приходивших из других районов.

В 1500 г. за погрузку и разгрузку навоза платилось 15 пфеннигов, если поденщик питался у нанимателя, и один грошен, если он имел собственное питание.²⁰³ К сожалению, у нас нет данных о том, сколько зарабатывал поденщик на прополке и сборе листьев вайды. Но источники говорят о том, что летом городской поденщик получал от 18 до 20 пфеннигов за любую работу. Очевидно, столько же платили и сборщикам листьев вайды. Сбор листьев производился обычно пришлыми поденщиками, об оплате труда которых нам ничего не известно. Но труд их, как мы видели, был тяжелым. Условия труда уже в XVI в. приводили к объединению поденщиков-славян в группы или артели из 15—20 чел., во главе которых стояли выборные «кормчие» (Schiffmann).²⁰⁴ В Эрфурте в начале XVI в. проживало 395 поденщиков, что составляло 5,6% всего населения.²⁰⁵ Все они преимущественно работали в окрестных деревнях.²⁰⁶

Обширные сведения о наемных работниках содержатся в законодательстве князей Саксонии начиная с XV в. В законодательных документах подчеркивается, что это — лично свободные безземельные и малоземельные жители деревень или неимущие и малоимущие горожане. Наниматель подчинял их жизнь тому порядку, который существовал в его доме. Законы отразили тот факт, что в первой половине XV в. ощущалась нехватка наемной рабочей силы. Но, очевидно, в середине века наступил перелом, так как уже с 1451 г. материальное положение наемных людей стало ухудшаться. Позже в документах говорится об избытке наемных работников. К пятипроцентному подоходному налогу, введенному для них в 1451 г., в 1488 г. прибавился еще пятипроцентный налог «на борьбу с турками». В 1482 г. князь специальным указом повсеместно снизил наемным работникам заработную плату на 25% по сравнению с установленным им же в 1466 г. максимумом. В XVI в. все учащаются жалобы представителей господствующего класса на опасность наемных людей. В связи с этим в 1543 г. вводятся паспорта для этой категории лиц.²⁰⁷

Таким образом, можно констатировать, что специализация крестьянских хозяйств на производстве рыночного товара — вайды в Тюрингии проходила в первую очередь в интересах горожан и вблизи городов. Процесс развивался настолько интен-

²⁰² K i u s O. Die Preis- und Lohnverhältnisse des sechzehnten Jahrhunderts in Thüringen. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1863, Bd. I, H. 5, S. 516.

²⁰³ Ibid., S. 514.

²⁰⁴ H a u p t H. Op. cit., S. 21.

²⁰⁵ R a c h A. Op. cit., S. 33, 41.

²⁰⁶ N e u b a u e r T. Op. cit., S. XVIII.

²⁰⁷ W u t t k e R. Gesindeordnungen und Gesindezwangsdienst in Sachsen bis zum Jahr 1835. Leipzig, 1893.

сивно в сельском хозяйстве, что к XVI в. буквально не было крестьян в окрестностях Эрфурта, которые не сеяли бы вайду. Эта культура содействовала дифференциации крестьян и их более тесной связи с городом. Несмотря на то, что крестьяне не пользовались свободой торговли, с продажи вайды они выручали большие деньги. Производство вайды содействовало проникновению горожан в сельское хозяйство. Особенно же оно содействовало развитию наемной рабочей силы. Как и в овцеводстве, в производстве вайды появились артели наемных людей, приходящих из отдаленных мест, чтобы обслужить ряд вайдовых плантаций. Усилился приток городских поденщиков. Товарный характер хозяйств был сильно выражен, но, к сожалению, мы не можем констатировать здесь приложение предпринимательского капитала в сельском хозяйстве в той мере, как в овцеводстве. В то же время необходимо отметить, что изучение вайдового производства только начинается. Значительно лучше исследованы торговля вайдой и производство вайдовой краски. Именно там мы встречаем в больших масштабах предпринимательские действия.

Специализация крестьянских хозяйств на выращивании льна

Лен и конопля, как это давно установлено, являются основными техническими культурами, которые выращивались с древнейших времен почти во всех обитаемых районах Европы. Без льна не обходились ни крестьянские, ни барские хозяйства. Это объясняется тем, что обе культуры чрезвычайно необходимы для жизни и ведения хозяйства. Кроме того, обе культуры в целом малоприхотливы. Они вырастают почти на всякой почве,²⁰⁸ хотя хорошие урожаи можно снять только с хорошей земли, и то только после тщательной ее обработки и удобрения.

Условия для товарного производства льна и конопли появляются вместе с процессом отделения ремесла от земледелия, так как ткачество сосредотачивается в руках специалистов-ремесленников, проживавших, правда, преимущественно в деревнях.²⁰⁹

В то время как лен выделяется в культуру, которую крестьяне возделывают на поле, конопля, спрос на которую возрос мало, остается в основном огородной культурой. С XIII, и особенно с XIV в., под лен отводятся поля, которые огораживаются и обрабатываются так же тщательно, как огороды.

²⁰⁸ Hoffmann W. Flachs- und Hanfbau. Berlin, 1957.

²⁰⁹ Westermann A. Zur Geschichte der Memminger Weberzunft und ihrer Erzeugnisse im 15. u. 16. Jh.— Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1913, Bd. XIII, H. 3, S. 386.

В изучаемое время посевная площадь под лен быстро расширилась. Постепенно выделялись отдельные районы, где лен, а также пряжа из него производились в значительных количествах. К этим районам относятся Саксония, Вестфалия, Пфальц, окрестности Меммингена, Ульма, Кельна, Дица и др. Внутри каждого из данных районов имелись деревни, которые занимались преимущественно выращиванием льна. Наряду с ними, однако, были и такие, которые выращивали лен в незначительном количестве или вообще его не сеяли. Так, например, монастырь Фрауензее в 1499 г. взимал ренту со 134 крестьянских хозяйств, находившихся в 27 деревнях. Из них платили ренту с посевов льна только 13 крестьян, проживавших в деревне Диппах.²¹⁰

Рента со льна взималась везде в виде обработанного льняного волокна и обычно в весовых единицах.²¹¹ Это свидетельствует также о возросшем товарном значении льноводства.

В XIV—XVI вв. растет число сельских ткачей льняного полотна. Особенно это характерно для Саксонии. В жалобах, поступивших с 1457 по 1544 г. от городских ткачей, говорится о 941 ткаче в 309 деревнях,²¹² т. е. в среднем вопреки княжеским запретам в каждой деревне проживало по 3 ткача. В середине XVI в. в 18 саксонских деревнях проживало по 16 ткачей льняного полотна.²¹³

Характерно, что ткачей было больше там, где вообще сельское население было многочисленным, а земли сравнительно меньше. Иначе говоря, мы видим скопление разорившихся крестьян в районах развития льноткачества. Крестьяне в таких густо населенных деревнях сеяли преимущественно лен. Их хозяйства были сравнительно невелики, но имели торговое значение.

Концентрация населения в крупных селах, занимавшихся выращиванием льна и льноткачеством, наблюдается не только в Саксонии, как это показал Г. Хейц, но и в специализирующихся районах юга, особенно вокруг таких городов, как Аугсбург, Ульм, Мемминген, Биберах, Равенсбург, Изни, Констанц и Базель.²¹⁴

В льноводческих деревнях ускоряется процесс дифференциации. Именно из так называемых «Hausgenossen», т. е. людей, не имевших имущества, образовалось больше всего льноткачей. Процесс дифференциации наблюдается не только среди крестьян

²¹⁰ Urkundenbuch des Klosters Frauensee... Bd. I, S. 288—295.

²¹¹ Grimm J. Op. cit., Bd. V, S. 515; Bd. II, S. 526; Urkundenbuch der Abtei Altenberg, Bd. II, S. 427.

²¹² Heitz G. Die Entwicklung der ländlichen Leinenproduktion Sachsens in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1959, S. 6—8.

²¹³ Ibid., S. 11.

²¹⁴ Kelter E. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14.—15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1953, Bd. 165, H. 2/3, S. 181.

ян, но и среди льноткачей: в 1538 г. в 13 саксонских деревнях на 45 ткачей приходилось 50 станков.²¹⁵

К районам специализации на производстве льняных тканей относятся Саксония, Вестфалия, район верхнего течения Дуная и его притоков. Во всех этих местах горожане и князья постоянно снижали цены на льняную пряжу. Города также заставляли своих крестьян продавать им льняную пряжу только на определенных рынках. Несмотря на рост продукции товарного льна, его не хватало для изготовления высококачественных льняных тканей. С XIV в. Кельн начал завозить льноволокно из Прибалтики, чтобы изготавливать из него знаменитую льняную ткань «когель».²¹⁶ Однако вместе с упадком торговли с Прибалтикой вблизи Кельна выделяется новый район производства льна и льняных изделий — Вупперталь, в центре которого — Эльберфельде — вырабатывались прекрасные белые льняные ткани.

Следовательно, несмотря на малое количество источников, мы можем прийти к выводу, что специализация на льноводстве в принципе не отличалась от специализации на производстве других технических культур. Уже в XIV—XV вв. выделяются районы, славившиеся льноводством. Товарная направленность льноводства не оставляет никакого сомнения.

В заключение главы необходимо особенно подчеркнуть следующее.

1) Приблизительно с середины XIV в. под влиянием возросших потребностей во фруктах, овощах и техническом сырье в сельском хозяйстве начинается специализация хозяйств на производстве необходимых товаров на рынок. До начала XVI в. этот процесс, по всей вероятности, развивался без особых препятствий. В XVI в. на его пути встал ряд трудностей. Формально это получает отражение в законах князей, в которых запрещается дальнейшее расширение площадей под виноград, хмель, фруктовые деревья и т. п. Во второй половине XVI в., сильно сокращается площадь вайдовых посевов, так как вайдовая краска стала вытесняться дешевым индиго. В целом, на наш взгляд, главной общей причиной постепенного приостановления этого процесса специализации являлся новый и еще не изученный этап общественного разделения труда, охвативший широкие просторы Европы после великих географических открытий.

2) Характерной чертой специализации в сельском хозяйстве XIV—XVI вв. было то, что в нее были втянуты в первую очередь округа городов: повсюду появлялись мелкие хозяйства, производившие фрукты, овощи и техническое сырье на рынок. По примеру городов и деревни начали специализироваться на производстве таких товаров. Таким образом в городах и де-

²¹⁵ Heitz G. Op. cit., S. 8.

²¹⁶ Quellen und Forschungen zur Geschichte des Niederrheins. Bd. I, Düsseldorf, 1940, S. 21.

ревнях появлялась масса мелких хозяйств по выращиванию овощей, фруктов, винограда, хмеля и других культур на продажу. В это время города оставались еще тесно связанными с земледелием. Но данная связь не была основана на натуральном хозяйстве. Горожане старались обеспечивать себя привычным путем, т. е. через рынок. Этим объясняется и то, почему городские огородники, садоводы, виноградари создавали такие же цехи, как и ремесленники. Там, где вид хозяйства, как в выращивании вайды, требовал больших площадей, горожане приобретали замки и даже целые деревни и районы, чтобы организовать производство необходимых им товаров.

3) Повсюду, где требовались большие площади под посевы товарных культур и применение тягловой силы животных, происходит специализация крестьянских хозяйств на их производстве. Льноводство и вайдовое производство сосредоточиваются в деревне. Овощи и фрукты выращиваются преимущественно горожанами и крестьянами деревень, расположенных вблизи городов. Виноградники имелись не только у горожан и вблизи городов; и в отдалении от них возникали крупные виноградарские деревни. Это, очевидно, зависело преимущественно от климатических условий и своеобразия данной культуры.

4) Нельзя согласиться с мнением большинства буржуазных ученых, согласно которому инициатива специализации исходила везде только от феодалов. На самом деле повсюду появлялось множество мелких хозяйств по выращиванию овощей, фруктов и технических культур. Тот факт, что первыми на них специализировались мелкие хозяйства городов и их окрестностей, убеждает в слабой инициативности феодалов или в полном ее отсутствии. Специализация в большинстве районов разворачивалась стихийно, поэтому она нуждалась в определенных условиях. Владельцы хозяйств должны были быть лично заинтересованы в ней. Этому особенно содействовало то, что они не были обязаны выполнять полевою барщину и лично не были связаны с феодалом. Таким образом, ликвидация барской запашки в предшествующие века должна была сильнее всего влиять на начало специализации в сельском хозяйстве.

5) Специализация мелких хозяйств, использование ими малопригодных для хлебопашества земель, освоение бросовой территории, применение в более широких масштабах удобрений и т. п. не только повысили общее товарное производство, но и явились свидетельством прогрессивного развития производительных сил.

6) Характерно, что повсюду, где разворачивалась специализация, весьма быстро распространялась издольная аренда. По своей сущности издольная аренда являлась переходной формой хозяйства: здесь и арендатор, и собственник земли вкладывали средства в хозяйство, чтобы выручить определенную прибыль. Широко применялась наемная рабочая сила.

7) Специализация в земледелии имела своим последствием значительные демографические изменения. В деревнях в результате процесса дифференциации появился слой людей, которые вынуждены были искать себе пропитание. Разбогатевшие крестьянские хозяйства не в состоянии были использовать рабочую силу малоземельных и безземельных односельчан. Начиналось переселение бедняцких слоев с насиженных мест в районы, где можно было найти работу. Происходит концентрация сельского населения в районах процветания виноградарства, развития льноводства. Однако основная часть маломощных слоев деревни переселяется в города. Как нам кажется, именно эти переселенцы и стали в городах носителями специализированного земледелия. Рост количества городского населения за счет выходцев из деревни не отрицается даже теми буржуазными историками, которые считают, что эпидемии были «виной» всех социально-экономических изменений в XIV—XVI вв. Общее количество мелких городских хозяйств, занятых огородничеством, садоводством и виноградарством, неизвестно, так как мелкие садоводы, огородники и виноградари могли и не числиться среди бюргеров города.

Глава IV

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЙОНАХ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА В ГЕРМАНИИ XIV—XVI вв.

По посевным площадям, объему производства и общехозяйственному значению зерновое хозяйство занимало в земледелии ведущее место. До XIV в., когда в земледелии еще не происходил тот процесс специализации, о котором мы говорили в предшествующих главах, хлебопашество подчиняло себе остальные виды сельскохозяйственных занятий, оно господствовало над ними. Сельский житель был прежде всего хлебопашцем. Он занимался скотоводством постольку, поскольку ему нужна была тягловая сила и он нуждался в мясо-молочных продуктах. Кроме того он выращивал овощи и фрукты, сеял лен и коноплю. Продукты, которые он вырабатывал в своем хозяйстве, сдавались в качестве ренты феодальному собственнику земли. На рынок крестьянин увозил излишки и то, за что выручал деньги для уплаты ренты.

С XIV в. в земледелии происходит общественное разделение труда. Постепенно выделяются отдельные отрасли сельского хозяйства: скотоводство, виноградарство, овощеводство и садоводство. Успешно идет специализация хозяйств по выращиванию льна и вайды. Процесс этот не был завершен и к концу XVI в., но он твердо обозначился в период с XIV по XVI в. Хотя районы специализированного земледелия полностью и не выделились, их контуры явно вырисовывались на общем фоне социально-экономического развития.

Образно специализацию в сельском хозяйстве можно представить как процесс постепенного отделения от зернового хозяйства остальных видов хозяйств. Не зерновое хозяйство выталкивало отдельные отрасли земледелия, а, наоборот, отделяясь от зернового хозяйства, эти отрасли отрывали от него определенные просторы, теснили его в пространстве. Как мы видели, под овцеводство уходили, бесспорно, худшие земли, под овощи, фрукты и виноград тоже отводились вначале худшие

земли либо те, которые до этого вообще не использовались в сельском хозяйстве. Только вайда и лен занимали плодороднейшие почвы, но общая посевная площадь их была сравнительно невелика. В целом можно отметить, что в масштабе всей страны зерновым культурам оставались лучшие по качеству земли.

Посмотрим теперь, как весь этот процесс отразился на зерновом хозяйстве, как шел процесс его специализации.

Сельскохозяйственные орудия и агротехника в Германии XIV—XVI вв.

Историография уделяет немало внимания описанию сельскохозяйственных орудий и агротехники. Т. Гольц, Г. Гансен, Р. Кржимовский, К. Лампрехт и К. Т. Инама-Штернег в своих фундаментальных трудах собрали все, что ранее было найдено и записано о сельскохозяйственных орудиях и агротехнике.¹ обстоятельно их описывает западногерманский историк В. Абель.² В послевоенное время западногерманские историки и географы А. Тимм, Г. Мортензен, К. Шарлау и другие стали уделять внимание изучению развития сельскохозяйственных орудий и агротехники рассматриваемого времени.³ Они считают, что демографические изменения в XIV—XVI вв. прямо зависели от изменений орудий труда и особенно агротехники. Они прослеживают связь более высокой агротехники с сокращением пахотной площади. При отборе лучшей земли под пашню забрасывались земли, лежавшие в отдалении от деревень, а близко находившиеся земли разбивались на поля и конь.⁴

Несмотря на этот позитивный подход, буржуазная историография допускает ряд просчетов и ошибок в изучении вопросов развития сельскохозяйственных орудий производства и агротехники. Главные из них следующие: 1) орудия труда в сельском хозяйстве и агротехника рассматриваются вне связи с развитием производительных сил в целом; 2) инициатива в изобретении новых орудий и внедрении положительных агрономических приемов в производство приписывается чаще всего «заботливым» земельным собственникам и изредка рационализа-

¹ Goltz T. F. von der. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. 2 Bände. Stuttgart—Berlin, 1902—1903; Krzymowski R. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. 3. Auflage. Berlin, 1961; Hanssen G. Agrargeschichte. Abhandlungen. Leipzig, 1880; Lamprrecht K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1885; Inama-Sternegg K. Th. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Bd. III. Leipzig, 1901.

² Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1962.

³ Timm A. Zur Geschichte der Erntegeräte. — ZAA, 1956, H. 1; Mortensen H. Zur Entstehung der Gewinnflur. — ZAA, 1951, H. 1; Mortensen H., Scharlau K. Der siedlungskundliche Wert der Kartierung von Wüstungsfluren. Göttingen, 1949.

⁴ Mortensen H. Die mittelalterliche deutsche Kulturlandschaft und ihr Verhältnis zur Gegenwart. — VSWG, 1958, Bd. 45, H. 1, S. 30.

торству и сметке крестьян; 3) игнорируется взаимное влияние производительных сил и производственных отношений; 4) мало обращается внимания на факторы, которые в определенных условиях наиболее сильно воздействовали на развитие производительных сил; 5) не рассматривается вопрос о разделении труда в сельском хозяйстве.

Сельскохозяйственные орудия мы считаем составной частью производительных сил, этого «высшего критерия общественного развития».⁵ Все орудия сельскохозяйственного труда в XIV—XVI вв. были еще ручными, что наложило свой отпечаток на развитие производительных сил. Решающим при этом было не изобретение и введение новых орудий, а более интенсивное использование старых.

В XIV—XVI вв. из зерновых выращивались рожь, полба, овес, ячмень, просо и бобовые (горох, чечевица и фасоль). В самом начале XIV в. стали сеять гречиху, которая в течение XV в. завоевала обширные площади вокруг города Зигена. Позже Зиген прославился экспортом гречихи. Изменялось соотношение площадей, занятых различными зерновыми культурами. Заметно сокращались посевные площади, занятые полбой и овсом. Это объяснялось сокращением спроса на них: горожане предпочитали полбе пшеницу и рожь, так как из них выпекался более качественный хлеб. Кроме того, для самих крестьян полба была трудоемкой культурой: зерно полбы прочно сидело в шелухе и ее шелушение требовало дополнительного труда. В период значительных успехов товарного хозяйства стало менее выгодно тратить свое время на дополнительный вид работы. Спрос на овес сокращался по мере уменьшения роли рыцарской конницы. Рожь была ведущей культурой во всей Северной Германии (особенно в Заэльбье), а в остальных районах засеивалась также на немалых площадях. Такое значение ржи объясняется большим спросом на нее и тем, что она почти всегда давала сравнительно высокие урожаи. Пшеница начала более успешно распространяться в центральных районах за счет посевов овса, а на юге и юго-западе она теснила полбу. Просо и ячмень сеяли сравнительно мало. Важнейшее значение к западу от Эльбы приобретали посевы бобовых и на паровом поле. Благодаря этому заметно расширились посевные площади вообще, так как раньше пар не засеивался. Появление зеленого пара — одно из наиболее крупных агротехнических достижений изучаемого времени.

До начала XV в. в зерновых районах были наиболее распространены тяжелый плуг, унаследованный от римлян, соха и рало, заимствованные у славян. Все эти орудия труда действовали по одному принципу: земля ими разбрасывалась в обе стороны от борозды. Чтобы выравнять поверхность вспахан-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 220.

ного поля, надо было пахать еще и поперек поля. Параллельно с этими орудиями был распространен тяжелый плуг на 3—4 пары волов, который, хотя и отбрасывал землю в одну сторону, имел тот недостаток, что концы борозд получались загнутыми, что придавало полям форму латинской буквы S.⁶

В XI в. завоевывает себе место новый плуг, имеющий лемех и нож. Он был легкий, пароконный, на двух колесах, земля отбрасывалась им на одну сторону, что создавало ровную поверхность вспаханного поля. Теперь паровое поле обрабатывалось попеременно пароконным плугом и сохой 3—4 раза до посева озимой ржи. Ровная поверхность поля лучше задерживала влагу и обеспечивала равномерное ее распределение.

Вместо прежнего серпа с зубьями, при помощи которого срезались или даже срывались колосья, с XIV в. распространяется коса с граблями,⁷ прикрепленными к ней. Такую косу, как и легкий плуг, знали и раньше, но широко применяться она стала только после того, как возникла необходимость использовать солому в качестве корма для скота, т. е. после того, как феодалы начали свое наступление на общинные пастбища. Скошенный хлеб связывался в снопы и укладывался в копны (в среднем на одну копну приходилось по 15 снопов).⁸ Свозили хлеб с полей на удлиненных телегах, в среднем по 120 снопов,⁹ молотили цепями. Новым было то, что после замены серпа косой на току укладывались не колосья, а стебли с колосьями, убирали же с тока отдельно солому и мякину. Соломой кормили коров и овец, мякиной — лошадей.

Наряду с четырехколесными телегами пользовались и двухколесными. На первых перевозили снопы и солому, на вторых — зерно в мешках и навоз. О ряде орудий труда, применявшихся в зерновом хозяйстве, в документах и специальной литературе ничего не говорится, однако можно с уверенностью сказать, что появление снопов должно было привести к изменению формвил, необходимых для погрузки и разгрузки. Чаще применялась после пахоты борона, чтобы окончательно выравнять поверхность вспаханного поля и измельчать комья. Местами с XV в. появляются катки для укатывания полей и грабли для подчистки полей после уборки снопов.

К западу от Эльбы серьезно шагнула вперед агротехника возделывания полей под зерновые. Тщательно обрабатывалось паровое поле и готовилось поле к посеву. Во многих районах устанавливались нормы вывоза навоза на поля. В Швабии, к примеру, на один морген земли полагалось 10—12 двухколесных

⁶ Scharlau K. S-Formen und umgekehrte S-Formen unter den deutschen und englischen Langstreifenfluren. — ZAA, 1956, H. 1.

⁷ Timm A. Zur Geschichte der Erntegeräte, S. 29.

⁸ Michelsen A. L. Der Mainzer Hof zu Erfurt. Jena, 1855, S. 37.

⁹ Boelcke W. A. Bäuerlicher Wohlstand. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1964, Bd. 176, H. 3, S. 261.

тачек навоза.¹⁰ В качестве удобрения все чаще использовали известь, мергель, компост, золу,¹¹ а также дерн, пережженный вместе с хворостом (на один морген полагалось 400—500 связок).¹² Широко зарегистрированы ямы по выжиганию извести и добычи мергеля.¹³

Повсеместно крестьяне стали использовать под зерновые культуры лучшие по качеству земли и забрасывать худшие. В силу всего этого, как совершенно правильно отметил С. Фрауендорфер, сомнительно, чтобы соответственно с сокращением пахотных полей сократились размеры урожаев.¹⁴

В самих хозяйствах происходит «техническое» разделение труда: появляются старшие пахари, младшие пахари, старшие работники, слуги, доярки, пастухи. Между ними строго распределены обязанности.¹⁵ Княжеское законодательство предусматривает для каждой из этих категорий работников заработную плату определенных размеров.¹⁶

В XVI в. в урожайные годы с гектара собирали: ржи 7,5—13,12 центнера, полбы — 9,3—16,6 центнера, овса — 6—12 центнеров. В среднем, однако, урожай был ниже, так как очень часто случались неурожайные годы. И тем не менее урожай были значительно выше чем в предшествующие века, когда снимали сам — 3, сам — 4 от высеянного.¹⁷

Главным достижением в развитии производительных сил являлась сама специализация отдельных хозяйств и целых районов на производстве зерна. Благодаря ей хозяйство велось более рационально, достигались хорошие урожаи и создавался продукт, который отправлялся на рынок. В самом сельском хозяйстве между специализированными хозяйствами начинаются товарные отношения. В Саксонии, например, в XVI в. арендаторы зерновых хозяйств поставляли арендаторам-овцеводам фураж и хлеб в обмен на шерсть и навоз.¹⁸ Известны регулярные товарные связи между виноградарями и хлебопашцами.

¹⁰ Ibid., S. 259.

¹¹ Goltz T. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. Bd. I. Stuttgart — Berlin, 1902, S. 130.

¹² Hanssen G. Op. cit., S. 144; Grimm J. Weisthümer. Bd. III, Berlin, 1957, S. 188, 210, 288.

¹³ Wopfner W. Urkunden zur deutschen Geschichte. Stuttgart, 1928, S. 296; Boelcke W. Op. cit., S. 260.

¹⁴ Frauendorfer S. Ideengeschichte der Agrarwirtschaft und Agrarpolitik. München, 1957, S. 66.

¹⁵ Michelsen A. L. Op. cit., S. 18, 39—41.

¹⁶ Ordnung so herzog Ernst-Churfürst (und Herzog Albrecht von Sachsen-Gebrüdere) etc. von wegen mancherlei gebrechen im Lande aufgericht Dresden-Bergen, 1583, S. 9.

¹⁷ Boelcke W. A. Op. cit., S. 265.

¹⁸ Kius O. Die thüringische Landwirtschaft. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1869, Bd. II, H. 2—3, S. 151. См. также: Urkundenbuch des Klosters Frauensee (1202—1540). Köln — Graz, 1961, S. 310.

В XIV—XVI вв. наблюдается процесс создания более крупных по размерам крестьянских хозяйств, выращивающих зерновые. Особенно заметно это было для северо-западной Германии, где среднее хозяйство стало насчитывать 20—40 га. Подобные по размерам хозяйства существовали и в Старой Баварии и в долине Неккара. В Вестфалии крестьянские хозяйства имели до 45 га пашни. Крупные арендаторские хозяйства создаются в Вюртемберге на домениальных землях. Здесь имелись хозяйства, в которых насчитывалось 120—160 га земли. В среднем, однако, и здесь арендаторские хозяйства имели 40 га. Если учесть, что рядом с землями крупных хозяйств лежали земли мелких хозяйств и весь пахотный ареал деревни делился между тремя полями, то становится ясно, что только крупное хозяйство могло полностью воспользоваться достижениями агротехники. Земли таких хозяйств распределялись более равномерно в трех полях. Их легче было обрабатывать. Для характеристики положения в крупных хозяйствах мы выбрали район Вюртемберга, так как для него имеется достаточно источников, по которым можно судить о подобных хозяйствах.

Издольная аренда на домениальных землях Вюртемберга с 1350 по 1381 г. Новым явлением для XIV в. было то, что граф сдавал мейерам дворы, которые до того входили в домен (барскую усадьбу) феодала. В 1350 г. граф сохранил в домениальном хозяйстве 942 моргена пашни и 171 морген лугов. Остальные земли — 5178 моргенов пашни и 244,5 моргена лугов он сдавал на условиях издольщины и испольтщины в аренду. В урбариях имеются данные, которые свидетельствуют о том, что земли, розданные в аренду, раньше входили в состав домениального хозяйства.¹⁹

Распад домениального хозяйства продолжался и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют следующие данные двух урбариев из Леонберга:

Название судебного округа	Земли домениального хозяйства		Земли домена, розданные в издольную аренду	
	пашня (в моргенах)	луга (в мансмадах)	пашня (в моргенах)	луга (в мансмадах)
Леонберг 1350 г.	196 (16%)	33 (49%)	1006,5 (84%)	34,5 (51%)
Леонберг 1381 г.	23 (1%)	— (0%)	2146,5 (99%)	113,5 (100%)

Эти данные свидетельствуют о том, что с 1350 по 1381 г. пашня домена уменьшилась на 173 моргена, а луга вообще исчезли, в то же время земли издольных хозяйств увеличились на 1140 моргенов пашни и 79 моргенов луга. Такой рост издольных хозяйств объясняется не только переходом в их состав

¹⁹ AWU, S. 129, 167—170.

земли из домена, но и приобретениями со стороны — освоением залежной земли, куплей разных участков и т. п.

Характерно, что все хозяйства, созданные в результате аннулирования господского, домениального хозяйства, были чаще всего в 2—3 раза больше, чем существовавшие до этого хозяйства держателей, и только изредка были равны им или даже меньше.²⁰

Наши наблюдения показывают, что в деревнях, где полностью была ликвидирована барская запашка и имелось несколько издольных хозяйств, одно из них всегда было больше других и, как правило, называлось не просто «двор», а «барский двор», что свидетельствует о том, что этот двор прежде был центром барской усадьбы (центром домена).

В 1350 г. 61 двор, входивший раньше в домениальное хозяйство, был сдан в аренду на издольных началах. В документах встречаются две формулировки условий аренды: «1/3 ohne schaden» и «1/2 mit schaden». Первая формула означает, что арендатор вел хозяйство без каких-либо дотаций графа и сдавал последнему 1/3 урожая; вторая формула предполагала, что граф принимал участие в хозяйстве и получал половину урожая.²¹

По всей вероятности так называемое «половничество» являлось вынужденной мерой, так как не сразу графу можно было найти достаточно богатых арендаторов, которые бы сами вели хозяйство без дотации. Только с течением времени появлялись такие мейеры, которые по своей зажиточности, опираясь на опыт, могли браться за ведение крупного арендаторского хозяйства. Хозяйственное преимущество крупных хозяйств сказалось с самого начала: все издольщики платили арендную плату только «чистым зерном на току», в то время как крестьяне-держатели вносили свою продуктовую ренту необмолоченными снопами прямо на поле.

Посмотрим теперь, как велось хозяйство издольщиками. На всех издольных хозяйствах (всего 61 двор с общей площадью в 5178 моргенов пашни) возделывались в 1350 г. зерновые культуры: из озимых сеялись рожь и полба, из яровых — только овес. Во всех хозяйствах господствовала трехпольная система севооборота. Пахотные земли каждого издольного хозяйства были почти равномерно распределены между тремя традиционными полями.²² На каждом поле имелось множество полос:

²⁰ Так, в деревне Гемминген (округ Леонберг) в 1350 г. два издольных двора имели 94 и 90 моргенов пашни, а 7 держательских гуф — соответственно 90, 60, 42, 34, 30, 27 и 24 моргена пашни. — AWU, S. 88.

²¹ В отношении второй формулы часто применяется термин «половничество» и считают условия, стоящие за ней, очень жесткими. На деле, очевидно, половничество ненамного отличалось от издольничества.

²² Майер В. Е. Крупная аренда на бывших домениальных землях в Германин в XIV—XVI вв. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1964, № 117, с. 13.

Равномерное распределение земли по трем полям позволяло арендатору из года в год производить одинаковое количество зерна и облегчало ему ежегодные хозяйственные расчеты. Случаи, когда земли издольных хозяйств распределялись неравномерно по трем полям (как, например, в деревне Мюнхинген), очевидно, объясняются самыми различными причинами, в которых, как нам кажется, качество земли играло решающую роль.

Чтобы полностью оценить хозяйственное значение равномерного распределения земли издольных хозяйств по трем полям, достаточно сравнить такое положение с распределением земли в хозяйствах крестьян-держателей, живших в деревнях рядом с издольщиками. Прежде всего бросается в глаза, что у держателей имелось иногда так мало земли, что деление ее на три части было с экономических позиций бессмысленно. Этим и объясняется то, что некоторые держатели имели полосы только в одном или двух полях. Очень хорошо данный факт прослеживается по данным деревни Мальмсхейм (Леонбергского округа). Здесь в 1350 г., кроме 5 гуф, расположенных равномерно в трех полях, имелись в каждом поле полосы, которые не считались гуфной землей.

Возможно, именно владельцы мелких хозяйств в поисках средств существования и корчевали лесные угодья и поднимали новь в местах, где, казалось, давно уже оформились пахотные ареалы деревни. Поскольку в урбариях оброк с земли, ставшей подобным образом пашней, обычно называется «зерном с корчевки» («*gut in Rogg*»),²³ нам легко определить, сколько ее имелось в каждой деревне. Наиболее характерным является пример той же деревни Мальмсхейм. В 1350 г. там насчитывалось 131,5 моргена пашни, с которых взималось «зерно с корчевки».²⁴ Все эти земли образовали четвертое поле под названием «поле к Виссаху». Оно имело 36 делянок (размером от 0,5 до 11 моргенов). Характерно, что с четвертого поля взимался оброк только тогда, когда оно засевалось, и обязательно культурой, которая на нем в данном году возделывалась, в то время, как с хозяйств держателей, имевших земли в трех полях, взимался из года в год оброк трех видов зерна: ржи, овса и полбы.

Хотя иногда гуфные («полнонадельные») хозяйства тоже имели полосы в четвертом поле, в них были расположены преимущественно полосы беднейшей части крестьян. Именно это может быть свидетельством того, что беднейшие крестьяне в первую очередь корчевали лес и осваивали новь.

С другой стороны, урбарии позволяют проследить и процесс забрасывания земли. В 1350 г. в деревне Браухат (округ Аш-

²³ AWU, S. 119.

²⁴ AWU, S. 84—87.

перг) из 208,5 моргена пашни обрабатывались только 34,5,²⁵ а в деревне Эрлбах (округ Вайблинген) из 420 моргенов обрабатывались 300.²⁶ Разумеется, причины такого упадка могли быть разные. Однако в последующее время оба населенных пункта исчезли, и только название деревни Эрлбах продолжало жить в названии кона возле деревни Фельбах. Из приведенного примера видно, что более богатые деревни поглощали земли бедных и малоземельных деревень (здесь мы не касаемся вопроса о судьбах населения исчезнувших деревень).

На первый взгляд, освоение новых земель в то время, когда наблюдался процесс запустения земли, — явление не типичное. Как известно, сторонники «теории обезлюдения» считали, что наличие пустовавшей земли является признаком того, что люди вымерли и некому было обрабатывать земли.

Нам представляется, что процесс был более сложным и протекал иначе. Обогащение одних неизбежно сопровождалось разорением других. Если одни были в состоянии поднять новь, корчевать лес и т. д., то другие тут же забрасывали свои земли, чтобы искать новые занятия. Во время реорганизации господского хозяйства арендаторами господских дворов в каждой деревне могли стать только несколько человек, так как собственник дворов был заинтересован в том, чтобы не дробить свои хозяйства на мелкие с целью взимания более крупной ренты.

Составные части господских дворов сдавались не на прежних традиционных держательских условиях, а с заключением арендного договора. Чаще всего мейерами становились бывшие управляющие домопашальным хозяйством. Но нередко мейеры вербовались и из крестьян-держателей, проживавших по соседству.

Такое положение было характерно для больших районов Германии. В северо-западной Германии первые мейеры были крепостными. Однако в 1433 г. герцог Брауншвейгский специальным указом освободил в своем герцогстве всех мейеров от крепостной зависимости.²⁷ О недостаточной зажиточности первых мейеров говорит пример из истории Баварии, где в деревне Эттинг в 1378 г. сдавался в аренду двор «вместе с принадлежностями».²⁸

Арендатор-издольщик в большинстве случаев с момента возникновения издольной аренды обязывался привозить с собой основную часть тягловой силы и инвентаря. То, что он приобретал в течение пребывания в арендованном хозяйстве, ему приходилось делить с господином в указанных в договоре долях,

²⁵ AWU, S. 144.

²⁶ AWU, S. 187.

²⁷ Gesenius C. Das Meyerrecht. Bd. I, Wolfenbüttel, 1801, S. 413.

²⁸ Rückert G. Der Dorfmeier von Etting. — Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. 1929, H. 3, S. 430.

не исключая и всего молодняка от скота и всего изготовленного там инвентаря.²⁹ Положение крупных издольщиков было неодинаковым. Если издольщик занимал центральный двор, он одновременно выполнял функции, традиционно связанные с этим хозяйством в системе вотчины. Он обязывался содержать в пользу общины весь племенной скот. За это издольщику причиталась часть взимаемой с крестьян десятины со скота. Кроме того крупный издольщик освобождался от всех повинностей крепостных. В документах это хозяйство называется постоянно «frei», т. е. свободным от тех сборов, которые взимались с крепостных. Нередко на арендатора центральной усадьбы возлагались судебные функции.³⁰

На арендатора малой составной части господского хозяйства возлагались определенные производственные обязанности, связанные с соблюдением агрономических правил ведения хозяйства. Пример таких обязанностей содержится в договоре 1375 г. монастыря св. Георгия в Лимбурге с арендатором его двора в деревне Линденпольцхаузен. По договору арендатор обязывался 2—3 раза за лето перепахивать пар и засеять его только после определенного срока. Строго запрещалось оставлять пар необработанным. Арендатор должен был ежегодно вывозить на арендованную землю «столько навоза, сколько собрано было в том году зерна» с нее. Наконец, урожай должен был быть собран не позже 8 сентября — последнего срока сдачи господской доли зерна.³¹

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. На первых порах аренда носила срочный характер, т. е. договор действовал 3, 9, 18, 20 лет. Это было причиной того, почему обычно не было «чистых» арендаторов. Во всяком случае, арендатор на такой короткий срок не отказывался от своего держания. Таким образом, арендованное хозяйство для него было только дополнительным. Он как бы брал его на пробу, чтобы узнать рентабельность такого предприятия. Следовательно, сам арендатор должен был быть предприимчивым, инициативным хозяином. Арендованное хозяйство могло быть для него не только «прибыльным», но и «убыточным».

Если арендатором становился один из крестьян-держателей, то количество хозяйств в деревне не увеличивалось, хотя размеры одного из хозяйств и стали больше. К сожалению, это вовсе не учитывается в буржуазной историографии.

Нет сомнения, что новый тип сельского богача — издольщик — одновременно должен был и применять наемную рабочую силу. Судя по документам, он круглогодично нанимал коноха и скотницу, весной и летом — плугарей и погонщиков, в

²⁹ Gesenius C. Op. cit., Bd. II. Wolfenbüttel, 1803, Beilage, S. 90—99.

³⁰ Grimm J. Op. cit., Bd. V, S. 23, 28, 134, 452.

³¹ Quellen zur Geschichte der Klöster u. Stifte im Gebiet der mittleren Lahn. Bd. I, Wiesbaden, 1956, S. 280—281.

страдное время — многочисленных жнецов, косарей и молотильщиков. А так как в каждой деревне имелось множество мелких держателей с полоской земли только в одном или двух полях, то вполне понятно, что в то время издольщик находил в собственной деревне достаточно рабочей силы. Беднейшая часть крестьянства, раскорчевывая лес на льготных условиях, вполне могла сочетать мелкое, карликовое хозяйство с сезонной работой у издольщиков, зажиточных держателей и сеньора. Наличие в отдельных деревнях одного или нескольких крупных издольных и держательских хозяйств, нанимавших рабочую силу, могло быть причиной сохранения мелких хозяйств в деревне. Это подтверждается тем обстоятельством, что в графстве Вюртемберг в XIV в. обезлюдение происходило главным образом в деревнях, где не было крупных хозяйств арендаторов и держателей.³²

Таким образом, возникновение крупных арендаторских хозяйств на бывших домениальных землях Вюртемберга и других районов с самого начала отражало прогрессивные тенденции в развитии сельского хозяйства. Крупные издольные хозяйства более рационально использовали существовавшее тогда трехполье, соблюдали более точно агрономические правила, своевременно вывозили на поля больше навоза, заканчивали уборку в короткие сроки. Они шире применяли наемный труд, и, как это будет доказано ниже, каждое такое хозяйство увеличивало производство товарного хлеба. Возникновение крупного издольного хозяйства накладывало отпечаток и на социальную структуру деревни: увеличивалось число наемных людей и появлялись свободные арендаторы. Наконец, почти полностью исчезла полевая барщина.

Крупные арендаторские хозяйства в графстве Гогенберг с 1392 по 1454 г. В конце XIV — начале XV в. сильно возросло экономическое значение издольных хозяйств, особенно вблизи городов. Лучше всего это можно проследить по документам графства Гогенберг.³³

Речь идет о своеобразных бухгалтерских отчетах по доходам и расходам графства за период с 1392 по 1454 г. Учитывая раннее время, к которому относятся эти документы, и обширное пространство, входившее в графство, следует отметить, что мы имеем дело с уникальным явлением.

Всего в документах фигурируют более чем 14 населенных пунктов. Однако самые точные из них — данные по трем издольным хозяйствам в Ротенбурге. Анализируя их, мы сможем составить общее представление о подобных хозяйствах. Следует, однако, оговориться: своеобразие источников заключается в том, что основные сведения относятся не к самим издольным

³² AWU, S. 144, 187.

³³ Quellen zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der Grafschaft Hohenberg. Bd. I—II. Stuttgart, 1953, 1959.

хозяйствам, а к доле господина в них. Поскольку последняя состояла не только из части урожая, но и из жилых и хозяйственных помещений на издольных дворах, то по этим данным можно судить и о хозяйствах в целом.

За период с 1392 по 1454 г. сведения о трех издольных хозяйствах в Ротенбурге содержатся в 33 отчетах: за 1392, 1394/1399, 1404, 1405, 1411/1412, 1425/1450 и 1453/1454 отчетные годы.³⁴ В отчете писаря графства за 1392 г. издольные хозяйства Ротенбурга называются еще «хозяйственными дворами» (Buwhoffen), хотя они уже находились в руках издольщиков. Название может свидетельствовать о том, что они сдавались в аренду недавно. С 1394 г. они неизменно числятся как «мейерские дворы», т. е. как хозяйства, находящиеся в аренде. В графстве Гогенберг, очевидно, господские хозяйства, занимавшие центральное положение в грундгерршафт, сдавались, как и в Вюртемберге, в аренду позже. Кроме того, в первых отчетах говорится о частой смене арендаторов.

Только об издольщике Бенце, имя которого встречается в отчете за 1449/1450 отчетный год, сказано, что он из деревни Аммерн.³⁵ О происхождении остальных арендаторов ничего не известно. Факты аренды одного и того же издольного хозяйства на протяжении половины столетия отдельными арендаторами, такими, как Хедель, говорят сами за себя: такой арендатор отвечал требованиям земельного собственника, и в то же время издольное хозяйство было выгодной экономической формой для арендатора.

Согласно отчетам, ротенбургские дворы сдавались по формуле: «1/2 mit schaden». Сеньориальная половина урожая поступала с трех дворов в виде снопов полбы и овса, а однажды и ячменя (120 снопов считались возом). Господскую долю снопов собирали на поле наемные работники, за которыми наблюдали наемные контролеры. На господском току каждая культура обмолачивалась отдельно наемными молотильщиками.

Хозяйства были почти одинаковых размеров. В 1398/1399 отчетном году господская доля с них составляла соответственно 7 возов 90 снопов, 8 возов и 8 возов 20 снопов.³⁶ К сожалению, нет данных о размерах площадей дворов.

Представляют интерес сведения о количестве зерна, вымолочивавшегося ежегодно из господской половины урожая. В 1392 г., например, с трех дворов было собрано 24 воза 20 снопов полбы господской половины урожая. При ее обмолоте было получено с каждого воза 17 мальтеров 10 четвертей нешелушанной полбы и 4 мальтера 4 четверти чистого зерна пол-

³⁴ Термин «отчетный год» не совсем точен, так как до 1410 г. отчеты подавались в разное время. С 1410 г. отчетный год начинался 11 ноября одного года и кончался 11 ноября следующего.

³⁵ Quellen... der Grafschaft Hohenberg, Bd. II, S. 254.

³⁶ Ibid., S. 241.

бы. Всего следовательно, было получено 431 мальтер неочищенной полбы и 105 мальтеров очищенной. Кроме того, с 10 вожов 80 снопов овса было получено по 20 мальтеров 3 четверти зерна, всего 216 мальтеров. В том же году три хозяйства сдали еще 3 мальтера ячменя.³⁷

Господская доля почти вся была продана различным покупателям (фамилии в источнике названы), закупавшим зерно в разные сроки большими партиями. Однако отсутствие точных данных о количестве и стоимости проданного в 1392 г. зерна не позволяет судить о денежном доходе с трех хозяйств за это время. Вместе с тем известно, что только при продаже соломы от господской доли урожая было выручено 33 фунта 12 шиллингов геллерами.³⁸

Преобладание в 1392 г. полбы было весьма характерным явлением для южной Германии, где эта неприхотливая культура славилась и давно была известна под названием «швабского зерна». Положение изменилось уже в начале XV в. (с 1404 г. полба не упоминается в отчетах), когда сеньор начал взимать только рожь и овес в качестве своей доли. Сам по себе этот факт важен потому, что на рынке цена ржи из года в год превышала почти в два раза цену полбы. А так как сеньор продавал свою половину, то он и был заинтересован в получении ржи. Кроме того, этот факт подтверждает наше наблюдение о сокращении посевов полбы в целом.

С 1404 г. австрийские герцоги и швабские имперские города, стараясь избавиться от производственных издержек иногда сдавали свою половину урожая на обмолот подрядчикам.³⁹

За 1425/1426 отчетный год доходы городов с трех издольных хозяйств составляли сумму в 267 фунтов 3 шиллинга 5 геллеров, в то время как расходы, которые за этот год были во много раз выше обычных, равнялись 189 фунтам 13 шиллингам 4 геллерам. Чистый доход составлял 77 фунтов 10 шиллингов 1 геллер. Следовательно, даже при максимальных затратах на ремонтные работы хозяйства приносили чистый доход. Рентабельность таких хозяйств в период развития товарно-денежных отношений начала XV в. совершенно очевидна.

Если более внимательно рассмотреть каждый вид расходов, то выясняется ряд важных экономических и социальных моментов, имевших значение для сравнительно крупных издольных хозяйств.

В 1425/1426 отчетном году на сборе господской половины урожая работали 20 наемных работников и наемный надсмотрщик. Страда длилась 18 дней. Урожай, следовательно, в том году был собран за минимальный астрономический срок. В то

³⁷ 1 мальтер полбы = около 129 л., 1 мальтер овса = около 139 л., 1 мальтер = 12 четвертям.

³⁸ 1 фунт = 20 шиллингам = 240 геллерам.

³⁹ Quellen... der Grafschaft Hohenberg, Bd. II, S. 255.

же время обмолот господской доли затянулся на 59 рабочих дней (6 рабочих трудились вместе 345 дней).

Обмолот производился вручную цепами. Каждый наемный рабочий намолачивал в среднем 1,17 мальтера зерна, т. е. производительность была чрезвычайно низка. И тем не менее за период с 1429/1430 отчетного года по 1435/1436 заработная плата поденщиков возросла на 2 геллера. По всей вероятности, этим и объясняется возрождение барщинного труда при обмолоте господской доли. Но это только наша догадка.

Арендаторы издольных хозяйств были людьми богатыми. Принадлежавшей им тягловой силой они полностью обеспечивали не только обработку полей, но и выполнение особо тяжелых работ, на которые они нанимались.

Издольные хозяйства поставляли немало зерна на рынок. Господская доля, как мы видели, неизменно продавалась. Хотя у нас нет точных данных о продаже зерна самими арендаторами, мы с уверенностью можем сказать что они тоже его поставляли в немалых количествах. Поскольку арендаторы сдавали половину урожая собственнику земли, то вторая половина оставалась в их хозяйстве. Таким образом, если, к примеру, в 1425/1426 отчетном году у арендаторов оставалось 204 мальтера ржи, то при урожае ржи в сам — 6 на семена должно было быть оставлено 68 мальтеров, так как господин не давал семян. Следовательно, у арендатора оставалось 136 мальтеров ржи. Из них не более половины затрачивалось на питание семьи и работников и на прочие внутривозрастные нужды. Остальное зерно (около 60—70 мальтеров) могло быть продано. Товарность — одна из главных черт такого хозяйства.

Конкретно на ротенбургские издольные хозяйства особое влияние должна была оказывать близость рынка. Тем не менее особенности этих хозяйств в той или иной мере должны быть присущи подобным хозяйствам и в других районах. Во всяком случае в этой новой форме хозяйства таились большие возможности: его владельцы, по крайней мере, имели возможность приобрести опыт ведения дел в крупном хозяйстве и опыт накопления средств, необходимых для организации расширенного воспроизводства.

Издольная аренда на бывших домениальных землях в конце XV — начале XVI в. По истории издольных хозяйств на домениальных землях (в конце XV — начале XVI в.) мы располагаем в первую очередь значительным количеством арендных договоров и других материалов, собранных в старовюртембергских счетных книгах.⁴⁰

Для конца XV — начала XVI в. характерно, что все взаимоотношения между арендатором и земельным собственником не

⁴⁰ Altwürttembergische Lagerbücher aus der österreichischen Zeit (1520—1534). Bd. I. Stuttgart, 1958; Bd. II, Stuttgart, 1959.

только в Вюртемберге, но и во всех районах западнее Эльбы регулируются договором. Зачастую, однако, в договорах предусматриваются такие обязанности арендаторов и формы расчетов между ними и земельными собственниками, которые наглядно отражают влияние феодальной реакции того времени на условия арендных отношений на бывших домениальных землях.

Убедительным примером в этом смысле являются арендные договоры монастыря Фрауензее (около Эйзенаха). В 1491 г. этот монастырь сдал некоему Альбрехту Теуфелю на 20 лет в аренду свой «двор Рона» (Rophof).⁴¹ Из условий арендного договора видно, что «двор Рона» представлял собой крупное издольное хозяйство, производившее, наряду с зерном, большое количество мясо-молочных продуктов, что, очевидно, было связано с большими потребностями самого монастыря.

Для выяснения хозяйственной деятельности двора представляет интерес взаимоотношения арендатора-издольщика с монастырским овчаром-издольщиком. Арендатор «двора Рона» обязывался сдавать овчару половину собираемого в хозяйстве сена и соломы. Овчар, в свою очередь, заботился о том, чтобы весь навоз от его отары овец попадал только на поля арендатора.

Оба издольщика обязывались контролировать друг друга: овчар следил за тем, чтобы господская доля урожая целиком и своевременно попадала в монастырские закрома, а арендатор — за тем, чтобы овчар соблюдал все правила выпаса.

Размеры посевной площади «двора Рона» нам неизвестны. В 1507 г. господская половина урожая составляла 62 мальтера ржи, 47 мальтеров овса и 11 мерок гороха.⁴² С того же двора в 1510 г. господская половина урожая составила 184 мальтера ржи, 103 мальтера овса, 18 мальтеров ячменя, 7,5 мальтера пшеницы и 3,5 мальтера гороха.⁴³ Из этих данных видно, что «двор Рона» давал ежегодно столько же зерна, сколько давал каждый из ротенбургских дворов. Если при этом учитывать и скотоводческое хозяйство, то видно, что экономическое значение его было большим, чем любого ротенбургского двора.

Второй договор по сдаче в аренду «двора Рона» относится к 1525 г. Новый арендатор Георг Вениг, очевидно, и раньше уже использовал это издольное хозяйство. Вполне возможно, что после истечения 20-летнего срока предыдущего договора в 1511 г. Вениг арендовал его на прежних условиях, что было для того времени весьма частым явлением, и только потом условия аренды были изменены.

В договоре 1525 г. подчеркивается, что арендатор «двора Рона» обязан содержать «смешанное» стадо коров, лошадей и свиней. Под такими «смешанными» стадами в то время по-

⁴¹ Urkundenbuch des Klosters Frauensee, S. 266—268.

⁴² Ibid., S. 306.

⁴³ Ibid., S. 310.

нимали стада, определенной долей которых владел господин и такой же или иной — арендатор. В данном договоре речь шла о стаде, которое делилось пополам. Таким образом, это хозяйство, как и подобные ему, давало монастырю определенный процент от вложенного капитала, а арендатору — прибыль. Последнее становится совершенно очевидным, если учесть, что за скотом ухаживали исключительно наемные люди.

В новом договоре специально подчеркивалось, что арендатор может в любое время нанимать столько людей, сколько ему понадобится.⁴⁴

Подводя итог, можно прийти к выводу, что в конце XV — начале XVI в. в районе Эйзенаха издольная аренда развивалась по-прежнему по восходящей линии, и только отдельные черты свидетельствовали о появлявшихся возможностях возрождения барщины. Такое прогрессивное развитие издольной аренды, однако, не было характерно для всех районов Германии. В районах Вюртемберга, например, в это время наблюдалось значительное ухудшение условий аренды.

Сравнительный анализ договоров разного времени по одному и тому же хозяйству наглядно демонстрирует основные направления изменений. Так, имеется два договора по двору в деревне Неккархаузен (округ Нюртинген). Первый договор был составлен в 1438 г., когда двор был сдан на издольных началах по типичной в то время формуле «1/3 без ущерба», при которой граф ничего не вкладывал в производство. По договору издольщик обязывался отвозить господскую долю на ток, кормить наемных молотильщиков и свозить чистое, намолоченное зерно в господский амбар, расположенный в Нюртингене. При смене арендаторов с ушедшего полагалась плата за выезд (Weglösung), а с приходившего — плата за въезд (Handlohn). В 1438 г. эти поборы составляли в сумме 1 фунт 10 шиллингов геллерами.

Второй договор был составлен в 1526 г., т. е. через 88 лет. За это время условия аренды изменились. Двор теперь арендовался не одним, а двумя арендаторами, в связи с чем один из них считался ведущим (Träger), или гарантом. Все расчеты велись графом через него. Второй арендатор, а в других случаях все остальные арендаторы, платили положенную долю со своей земли гаранту, а он уже — земельному собственнику. Далее, арендаторы не только платили теперь вместе 1/3 урожая, но и обязывались ежегодно вносить деньгами 2 фунта 10 шиллингов геллерами. На издольном дворе находились не одно, а уже два жилых помещения. Двор в Неккарсхаузене, как и все дворы на бывших домениальных землях Вюртемберга в XVI в., по размерам был значительно меньше любого из арендовавшихся в середине XIV и в XV в. дворов. В данном дворе

⁴⁴ AWL, Vd. S. 393—394.

в 1526 г. насчитывалось всего 53 юхарта пашни, 5 3/4 мансама лугов и 4 1/2 мансама садов. На хозяйстве двора в Неккарсхаузене сильно отразился процесс превращения части пахоты в сад. Как уже отмечалось, превращение пашни в сад и виноградники было характерно для всего Вюртемберга.

Ко времени Реформации и Крестьянской войны в 11 судебных округах графства Вюртемберга, по нашим подсчетам, имелось 194 графских хозяйства, которые сдавались в аренду. Из них исполные и издолльные хозяйства составляли небольшую часть: 7 дворов сдавалось на условиях 1/2 урожая, 16 — на условиях 1/3 и 1 — на условиях 1/4, подавляющая часть дворов (170) сдавалась на условиях неизменной арендной платы.⁴⁵ Следовательно, издолльную ренту стали заменять обычной.

Такая замена издолльной аренды постоянной арендной платой происходила в конце XV — начале XVI в. и в других районах Германии.⁴⁶ Поэтому необходимо выяснить, какая из данных двух форм была более выгодна арендатору. Как известно, размеры господской доли при издолльной аренде зависели от размеров урожая: если урожай был большой, то и доля больше, в противном случае — меньше. Однако при любом урожае арендная плата вносилась только как строго определенная часть урожая. Без урожая не было и господской доли. Совершенно иначе складывалось соотношение между неизменной арендной платой и урожаем в арендованном хозяйстве. Неизменная арендная плата при хорошем урожае составляла малую долю его, при плохом урожае она могла его целиком поглотить, более того, урожая могло быть и недостаточно для ее уплаты. Арендатор не был в состоянии каждый год полностью рассчитываться с хозяином. Таким образом, хозяйства задолжались. Долг передавался лицу, которое вступало в его владение. И это ухудшало положение арендаторов.

Задолженность арендаторов в XVI в. вела еще к одному совершенно новому, но печальному явлению. Не располагая средствами и стремясь нанять в достаточном количестве рабочую силу, арендаторы поселяли в своих усадьбах, рядом с собой обедневших односельчан. Этим объясняется, почему в документах Вюртемберга 1520—1536 гг. мы впервые встречаем рядом с упоминаниями жилых домов (hus) и сараев (stadel) на арендаторских дворах также сведения о землянках (laym-korb),⁴⁷ само название которых (глиняная корзина) весьма образно говорит об их размерах и внешнем облике.

Таким образом, подводя итог по разделам о крупной издолльной аренде в XIV—XVI вв., следует отметить: появление издолльных арендаторских хозяйств в XIV в. было результатом

⁴⁵ AWL, Bd. II, S. 387.

⁴⁶ Wittich W. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig, 1896, S. 371—378.

⁴⁷ AWL, Bd. II, S. 580—581, 584—585.

значительных сдвигов в развитии производительных сил. Издольные хозяйства, более крупные, чем существовавшие рядом с ними держательские хозяйства крестьян, с наличием достаточного количества тягловой силы и скота, применением наемного труда, большим проявлением личной инициативы непосредственных владельцев и тенденций к производству определенных продуктов, частично предназначавшихся к продаже на рынке являлись выражением прогрессивного этапа развития феодального хозяйства. Их возникновение привело к резкому сокращению барщинного труда и к постепенному освобождению самих арендаторов от крепостной неволи.

Прогрессивный характер возникновения и развития издольных хозяйств на домениальных землях в XIV—XV вв. особенно заметно вырисовывается при рассмотрении новых тенденций в эволюции ренты. Если феодальная земельная рента при барщинном труде на домениальных землях являлась нормальной формой прибавочной стоимости и прибавочного труда,⁴⁸ то в издольных и испольных хозяйствах она перестала быть таковой.

Испольщик или издольщик арендованных домениальных зерноводческих хозяйств, как и его собрат в овцеводческом хозяйстве, вкладывая свои средства в производство (приобретая инвентарь, тягловую силу, скот, лучшие по качеству семена, наемную рабочую силу и т. п.), получал право на присвоение части прибавочного труда в виде прибыли с вложенных им в производство денежных средств. Наиболее наглядно это видно из примеров, свидетельствующих о том, что он продавал часть своей доли урожая или часть скота сверх постоянного поголовья.

В то же время и господская доля тоже перестала быть одной прибавочной стоимостью, как это было характерно для барщинного хозяйства, когда товарно-денежные отношения были еще мало развиты. Она включала теперь также процент на вложенный капитал. С XIV в., и особенно в XV в., в издольных хозяйствах на бывших домениальных землях наблюдаются первые шаги в эволюции ренты от первоначальной формы к капиталистической, которая является «избытком над прибылью, то есть над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда)».⁴⁹

Для успешного развития новой формы аренды необходимы были условия, которые шли вразрез с интересами феодалов. Первым таким условием могло быть распространение этой формы аренды на все земли феодалов. В северо-западной Германии процесс в какой-то мере развивался в данном направлении. Однако там арендаторы-мейеры после временной личной свободы вновь становятся лично зависимыми. В других местах

⁴⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 144.

⁴⁹ Там же, с. 184.

Германии аренда распространялась почти исключительно на бывшие домениальные земли. Все земли, которые традиционно сдавались в держание крестьянам, так и оставались держаниями. Когда арендатор получал от феодала такой земельный надел, он становился его держателем, что сильно тормозило его хозяйственную инициативу. С течением времени феодалы различными путями распространяли держательские условия на арендованные хозяйства. Тем самым, они, может быть, увеличили на время свои доходы, но в целом существенно ухудшалось экономическое положение крестьян. В развитии арендаторских хозяйств по прогрессивной линии были заинтересованы зажиточные слои населения деревень и городов, но им не хватало свободы. Феодалные преграды вырастали быстрее, чем успевали окрепнуть подобные хозяйства. В юго-западной Германии наиболее сильно сказались регрессивные тенденции уже в начале XVI в.: арендованные хозяйства дробились, арендаторы становились задолженниками и разорялись, на одном хозяйстве появлялось много арендаторов, которые не имея средств, селили на своих наделах батраков. Возрождались барщина и другие регрессивные формы присвоения прибавочной стоимости.

Следует отметить, что замена издольной аренды фиксированной арендной платой сама по себе была не опасна для крупных издольщиков. Наоборот, она была бы даже выгодна: путем повышения производительности труда и увеличения капиталовложений в хозяйство такой арендатор был бы в состоянии значительно увеличить свои доходы, в то время как господские оставались бы прежними. Такой пример рассматривает В. А. Бэлке. Швабский крестьянин Миннер был в состоянии из года в год увеличивать принадлежавшее ему хозяйство, в конце XVI в. ему принадлежало не менее 150 га земли.⁵⁰ Однако существенным было то, что феодалы своей политикой вначале довели дело до дробления арендаторских хозяйств, а затем только заменили издольную аренду фиксированной. Для мелких хозяйств введение неизменной арендной платы оказалось пагубным.

Отчуждение крестьянских держаний

В обстановке возрастания экономической самостоятельности и конкуренции крестьянских хозяйств, выделения зажиточных крестьян-держателей и арендаторов феодалы все более тщательный контроль над крестьянскими хозяйствами. Феодалы стали требовать, чтобы крестьяне содержали хозяйства в порядке и своевременно вносили доброкачественную ренту. В то же время возрастала заинтересованность

⁵⁰ Boelcke W. A. Bäuerlicher Wohlstand. — «Jbb. f. NÖ. u. St.», 1964, Bd. 176, H. 3.

феодалов в ликвидации несостоятельных хозяйств. Все эти тенденции особенно ярко проявлялись в районах преобладания хлебопашества.

Чтобы понять сущность вопроса, необходимо обратить внимание на то, что считалось крестьянским держанием в предшествующее XIV в. время. В одном из главных юридических документов XIII в., «Саксонском зеркале», говорилось, что крестьянским держанием считается любой надел, который в течение «одного года и дня» находился в руках мужчины без «юридически обоснованного возражения» с чьей-либо стороны.⁵¹ От держателя требовалось соблюдение общеизвестных традиций и порядков, но он не был обязан оформлять свои держательские права. Его отношения с земельным господином зиждились на основе личных связей. Хотя наиболее законным считался переход надела по наследству, практически держателем мог стать любой мужчина.

Феодал не имел права лишать кого-нибудь держания по произволу: наследственного держателя он мог лишить надела только в судебном порядке,⁵² а обладателя срочного держания он обязывался предупредить о своем намерении до сретения, т. е. до начала весенних работ,⁵³ чтобы тот не зря затрачивал свой труд.

С держателя, не уплатившего в срок ренту, взимался залог, или фант, который не должен был превышать размер ренты.⁵⁴ Кроме того, такой держатель подвергался судебному штрафу.⁵⁵ Знаменательно, что господин или его представитель должны были приходить за просроченной рентой в дом держателя, ибо как говорится в законе, «держатель не обязан давать ренту вне своего дома».⁵⁶ Наконец, категорически запрещалось кого-нибудь удалять с надела, если предварительно не было доказано, что он не имеет права на данный надел.⁵⁷

Таким образом, «Саксонское зеркало» благоприятствовало держанию любого размера, независимо от экономического содержания держательского хозяйства. В целом «Саксонское зеркало» руководствовалось еще тем патриархальным правом, которое в одном из документов конца XII в. сформулировано так: «Существует право, по которому, если кто из монастырских людей обеднеет настолько, что он не будет в состоянии возделывать свой надел и платить оброк, его несмотря на это, нельзя выгонять из четырех стен».⁵⁸

⁵¹ *Sachsenspiegel. Landrecht.* Hrsg. von K. A. Eckhardt. Göttingen, 1955, II, 44, § 1, S. 168.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid.*, II, § 9, § 1, S. 178.

⁵⁴ *Ibid.*, I, 54, § 4, S. 122.

⁵⁵ *Ibid.*, I, 53, § 3, S. 111.

⁵⁶ *Ibid.*, I, 54, § 2, S. 112.

⁵⁷ *Ibid.*, II, 70, S. 190.

⁵⁸ *G r i m m J. Weisthümer*, Bd. VI, S. 129.

Со второй половины XIII в. наблюдаются первые изменения в этом вопросе. По «Швабскому зеркалу» рента, не внесенная в срок, в каждый последующий день удваивалась, пока не достигала стоимости всего надела. После этого судополнитель без суда, но «по праву» отчуждал надел держателя в пользу господина.⁵⁹ С конца XIII в., следовательно, оправдывался юридически акт отчуждения крестьянского держания. Теперь разрешалось самому господину взимать залог с задолжавшего крепостного держателя.⁶⁰

«Саксонское зеркало» и «Швабское зеркало» предусматривают отчуждение держательского надела в случае, если держатель подвергался судебному штрафу за уголовное преступление и сумма штрафа превышала стоимость надела. Характерно, что при этом в них подчеркивается, что отчуждение должно быть осуществлено судебным исполнителем, а не феодалом.⁶¹

Дальнейшая эволюция феодального права на отчуждение крестьянских держаний отражена в вейстюмах. Во всех известных нам случаях вейстюмы предусматривают отчуждение («fronen», «erwinnen», «an sich dengen», «ziehen», «unter pflug schlagen») по инициативе и в интересах собственника земли. В то же время знаменательно, что отчуждению подвергается только та земля, которая входит в господский двор. Следовательно, такая земля в прошлом являлась составной частью домениальной земли. При этом сам господский двор арендовался старостой. Арендатор господского двора и становился тем лицом, при помощи которого земельный собственник осуществлял свое верховенство над крестьянскими держаниями.

Характерно, что с XIV в. в вейстюмах выдвигается требование, чтобы держатели, вступая во владение бывшей домениальной землей, оформляли свои права на нее. Акт оформления осуществлялся публично на сходке держателей в присутствии арендатора господского двора. При этом держатель вносил плату под названием «erschatz».⁶² Наследственные держания оформлялись в течение годовичного срока,⁶³ вступление в держательские права нового человека — в течение одного месяца⁶⁴ или на ближайшем заседании местного суда.⁶⁵ «Erschatz» обычно равнялся годовичной ренте.⁶⁶

Введение особого акта вручения надела держателю и платы за надел объясняется в основном двумя причинами: 1) «erschatz»

⁵⁹ Des Schwabenspiegels Landrechtsbuch. Hrsg. von H. G. Gengler. Erlangen, 1851.

⁶⁰ Ibid., LXX, S. 52.

⁶¹ Sachsenspiegel, II, 41, § 1, S. 165—166. Schwabenspiegel, CLXXVI, S. 123.

⁶² Grimm J. Op. cit., Bd. I, S. 677; Bd. II, S. 200, 496.

⁶³ Ibid., Bd. I, S. 650; Bd. IV, S. 79; Bd. VI, S. 308.

⁶⁴ Ibid., Bd. I, S. 650.

⁶⁵ Ibid., Bd. I, S. 719.

⁶⁶ Ibid., Bd. IV, S. 213.

являлся новым существенным источником феодальных доходов; 2) оформлением держательских прав феодал в эпоху значительных изменений в формах собственности постоянно подчеркивал, что собственником земли является он, а не держатель.⁶⁷ Последнее особенно ярко проявлялось по отношению к срочным держаниям. Их теперь ежегодно «возвращали» господину и вновь «вручали» держателю. Делалось это публично и чаще всего без всякой или за очень незначительную плату.⁶⁸ В отличие от времен «Саксонского зеркала» держатели теперь сами были обязаны приносить ренту на господский двор,⁶⁹ а в случае не внесения ренты в срок (как правило, последним днем уплаты ренты было 11 ноября — день св. Мартина или 23 декабря — день святого Томаса) феодал сам, т. е. без суда и судебного исполнителя, брал под залог какую-нибудь вещь или скотину.⁷⁰ Крестьянину-держателю, не платившему в срок ренту, после взимания с него залога запрещалось пользоваться наделом.⁷¹ Запрет пользоваться наделом объявлялся публично обычно арендатором-мейером господского двора в присутствии ряда крестьян-держателей.⁷² Одновременно с запретом арендатор господского двора передавал дело в местный суд, чтобы в ближайшие 45 дней получить законное основание для конфискации крестьянского держания. Поскольку мейер господского двора обычно сам председательствовал на таком суде, то речь шла просто о формальности.

Вейстюмы делают различие между актом отчуждения и актом передачи земли в руки господину или его представителю. Во всяком случае, оба акта не могли быть осуществлены одновременно, в один день. В разных районах устанавливались различные сроки, в течение которых отчужденный надел не должен был обрабатываться: срок достигал и 45 дней, и одного года, и даже нескольких лет.⁷³ В одном из вейстюмов об этом говорится так: «Пусть в первый год надел остается необработанным, во второй пусть на нем растут сорные травы, на третий — терновник и крапива, а в четвертый — пусть монастырь вспашет его своими плугами».⁷⁴ Такое положение говорит о двух сторонах дела: во-первых, земельный собственник оставался все же заинтересованным в крестьянине-держателе, который исправно платил ему ренту; во-вторых, имелись, очевидно, случаи, когда крестьянин откуда-то доставал средства и выкупал свой конфискованный надел.

⁶⁷ Ibid., Bd. I, S. 650.

⁶⁸ Ibid., Bd. I, S. 719; Bd. V, S. 417, 420.

⁶⁹ Ibid., Bd. I, S. 517; Bd. II, S. 462; Bd. V, S. 424.

⁷⁰ Ibid., Bd. II, S. 462, 475.

⁷¹ Ibid., Bd. I, S. 710, 719, 725, 731, 738; Bd. V, S. 420.

⁷² Ibid., Bd. IV, S. 256; Bd. V, 459—460.

⁷³ Ibid., Bd. V, S. 452; Bd. I, S. 560; Bd. V, S. 298.

⁷⁴ Ibid., Bd. II, S. 475, 487, 493, 496.

И тем не менее не так-то просто было отнять у кого-нибудь надел: крестьяне-держатели всячески этому сопротивлялись. Они требовали различных новых уступок со стороны феодалов. Одним из результатов сопротивления крестьян являются уточнения и оговорки в феодальном законодательстве. Так, в вейстюмах уточняется, какие держания подлежат отчуждению: не только срочные, но и наследственные; подчеркивается, что акт отчуждения может быть осуществлен не любым человеком, а только лично свободным. О предстоящем акте отчуждения следует предварительно оповещать колокольным звоном всю общину. Если окажется, что к этому времени поля находятся под посевами, то акт отчуждения откладывался на год. Но и после отчуждения надела в течение года следует в церкви по воскресным дням объявлять, что такой-то надел отчужден, чтобы тот, кто его потерял, мог его выкупить.⁷⁵ Правда, поскольку вейстюмы составлялись для локально ограниченной территории, то в них встречаются и постановления, по которым запрещалось отчуждать надел только из-за просроченного ценза.⁷⁶

В целом, однако, с XV в. все чаще появляются в вейстюмах такие формулировки, которые свидетельствуют о возрастающих возможностях решать вопросы отчуждения произвольным путем. Появляются, например, постановления, по которым только за то, что крестьянин-держатель не являлся на заседание местного суда, его можно было лишить надела, и даже только за то, что держание плохо обрабатывалось, оно могло быть отчуждено.⁷⁷

Учащались случаи, когда предварительно, до того как отнимать надел у несостоятельного крестьянина-держателя, его постепенно разоряли. При первой просрочке внесения ренты отнимали у него лошадь, потом посевы; в конце концов его сгоняли с надела.⁷⁸

Отчужденный надел после истечения предусмотренных сроков переходил, как правило, в руки господина, что могло быть официально оформлено, но последнее не было обязательным условием передачи, господин и по своему усмотрению мог приступить к обработке отчужденного надела.⁷⁹ Отчужденный надел мог быть передан и арендатору-мейеру господского двора, и даже другому крестьянину-держателю.

Вейстюмы, по существу, оставались постановлениями, которыми господин мог и не руководствоваться. Об этом говорят случаи, когда господин забирал у крестьянина-держателя надел только потому, что это было ему выгодно. Несмотря на то,

⁷⁵ Ibid., Bd. I, S. 730; Bd. IV, S. 167, 213; Bd. V, S. 420; Bd. IV, S. 151, 173, 182; Bd. I, S. 804; Bd. II, S. 664.

⁷⁶ Ibid., Bd. IV, S. 181.

⁷⁷ Ibid., Bd. I, S. 717; Bd. V, S. 298; Bd. VI, S. 16.

⁷⁸ Ibid., Bd. II, S. 123.

⁷⁹ Ibid., Bd. II, S. 271, 450, 161, 162, 487, 493; Bd. III, S. 830; Bd. IV, S. 41; Bd. VI, S. 593, 614.

что в вейстюмах говорится об отчуждении только таких надделов, которые относились к господской усадьбе, контролировавшей всю хозяйственную деятельность крестьян, практика отчуждения принимала все более широкое распространение.

В вейстюмах, как правило, не говорится о судьбе людей, лишенных надела. Встречаются только выражения «zum Stab gehen» («взять палку в руки»), т. е. уйти без ничего, с одним посохом. В то же время именно в изучаемое время беспрерывно увеличивается количество бродяг в стране. Вейстюмы называют их «злыми бродягами», «нарушителями покоя», «отважными детьми, не боящимися ни бога, ни людей».⁸⁰ В Гессене стали издаваться законы, запрещающие нищим собирать виноград после сбора урожая.⁸¹ В Баварии с XV в. запрещалось крестьянам принимать на работу посторонних людей⁸² или предоставлять им приют.⁸³ Если в деревне обнаруживались люди, которые приходили туда из других мест и проживали в деревне в течение 14 дней, их обязаны были заставлять трудиться. От бродяг стали требовать, чтобы те предъявляли паспорта.⁸⁴

Бродягами наполнялись города. Известный реформатор Андреас Карлштадт в 1522 г. констатировал, что нищие «шныряют повсюду и рассаживаются на улицах перед домами и церквами, где они просят хлеба». Считая виновными в нищенстве богатей, А. Карлштадт требует, чтобы они через каждые 7 лет объявляли о касации долгов.⁸⁵ С конца XV в. и на протяжении всего XVI в. в Вюртемберге территориальными князьями издаются законы о запрете нищенства. В них общество-предупреждается о грозящей опасности, исходящей от нищих и бродяг. В законах также постоянно подчеркивается, что в нищенстве виновны ростовщики, которые скупают у крестьян урожай на жорню.⁸⁶

К этому же времени относится также появление в деревнях наемных работников, «работающих из-за бедности». Их теперь больше не пускают на сельские сходы, т. е. фактически их исключают из общины.⁸⁷

Документы, содержащие данные об отчуждении надделов крестьян-держателей по несостоятельности последних, относятся к районам, где основным занятием было хлебопашество. Поэтому нет никаких причин для того, чтобы не видеть связи между

⁸⁰ Ibid., Bd. V, S. 352; Bd. I, S. 518; Loersch H. Die Weistümer der Rheinprovinz. Bonn, 1900. S. 48—49.

⁸¹ Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 606.

⁸² Ibid., Bd. III, S. 673.

⁸³ Ibid., Bd. V, S. 96.

⁸⁴ Ibid., Bd. V, S. 598.

⁸⁵ Karlstadt A. Von Abtuhung der Bilder und das Kein Bettler unther den Christen 1522. Bonn, 1911, S. 23, 26, 70.

⁸⁶ Reyscher A. Vollständige Sammlung der Württembergischen Gesetze. Bd. 12, Tübingen, 1841, S. 13, 22, 101, 157, 191.

⁸⁷ Loersch H. Op. cit., S. 21, 70.

возникновением крупных арендаторских хозяйств, дифференциацией крестьянства в целом и отчуждением крестьянских наделов за недоимки и по другим причинам. Факт отчуждения крестьянских наделов и их передачи в руки феодалу, мейерам или другим держателям говорит о вытеснении малоимущих крестьян-держателей из деревни. Именно эти обедневшие люди, по всей вероятности, и пополняли ряды нищих и бродяг, из-за которых территориальными князьями и императорами так последовательно издавались законы. Разумеется, далеко не все становились нищими. Особенностью эпохи и условий Германии являлось то, что в это время открывались большие возможности для подыскания работы в самых различных хозяйствах. Рост огородничества, садоводства и виноградарства, основание новых промыслов в районах развития горного дела, появление крупных издольных хозяйств — все это давало возможность найти другие занятия после потери крестьянами-держателями своего надела.

Подводя итоги главы, необходимо отметить следующее.

1) Успехи в развитии зернового хозяйства зависели от более рационального использования и усовершенствования орудий труда, улучшения агротехники, использования лучшей по качеству земли под посевы зерновых, сочетания с более совершенными формами скотоводства, особенно овцеводства. Заметные сдвиги в XIV—XVI вв. наблюдаются в отборе злаковых культур и распределении посевных площадей под зерновые. Отбор зерновых культур производился в основном по двум признакам: а) соответствия данной культуры рыночному спросу и б) трудовых затрат, необходимых на выращивание отдельной культуры. Судьба издольных хозяйств была различна. В период феодальной реакции в Вюртемберге происходило дробление большинства хозяйств мейеров. Одним хозяйством владело несколько соарендаторов и субарендаторов. Рядом с жилыми помещениями арендаторов появляются жалкие землянки наемных людей. Издольная аренда заменяется фиксированной рентой. Таким образом глушатся ростки нового. Только отдельным хозяйствам удавалось занять ведущее место. В Саксонии и Тюрингии большинство арендаторских хозяйств было в состоянии в XVI в. закрепиться и в дальнейшем эволюционировать в капиталистические хозяйства. Свободному развитию хозяйств по этому пути в северо-западной Германии мешало возрождение крепостной зависимости.

2) Развитие товарности сельского хозяйства достигло той степени, когда все шире стал применяться наемный труд. Среди сезонных и постоянных работников имелось еще много таких, у которых в той или иной мере оставалось имущество, это были малоземельные крестьяне, огородники, халупники и другие; в то же время развитие бродяжничества свидетельствует о том, что имелись уже и совершенно нищие наемные работники.

Применение в сельском хозяйстве наемного труда давало возможность провести более глубокое разделение труда между различными видами сельскохозяйственных трудовых операций.

3) Для зерновых районов весьма характерным становится отчуждение крестьянских наделов, что получило широкое отражение в местном законодательстве, особенно в вейстюмах. Если в первой половине XIII в. отчуждение крестьянского надела противоречило юридическому порядку, а со второй половины XIII в. стало возможным, то с XIV в. отчуждение крестьянского надела стало законным явлением. По самым различным причинам и под различными предложениями феодалы «возвращают» часть розданных держателям земель, чтобы передать их более состоятельным хозяевам или самим брать их под плуг. Отчуждение крестьянских наделов отражает процесс отделения части крестьян от земли, их обнищание и вытеснение из группы самостоятельных хозяев. Процесс этот тесно связан с первоначальным накоплением капитала.

Глава V.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ГЕРМАНИИ К ЗАПАДУ ОТ ЭЛЬБЫ В XIV—XVI вв.

Для более полного представления о развитии немецкой деревни XIV—XVI вв. необходимо проанализировать данные об имущественном положении крестьянства. В период заметного развития товарно-денежных отношений, общественного разделения труда, развития горнорудных и городских центров, возникновения новых видов хозяйств в земледелии имущественная дифференциация крестьянства должна была играть роль стимулятора в перегруппировке рабочей силы, в передвижении людей. Общие тенденции дифференциации в самом многочисленном классе феодального общества — крестьянстве были таковы, что к XVI в. все более вырисовывались две социальные группы: зажиточные держатели и арендаторы крупных хозяйств, которые все чаще и увереннее выступали в роли эксплуататоров своих разорившихся односельчан. Юридическое положение крестьян, бесспорно, представляло на данном пути известную преграду, но она не была непреодолимой. Это тем более верно, что личная зависимость крестьян в конце XV — начале XVI в., несмотря на феодальную реакцию, не была повсеместной и там, где она была в силе, она не служила помехой ухода крестьян на заработки.

В своем анализе имущественного положения крестьян мы исходили из того факта, что развитие сельского хозяйства, т. е. производительных сил деревни и аграрных отношений, несмотря на существенные территориальные различия, в целом к западу от Эльбы было прогрессивным. Поэтому сведения, относящиеся к одному району Германии, если они и не могут быть подкреплены одновременными данными из других районов, имеют общее значение для определенного отрезка времени. Как на основе юридических документов имевших локальное распространение, можно судить о закономерностях общего характера, так на основе статистических данных одного района мы можем по-

лучить представление об общей закономерности для конкретного промежутка времени.

Документы свидетельствуют о том, что имущественная дифференциация крестьян любой части Германии в начале изучаемого периода была значительно менее резкой и носила иной характер, чем в конце его. Для XIV в. к западу от Эльбы мы располагаем в основном источниками, которые характеризуют имущественное положение крестьян в описательном плане. В вейстюмах перечисляются арендаторы господских дворов и других хозяйств: мейеры, держатели богатых и совсем крошечных хозяйств, коттеры, пастухи, кузнецы, полнонадельные, полунадельные, четвертьнадельные, однолошадные, безлошадные, одноупряжные, однотележные и т. п. Подчеркивается, что права на общинные угодья так же неравны, как и хозяйства. Несмотря на то, что эти данные не говорят о количестве богатых и бедных в деревне, они дают представление о том, что в деревне XIV в. не было особенно богатых людей и не было слишком бедных.

Наиболее ранние цифровые данные по району к западу от Эльбы, поддающиеся статистической обработке, относятся к концу XIV — началу XV в. Это налоговые списки графства Гогенберг за 1394 г.,¹ налоговые списки Ротенбурга за 1400 г.,² ведомость о поступлении налогов с отдельных деревень графства Гогенберг, относящаяся ко времени около 1385 г.,³ оценка имущества жителей деревень, расположенных вокруг Ротенбурга в 1398 г., оценка имущества по графству Гогенберг за 1390—1408 гг.⁴ Значение этих данных заключается в том, что они уникальны не только для своего времени, но и для последующих 150 лет.

Налоговый список 1394 г. был составлен комиссией на основе самооценки имущества всеми жителями графства; по свидетельству соседей и под контролем представителей центральной и местной администрации. В налоговые списки не были включены владельцы центральных усадеб — мейеры, так как они освобождались от налогов.

Недостатками налоговых списков для анализа является, во-первых, отсутствие данных, по которым можно было бы судить о принадлежности налогоплательщиков к той или иной категории феодально зависимых людей; во-вторых, отсутствие данных о составе имущества (в списках указаны либо общая стоимость имущества, либо размеры налогов); в-третьих, отсутствие для некоторых деревень данных по отдельным хозяйствам.⁵

За 1394 г. содержатся точные сведения о стоимости имуще-

¹ Müller K. O. Quellen zur Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte der Grafschaft Hohenberg. Bd. I. Stuttgart, 1953. S. 67—102.

² Ibid., S. 102—110.

³ Ibid., S. 1.

⁴ Ibid., S. 19—21.

⁵ Ibid., S. 21—28.

ства 1343 сельских жителей, проживавших в 59 деревнях, и 1661 горожанина из 4 городов. Такие обширные данные могут быть использованы для обобщений. В налоговом списке Ротенбурга за 1400 г. указаны только размеры налогов, которые составляли 5% стоимости имущества. Поэтому мы при сопоставлении данных за указанный год с данными 1394 г. умножаем их на 20. В зависимости от размеров имущества мы объединяем налогоплательщиков в имущественные группы. Для сельских налогоплательщиков намечаются 4 имущественные группы.

В 1-ю группу мы включаем тех, кто числится в списках без указания стоимости имущества, и всех тех, у кого имелось имущество не более чем на 20 фунтов, т. е. самых бедных жителей деревни. К ним относились люди, которые порой не имели собственного жилья или имели лишь небольшой клочок земли, обычно только огороды. Это были сельские ремесленники, батраки, полубатраки. Во 2-ю группу входит малоимущая часть крестьян, имевших кое-какую собственность (иногда — тягловую силу, или корову, или дом) и небольшой участок земли, который они держали от феодала либо от односельчан. Их имущество исчислялось в размерах от 21 до 100 фунтов. Возможно, что члены их семей уходили на заработок или занимались домашними промыслами, что подтверждается некоторыми отчетами графства Гогенберг. К 3-й группе относятся те, у кого имелось имущество на сумму от 101 до 300 фунтов. Все они, очевидно, вели свое хозяйство совершенно самостоятельно и в основном без наемной силы.

Последняя, 4-я группа состояла из богатых крестьян, владевших имуществом стоимостью от 301 до 500 и более фунтов. Это, на наш взгляд, преимущественно арендаторы и зажиточные держатели, которые вели свое хозяйство на рентабельных началах. Располагая немалым количеством скота, инвентарем, наемной силой и т. п., они нередко эксплуатировали остальных крестьян, и не только экономическим путем, но и при помощи аппарата феодальной администрации.

При сопоставлении имущественного положения сельского населения с имущественным положением горожан мы выделяем среди богатых горожан еще 2 группы: в одну входят налогоплательщики с имуществом стоимостью от 501 до 1000 фунтов, в другую — налогоплательщики с имуществом стоимостью свыше 1000 фунтов.

Сведения о размерах имущества налогоплательщиков Гогенберга мы рассматриваем по четырем территориальным районам: город Ротенбург и его сельская округа; город Хорб и его сельская округа; город Хайгерлох и его сельская округа; в четвертый район входят ряд мелких городов и сельские поселения возле них. Такое деление согласуется с налоговыми списками 1394 г., где перечисляются деревни, входящие в сельские округа Ротенбурга, Хорба и Хайгерлоха.

В 16 деревнях, расположенных вокруг Ротенбурга, как видно из табл. 1, в 1394 г. проживало 416 налогоплательщиков, которым принадлежало имущество стоимостью в 28 724 фунта. В среднем на 1 налогоплательщика приходилось имущество стоимостью в 69 фунтов. На деле, однако, оно распределялось далеко не равномерно: 137 беднейшим налогоплательщикам (33% от общего числа) принадлежало имущество на 1275 фунтов, т. е. всего 4,4% от общей стоимости имущества налогоплательщиков 16 деревень. Каждый из них в среднем владел имуществом стоимостью всего в 9 фунтов, т. е. в 7,6 раза меньше, чем имел в среднем налогоплательщик по всей Ротенбургской округе. В руках 175 малоимущих крестьян (46,9%) находилось имущество на 10 779 фунтов (37,9%). В среднем на каждого приходилось имущество стоимостью в 55 фунтов, т. е. на 14 фунтов меньше, чем по округе. 75 средним по зажиточности крестьянам (18%) принадлежало имущество на сумму 13 117 фунтов (45,7%) и 9 богатым крестьянам (2,1%) — на сумму 3553 фунта (12,3%), т. е. в среднем соответственно — 175 и 395 фунтов.

Таким образом, для Ротенбургской округи в целом можно отметить тенденцию обнищания большей части сельского населения (33%) и обогащения очень незначительного числа крестьян (2,1%). При этом 9 зажиточным крестьянам принадлежало в 3 раза больше имущества, чем их 137 малоимущим односельчанам. Сомнительно, чтобы такое малое число богатых крестьян могло обеспечить работой всех малоимущих. По всей вероятности, почти все бедные жители деревни были вынуждены заниматься промыслами и ремеслами. Близость ротенбургского рынка могла этому только содействовать.

Характерно, что в деревнях с большим количеством населения (Бурмлинген и Хиршау) имущественная дифференциация на беднейших (63 налогоплательщика — 41%) и богатых (4 налогоплательщика — 2,6%) выступает рельефнее, чем в большинстве деревень с малым количеством населения. Это, как мы уже показывали на примере виноградарских деревень, объясняется тем, что в крупных деревнях часть обедневших крестьян находила работу, что избавляло ее от необходимости отправляться в другие места. Именно обедневшие крестьяне становились той социальной группой, на основе эксплуатации которой выросли богатства зажиточных крестьян.

В то же время в таких малых сельских поселениях, как Хемдорф, Харрлинген, Зеебронн, не было ни одного налогоплательщика со средним количеством имущества, все здесь бедны. В Деттингене, Аргацингене, Кальквейле, Бюрингене, Швальдорфе, Нидернау и Байзингене, где проживало от 14 до 36 налогоплательщиков, мы не находим ни одного зажиточного. Исключение составляют Обернау (8 налогоплательщиков), Фроменхаузен (10 налогоплательщиков) и Хайльфинген (24 налогопла-

Имущественное положение налогоплательщиков сельской округи и Ротенбурга по налоговым спискам 1894 г.

Населенные пункты	Число налогоплательщиков		Стоимость их имущества		Число налогоплательщиков без указания стоимости их имущества		Стоимость имущества (фунты)							
	Число налогоплательщиков	%	Стоимость их имущества	%	Число налогоплательщиков	%	до 20				от 21 до 100			
							число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%
Вурмлинген	69	100	4221	100	—	—	27	39	179	4,2	30	43,5	1804	42,7
Хиршау	84	100	4965	100	6	7,2	30	35,7	332	6,7	37	44	1933	39
Вейлер	31	100	2646	100	1	3,2	6	19,4	81	3	16	51,6	1020	38,6
Деттинген	36	100	2188	100	2	5,5	9	25	87	4	20	55,5	1146	52,4
Аргацинген	26	100	879	100	—	—	13	50	154	17,5	11	42,3	445	50,6
Кальквейль	15	100	1273	100	2	13,4	5	33,3	73	5,7	3	20	280	22
Бюринген	24	100	1502	100	—	—	3	12,5	28	1,9	17	70,8	999	66,5
Швальдорф	30	100	2357	100	1	3,3	6	20	89	3,7	11	36,7	422	18
Фроменхаузен	10	100	1508	100	2	20	—	—	—	—	3	30	142	9,5
Обернау	8	100	895	100	—	—	1	12,5	3	0,3	4	50	122	14,7
Нидернау	15	100	1204	100	1	6,6	4	26,7	71	6	6	40	403	33,4
Зеебронн	23	100	791	100	2	8,7	8	34,9	112	14,1	13	56,4	679	85,9
Хайльфинген	24	100	2799	100	—	—	4	16,7	57	2	10	41,6	622	22,2
Байзинген	14	100	1196	100	2	14,3	1	7,1	5	0,4	8	57,1	465	39
Харрлинген	6	100	296	100	—	—	—	—	—	—	6	100	296	100
Хемендорф	1	100	4	100	—	—	1	100	4	100	—	—	—	—
Итого по деревням . .	416	100	28 724	100	19	4,6	118	28,4	1275	4,4	195	46,9	10 779	37,6
г. Ротенбург	841	100	156 016	100	15	1,8	220	26,1	2501	1,6	299	35,5	16 511	10,5
Итого по деревням и г. Ротенбургу .	1257	100	184 740	100	34	2,7	338	27,0	3776	2,1	494	39,2	27 290	14,8

Населенные пункты	Стоимость имущества (фунты)															
	от 101 до 300				от 301 до 500				от 501 до 1000				Свыше 1000			
	число на- допла- тельных	%	стоимость их иму- щества	%	число на- допла- тельных	%	стоимость их иму- щества	%	число на- допла- тельных	%	стоимость их иму- щества	%	число на- допла- тельных	%	стоимость их иму- щества	%
Вурмлиген	11	16	1858	44,0	1	1,5	380	9,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Хиршау	8	9,5	1540	31,0	3	3,6	1160	23,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Вейлер	7	22,6	1242	47	1	3,2	303	11,4	—	—	—	—	—	—	—	—
Деттинген	5	14	955	43,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Аргацинген	2	7,7	280	31,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кальквейль	5	33,3	920	72,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бюринген	4	16,7	475	31,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Швальдорф	12	40	1846	78,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фроменхаузен	3	30	51	33,5	2	20	860	57	—	—	—	—	—	—	—	—
Обернау	2	25	420	46	1	12,5	350	39	—	—	—	—	—	—	—	—
Нидернау	4	26,7	730	60,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Зеебронн	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хайльфинген	9	37,5	1620	57,8	1	4,2	500	18	—	—	—	—	—	—	—	—
Байзинген	3	21,5	725	60,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Харрлинген	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хемендорф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по деревням	75	18	13 117	45,7	9	2,1	3 553	12,3	—	—	—	—	—	—	—	—
г. Ротенбург	175	20,8	33 265	21,3	63	7,5	24 111	15,5	39	4,7	28 058	18,0	30	3,6	51 570	33,1
Итого по деревням и г. Ротенбургу	250	19,0	46 382	25,1	72	5,7	27 664	14,9	39	3,1	28 058	15,3	30	2,4	51 570	27,8

тельщика), где соответственно насчитывается 1:2:1 зажиточных и 2:1:4 бедных.

Экономические возможности мелких деревень (так называемых «вейлер»), следовательно, значительно ниже экономических возможностей крупных населенных мест. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что исследователи так называемых обезлюдевших мест вынуждены констатировать, что это в первую очередь и главным образом небольшие по размерам поселения.⁶ Вполне возможно, что лица, потерявшие свое имущество, уходили не только в города, но и в крупные сельские населенные пункты. И дело, конечно, не в том, что население вымирало, а имущество оставалось, а в том, что крайняя бедность вынуждала сельских жителей отправляться на поиски нового пристанища. Социально-экономические изменения лежали в основе демографических сдвигов.

Посмотрим теперь, каким было имущественное положение налогоплательщиков Ротенбурга. Всего их здесь насчитывалось 841, т. е. их число в два раза превышало число налогоплательщиков сельской округи, а их имущество оценивалось в пять раз дороже. На одного горожанина в среднем приходилось имущество стоимостью в 185 фунтов, т. е. на 116 фунтов больше, чем на одного сельского налогоплательщика. Имущество распределялось здесь еще более неравномерно, чем в деревенской округе. Беднейшим горожанам, 235 налогоплательщикам (28%), принадлежало имущество стоимостью 2501 фунт, т. е. 1,6% от общей стоимости имущества горожан. Беднейшее население города, следовательно, по отношению к остальным слоям городского населения в целом было значительно беднее, чем беднейшие слои деревни по отношению к остальной массе сельских налогоплательщиков. И все же в абсолютных цифрах в среднем каждый беднейший горожанин владел имуществом стоимостью 10 фунтов, т. е. на 1 фунт больше, чем беднейший сельский налогоплательщик.

Примечательно, что на противоположном полюсе в Ротенбурге стояли две группы самых богатых горожан (всего 69 налогоплательщиков — 8,3%) с имуществом стоимостью от 501 до 1 тыс. и более фунтов. Их имущество оценивалось в 79 628 фунтов, что составляло 51% стоимости всего имущества горожан. Им вместе с зажиточными горожанами (63—7,5%), владевшими имуществом стоимостью от 301 до 500 фунтов, принадлежали богатства на сумму 103 тыс. 739 фунтов, т. е. 66% стоимости всего имущества горожан. Цифры убедительно говорят о присвоении этими 132 горожанами (15,8%) прибавочного продукта, создававшегося городским трудовым людом, а в значительной мере также и жителями сельской округи. Сопоставление

⁶ Mortensen H. Die mittelalterliche deutsche Kulturlandschaft und ihr Verhältnis zur Gegenwart. — VSWG, 1958, Bd. 45, H. 1, S. 24.

Имущественное положение налогоплательщиков Ротенбурга в 1400 г.

Населенный пункт	Число налогоплательщиков	%	Стоимость их имущества	%	Число налогоплательщиков	%	Стоимость их имущества	%	Стоимость имущества (фунты)		Число налогоплательщиков	%	Стоимость их имущества	%																												
									до 20						от 21 до 100																											
									число налогоплательщиков	стоимость их имущества					число налогоплательщиков	стоимость их имущества																										
г. Ротенбург	870	100	161 091	100	от 101 до 300		от 301 до 500		от 501 до 1000		выше 1000		23	2,7	221	25,4	2135	1,3	320	36,9	16 659	10,4																				
					число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%											число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%																
																											176	20,2	33 261	20,6	63	7,2	24 389	15,1	36	4,1	27 007	16,8	31	3,5	57 640	35,8
																											число налогоплательщиков	стоимость их имущества														

цифровых данных об имущественном положении горожан и жителей сельской округи Ротенбурга убедительно подтверждает наличие эксплуатации деревни городом, отмеченное К. Марксом.⁷

Как видно из табл. 2, за 6 лет число налогоплательщиков Ротенбурга увеличилось на 29 чел., т. е. на 3,3%. При этом беднейшая часть увеличилась на 9 налогоплательщиков, остальные группы — на 22 налогоплательщика, а число самых богатых уменьшилось на 2 налогоплательщика. Зато у 244 беднейших горожан (28,1%) имущества стало значительно меньше: теперь они владели имуществом на сумму всего в 2135 фунтов (против 2501 фунта), или 1,3% (против 1,6%) от общей стоимости имущества горожан в 1400 г. В то же время оставшиеся 67 самых богатых горожан (8,6%) сосредоточили в своих руках имущество на 84 647 фунтов (или 54,7% богатства горожан). За 6 лет богатство этой группы выросло на 5 тыс. 19 фунтов, или на 6,3%. Налогоплательщикам трех самых зажиточных групп (всего 130 чел., или 14,8%) городского населения принадлежало имущество стоимостью в 109 036 фунтов, что составляло 69,7% от общей стоимости имущества горожан.

Таким образом, сопоставление двух налоговых списков Ротенбурга убеждает нас в том, что процесс обогащения небольшого числа горожан развивался в указанные 6 лет довольно быстро. Одновременно масса беднейших элементов населения увеличилась, и их имущественное положение ухудшилось.

Теперь нужно проследить, за счет кого возрастало число городских бедняков, коль скоро размер имущества отдельных горожан оставался почти без изменений. Чтобы ответить на этот вопрос, мы сопоставили фамилии всех налогоплательщиков, значащихся в обоих списках. Мы обнаружили, что в списке 1400 г. не встречаются 60 фамилий прежних налогоплательщиков, зато туда внесены 80 новых фамилий. Из них соответственно по имущественным группам:

	исчезло	прибавилось
имевших до 20 фунтов	29	40
" от 21— 100 фунтов	20	41
" от 101— 300 фунтов	8	8
" от 301— 500 фунтов	—	—
" от 501—1000 фунтов	3	—
" свыше 1000 фунтов	—	—
	60	89

Из примера видно, что наименее устойчивое имущественное положение обнаруживается у бедных слоев городского населения. По-видимому, численность бедняков возрастала в первую

⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 365.

очередь за счет внешнего, не городского пополнения. У нас, правда, нет доказательств, подтверждающих это предположение в каждом конкретном случае. Но, имея в виду общую тенденцию роста городского населения за счет деревни, мы можем на основе наших наблюдений констатировать, что основу притока сельского населения в город составляли выходцы из беднейших слоев деревни, которые, в свою очередь, вливались в ряды беднейших слоев города. Ни о каком захвате (Okkupation) «беспризорного имущества» здесь не могло быть и речи.

К сожалению, мы пока еще не располагаем данными, которые могли бы позволить в такой же мере приподнять завесу над тогдашней деревней и нарисовать картину ухода беднейших сельских жителей в города. Сведения о размерах налогов, поступавших в 1385 г.,⁸ носят суммарный характер для каждой из следующих 10 деревень возле Ротенбурга: Вурмлиngen, Хиршау, Вейлер, Деттинген, Кальквейль, Швальдорф, Фромменхаузен, Обернау, Нидернау и Зееброн. Всего этим деревням принадлежало тогда имущество на сумму 20 940 фунтов, что составляет немногим больше 94% стоимости имущества этих деревень в 1394 г. (22 048 фунтов). В то же время хорошо видно: за 9 лет общее количество имущества и в деревне увеличивается, что является свидетельством общего прогресса деревни в конце XIV в. Фрагментарные сведения, содержащиеся в налоговых списках 1398 г. и с 1394 по 1408 г., для сравнения не годятся.⁹ По ним нельзя даже установить, к какому году относятся отдельные данные.

Вторым по экономическому значению районом графства Гогенберг являлся город Хорб вместе с 9 окрестными деревнями. Общая картина имущественного положения налогоплательщиков в этом районе немногим отличается от только что рассмотренной. В 9 деревнях, как это видно из табл. 3, проживало 228 налогоплательщиков, владевших имуществом стоимостью в 14 348 фунтов. На каждого налогоплательщика приходилось в среднем 63 фунта, всего на 5 фунтов меньше, чем в районе Ротенбурга. Так же, как в Ротенбурге, оно распределялось между налогоплательщиками очень неравномерно. 94 беднейших крестьянина (41,2%) владели имуществом на сумму в 693 фунта, что составляет 4,8% общей стоимости имущества сельских налогоплательщиков. В среднем на одного беднейшего жителя в этом районе приходилось имущество стоимостью 7 фунтов, что на 2 фунта меньше, чем было у беднейшей части сельских жителей Ротенбургской округи. 95 маломущим крестьянам (41,7%) принадлежало имущество стоимостью 5440 фунтов (37,9%), 34 налогоплательщикам среднего состояния (14,9%) — стоимостью 6425 фунтов (44,5%) и 5 зажиточным крестьянам

⁸ Müller K. O. Op. cit., Bd. I, S. 1.

⁹ Ibid., S. 19, 20, 21—28.

Имущественное положение налогоплательщиков в районе Хорба в 1394 г.

Населенные пункты	Число налогоплательщиков		Стоимость их имущества		Число налогоплательщиков без учета стоимости их имущества		Стоимость имущества (фунты)							
	%	%	%	%	%	до 20				от 21 до 100				
						число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%	
Эутинген	54	100	3412	100	3	5,5	21	39	178	5,2	20	37	984	28,8
Бильдехинген	9	100	747	100	—	—	3	33,4	35	4,7	3	33,3	112	15
Рордорф	8	100	88	100	1	12,5	6	75	63	71,6	1	12,5	25	28,4
Вейтинген	23	100	1114	100	3	13	12	52,2	141	12,6	5	21,8	273	24,6
Нордштеттен	25	100	1033	100	3	12	9	35	109	10,6	11	44	654	63,3
Эмпфинген	48	100	4392	100	13	27,1	4	8,3	60	1,3	16	33,3	977	22,3
Фишинген	14	100	878	100	2	14,2	2	14,2	35	4	7	50	433	49,3
Бетра	16	100	1156	100	5	31,2	1	6,3	15	1,3	7	43,7	511	44,2
Альтхейм	31	100	1528	100	—	—	6	19,4	57	3,7	25	80,6	1471	96,3
Итого по деревням	228	100	14 348	100	30	13,2	64	28,0	693	4,8	95	41,7	5440	38
г. Хорб	566	100	82 072	100	36	6,3	153	27,0	1602	1,9	175	30,9	10 084	12,3
	794	100	96 420	100	66	8,3	217	27,3	2295	2,4	270	34,0	15 524	16,1

Населенные пункты	Стоимость имущества (фунты)															
	от 101 до 300				от 301 до 500				от 501 до 1000				свыше 1000			
	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%
Эутинген	8	14,8	1460	42,9	2	3,7	790	23,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Бильдехинген	3	33,3	600	80,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рордорф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вейтинген	3	13	700	62,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нордштеттен	2	8	270	26,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эмпфинген	13	27,1	2675	60,9	2	4,2	680	15,5	—	—	—	—	—	—	—	—
Фишинген	3	21,6	410	46,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бетра	2	12,5	310	26,8	1	6,3	320	27,7	—	—	—	—	—	—	—	—
Альтхейм	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по деревням . .	34	14,9	6425	44,8	5	2,2	1790	12,4	—	—	—	—	—	—	—	—
г. Хорб	139	24,6	25 203	30,7	26	4,6	12 967	15,8	31	5,5	22 116	26,9	6	1,1	10 100	12,4
	173	21,8	31 628	32,8	31	3,9	14 757	15,3	31	3,9	22 116	22,9	6	0,8	10 100	10,5

(2,2%) — на сумму 1790 фунтов (12,4%). Как видно, зажиточных крестьян здесь было почти столько же, сколько и в первом районе. Наиболее состоятельные крестьяне и здесь проживали главным образом в крупных сельских поселениях (Эутингене и Эмфингене). В деревне Бетра только один из 16 налогоплательщиков (табл. 3) оказался немного богаче остальных. В двух деревнях (Рордорф и Альтхейм) не было ни одного середняка. В таких мелких деревнях (или вейлерах), как Бильдехинген, Вейтлинген, Нордштеттен, Фишинген, где проживало от 9 до 25 налогоплательщиков, зажиточные крестьяне вовсе отсутствовали. В Рордорфе самому состоятельному из 8 налогоплательщиков принадлежало имущество стоимостью всего в 25 фунтов. По сути дела, в Рордорфе жили одни нищие. В целом крестьяне сельской округи Хорба были беднее, чем их собратья в соседнем районе.

По сравнению с 9 близлежащими к Хорбу деревнями в самом городе проживало в 2,4 раза больше налогоплательщиков, а стоимость их имущества была больше почти в 6 раз. В среднем в Хорбе на одного городского налогоплательщика приходилось 145 фунтов, т. е. на 40 фунтов меньше, чем в Ротенбурге, и на 82 фунта больше, чем в Хорбской сельской округе. В Хорбе имущество распределялось следующим образом: на 189 беднейших жителей города (33% от общего числа горожан) приходилось имущество всего на 1602 фунта (1,9%), в то время как на 37 состоятельнейших горожан (6,6%) — на сумму в 32 216 фунтов, что составляло 39,2% стоимости имущества всех горожан. Три группы богатейших горожан (63 налогоплательщика — 11,2%) владели имуществом в 45 183 фунта (55,1%), т. е. значительно бóльшим, чем остальные 88,8% населения.

Как следует из приведенных цифр, положение в Хорбской округе, по существу, подтверждает вывод, сделанный нами в итоге анализа положения в Ротенбургском районе, о том, что бóльшая часть крестьян беднела, в то время, как незначительное число крестьян богатело.

Не отличается по существу от этого и положение в Хайгерлохе с его сельской округой. Как видно из табл. 4, имущественное положение жителей здесь таково: 226 сельским налогоплательщикам принадлежит имущество в 15 190 фунтов, т. е. в среднем 67 фунтов на одного налогоплательщика, — приблизительно столько же, сколько и в рассмотренных ранее районах. 83 беднейших крестьянина (37%) владеют имуществом в 764 фунта, что составляет 5,1% от общей стоимости имущества в сельской местности района и немногим больше, чем в двух изученных выше районах. 5 наиболее состоятельным крестьянам, владеющим имуществом от 361 до 1000 фунтов, принадлежат владения на 1992 фунта, что составляет 13,1% от общей стоимости имущества всей деревенской округи города Хайгерлоха. Малоиму-

Имущественное положение налогоплательщиков в районе Хайгерлоха в 1394 г.

Населенные пункты	Число налогоплательщиков	%	Стоимость их имущества	%	Число налогоплательщиков без указания стоимости их имущества	%	Стоимость имущества (фунты)							
							до 20				от 21 до 100			
							число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налогоплательщиков	%	стоимость их имущества	%
Вильдорф	15	100	388	100	2	13,3	6	40	83	21,5	7	46,7	305	78,5
Бительбронн	12	100	456	100	2	16,7	4	33,3	42	9,2	5	41,7	294	64,5
Груэль	83	100	5493	100	3	3,6	30	36,2	318	5,8	31	37,3	1682	30,7
Хейлигенциммерн	18	100	776	100	—	—	7	38,9	114	14,7	9	50	372	47,9
Трильфинген	24	100	3077	100	2	8,3	2	8,3	23	0,8	10	41,7	629	20,4
Харт	10	100	1176	100	2	20	1	10	5	0,4	3	30	201	17,1
Хофендорф	7	100	144	100	1	14	3	43	37	25,7	3	43	107	74,3
Битенхаузен	7	100	610	100	3	43	—	—	—	—	1	14	30	4,9
Овинген	15	100	888	100	1	6,7	3	20	29	3,3	8	53,3	339	38,2
Рангендинген	17	100	1380	100	—	—	4	23,5	40	2,9	9	53	420	30,4
Имнау	7	100	253	100	—	—	2	28,6	14	5,5	5	71,4	239	94,5
Хоспах	4	100	39	100	—	—	4	100	39	100	—	—	—	—
Штейнхофен	7	100	510	100	—	—	1	14	20	3,9	5	72	340	66,7
Итого по деревням	226	100	15 190	100	16	7	67	30	764	5,1	96	42,4	4958	32,6
г. Хайгерлох	160	100	18 516	100	12	7,5	52	32,5	478	2,5	47	29,4	3827	20,6
	386	100	33 706	100	28	7,2	119	30,8	1242	3,9	143	37,1	8785	26,1

Населенные пункты	Стоимость имущества (фунты)															
	от 101 до 300				от 301 до 500				от 501 до 1000				свыше 1000			
	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%	число налого- плательщиков	%	стоимость их имущества	%
Вильдорф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бительбронн	1	8,3	120	26,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Груэль	17	20,5	2761	50,2	2	2,4	732	13,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Хейлигенциммерн	2	11,1	290	37,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Трильфинген	9	37,5	1875	60,9	—	—	—	—	1	4,2	550	17,9	—	—	—	—
Харт	3	30	620	52,7	1	10	350	29,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Хофендорф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Битенхаузен	3	43	580	95,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овинген	3	20	520	58,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рангендинген	3	17,7	560	40,6	1	5,8	360	26,1	—	—	—	—	—	—	—	—
Имнау	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хоспах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Штейнхофен	1	14	150	29,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по деревням . .	42	18,5	7476	49,2	4	1,7	1442	9,5	1	0,4	550	3,6	—	—	—	—
г. Хайгерлох . .	35	21,9	6561	35,4	11	6,9	4450	24,1	1	0,6	800	4,4	2	1,2	2400	13,0
	77	20,0	14 037	41,3	15	3,9	5892	17,5	2	0,5	1350	4,1	2	0,5	2400	7,1

щие крестьяне, всего 94 налогоплательщика (42,4%), располагают имуществом 64 958 фунтов, или 32,6% от общей стоимости, и 42 средних налогоплательщика (18,5%) — имуществом в 7476 фунтов, или 49,2%. Наиболее зажиточные крестьяне и здесь проживают в крупнейших деревнях, таких, как Рангединген, Трильфинген и Груэль. Характерно, что в мелких деревнях Вильдорф, Хофендорф и Имнау (с населением от 7 до 15 налогоплательщиков) нет ни одного крестьянина, стоимость имущества которого превышала бы 100 фунтов, а стоимость всех 4 налогоплательщиков в Хоспахе составляет 39 фунтов! Точно так же в деревнях Бительбронн, Хайлигенциммерн, Битенхаузен, Овинген и Штейнхофен (где проживало от 7 до 18 налогоплательщиков) имущество крестьянина не стоило дороже 300 фунтов (см. табл. 4).

В городском центре данного района проживает на 66 налогоплательщиков меньше, чем в сельской округе. Несмотря на это, они владеют имуществом стоимостью в 18 516 фунтов, что на 3326 фунтов превышает стоимость имущества жителей сельской округи. В среднем на одного городского налогоплательщика приходится 116 фунтов, что значительно меньше, чем в Ротенбурге и Хорбе.

Между отдельными группами налогоплательщиков имущество распределяется в Хайгерлохе следующим образом: 64 беднейших налогоплательщика (40%) владеют имуществом стоимостью в 478 фунтов (2,5%), что составляет на каждого в среднем немногим больше 7 фунтов; 14 (8,7%) представителей 3 наиболее состоятельных групп горожан располагают имуществом на сумму 7650 фунтов (41,5%), или 546 фунтов на человека, т. е. в 78 раз больше, чем приходится на одного беднейшего жителя.

Таким образом, во всех 3 районах горожане богаче крестьян. В Ротенбурге и Хорбе число горожан значительно превышает число крестьян сельской округи. В Хайгерлохе горожан меньше. Соотношение материального положения отдельных имущественных групп города и деревни во всех случаях свидетельствует в пользу городов.

Четвертый район, административным центром которого является Гогенберг, сильно отличается от перечисленных трех. Здесь нет ни одного значительного по размерам города. Хотя Гогенберг и называется в источниках местечком (Stättlin), он насчитывает всего 15 налогоплательщиков. Во втором городе — Нустлингене — проживает 66 налогоплательщиков. А самый крупный — Шэмберг, который, судя по его богатствам, мог оказывать влияние на деревню, имел тоже не очень много налогоплательщиков — всего 94. В то время, когда пути сообщения были еще мало развиты, влияние города на деревню в этом районе должно было сказаться значительно слабее. В табл. 5

приводились данные только города Шэмберга. Гогенберг и Нустлинген мы причислили к населенным пунктам сельского типа, так как не только по численности населения, но и по распределению богатств они резко отличаются от обычных городов.

Итак, в 21 населенном пункте сельского типа здесь проживало 473 налогоплательщика, которым принадлежало имущество в 26 080 фунтов. На каждого из них в среднем приходилось 55 фунтов, т. е. меньше, чем в любом из рассматриваемых районов. И такое положение не было случайностью. В районе, где отсутствовал более или менее значительный по размерам город, общественное разделение труда и, следовательно, товарно-денежные отношения были значительно меньше развиты. А это не могло не сказаться на имущественном положении налогоплательщиков.

Характерно, что на 203 беднейших налогоплательщиков (42,9%) здесь приходилось имущество в 1856 фунтов, что составляет 7,1% от общей стоимости имущества сельских налогоплательщиков. Иначе говоря, беднейшие жители были здесь значительно «богаче» остальной массы налогоплательщиков, чем в других районах. Но фактически им принадлежало в среднем имущество тоже не больше чем на 9 фунтов.

В 21 поселении сельского типа в этом районе насчитывается всего 6 крестьян (1,3%), имущество которых оценивается дороже 300 фунтов. Всего в их руках находились владения на 2610 фунтов (10,1%). Самой значительной группой крестьян здесь являлись малоимущие (197 налогоплательщиков — 41,6%), стоимость добра которых составляла 10 692 фунта (41%) (см. табл. 5).

От положения сельских налогоплательщиков мало чем отличалось положение жителей города Шэмберга. На одного налогоплательщика приходилось 108 фунтов, что в 2 раза больше, чем в деревне. Беднейшие в среднем располагали имуществом на 7 фунтов, т. е. меньшим, чем в деревне. Самая состоятельная группа налогоплательщиков владела имуществом в среднем на 620 фунтов, что значительно больше, чем в таких сравнительно крупных городах, как Ротенбург и Хорб. Вполне возможно, что это свидетельствует о преобладании в руках богачей, ростовщического капитала.

В мелких деревнях данного района — Дейтлинген, Хаузен об Лохен, Швенинген (численность налогоплательщиков составляла от 9 до 15 чел.) не было ни одного жителя, имущество которого стоило бы дороже 100 фунтов. Наиболее зажиточные крестьяне проживали в крупных деревнях — Денкинген, Шпайхинген, Фридинген. Малоимущих в этих деревнях было также значительно больше, чем в других.

В заключение необходимо обратить внимание на следующие сравнительные данные. Во-первых, на каждого налогоплатель-

Имущественное положение налогоплательщиков района Гогенберг в 1394 г.

Населенные пункты	Число налого- плательщиков	%	Стоимость их имущества	%	Число налогопла- тельщиков без указания стоимо- сти их имущества	%	Стоимость имущества (фунты)							
							до 20				от 21 до 100			
							число на- лого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%	число на- лого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%
Гогенберг	15	100	750	100	—	—	6	40	90	12	7	46,7	360	48
Дейтлинген	15	100	207	100	4	26,7	7	46,6	48	23	4	26,7	159	77
Делькхофен	14	100	815	100	3	21,5	4	28,5	27	3,3	4	28,5	230	28,2
Хаузен об Лохен	9	100	306	100	1	11,2	4	44,4	73	23,9	4	44,4	233	76,1
Ратсхаузен	11	100	630	100	—	—	4	36,4	53	8,4	5	45,4	257	40,8
Вейден унтер Гогенберг	17	100	1711	100	—	—	—	—	—	—	10	58,8	566	33,1
Шэрцинген	24	100	1119	100	3	12,5	9	37,5	158	14,1	10	41,6	661	59,0
Денкинген	44	100	3666	100	—	—	17	38,6	233	6,4	16	36,4	837	22,8
Шпайхинген	55	100	3158	100	3	5,5	21	38,2	256	8,1	22	40	1272	40,2
Дюрбхейм	26	100	917	100	2	7,7	11	42,3	141	15,4	11	42,3	476	51,9
Госхейм	20	100	1561	100	—	—	5	25	51	3,3	9	45	510	32,7
Вехинген	37	100	1790	100	3	8,1	9	24,3	86	4,8	22	59,5	1274	71,2
Рейхенбах	11	100	906	100	—	—	2	18,2	18	2,0	6	54,5	398	43,9
Эгесхейм	16	100	997	100	2	12,5	4	25	47	4,6	7	43,8	350	35,2
Бубсхейм	10	100	745	100	—	—	6	60	65	8,7	1	10	40	5,3
Нусплинген	66	100	1575	100	11	16,7	31	46,9	307	19,5	23	34,9	1088	69,1
Ундердигисхейм	17	100	872	100	4	23,5	3	17,7	53	6,1	8	47	479	52,6
Фридинген	27	100	2865	100	3	11,1	3	11,1	44	1,5	10	37	568	19,8
Швеннинген	10	100	242	100	3	30	3	30	22	9,1	4	40	220	90,9
Ренквисхаузен	12	100	248	100	4	33,3	5	41,7	48	19,3	2	16,7	70	28,2
Даутерген	17	100	1000	100	—	—	3	17,7	36	3,6	12	70,6	664	66,4
Итого по деревням района	473	100	26 080	100	46	9,7	157	33,2	1856	7,1	197	41,6	10 692	41
г. Шэмберг	94	100	11 143	100	10	10,6	20	21,3	204	1,8	31	33	2024	18,2
	567	100	37 223	100	56	9,8	177	31,2	2060	5,5	228	40,2	12 716	34,2

Населенные пункты	Стоимость имущества (фунты)															
	от 101 до 300				от 301 до 500				от 501 до 1000				свыше 1000			
	число налого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%	число налого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%	число налого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%	число налого- платель- щиков	%	стоимость их иму- щества	%
Гогенберг	2	13,3	300	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дейтлинген	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Делькхофен	3	21,5	558	68,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хаузен об Лохен	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ратсхаузен	2	18,2	320	50,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вейден унтер Гогенберг	7	41,2	1145	66,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шэрдинген	2	8,4	300	26,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Денцинген	9	20,4	1496	40,8	1	2,3	500	13,6	1	2,3	600	16,4	—	—	—	—
Шпайхинген	7	12,8	910	28,7	2	5,5	720	23	—	—	—	—	—	—	—	—
Дюрбхейм	2	7,7	300	32,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Госхейм	6	30	1000	64	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вехинген	3	8,1	430	24,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рейхенбах	3	27,3	490	54,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эгесхейм	3	18,7	600	60,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бубсхейм	3	30	640	86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нуспдингген	1	1,5	180	11,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ундердигсхейм	2	11,8	360	41,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Фридингген	9	33,3	1463	51,1	2	7,5	790	27,6	—	—	—	—	—	—	—	—
Швеннинген	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ренквисхаузен	1	8,3	130	52,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Даутерген	2	11,7	300	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по деревням района	67	14,2	10 922	41,8	5	1,1	2010	7,8	1	0,2	600	2,3	—	—	—	—
г. Шэмберг	22	23,4	4005	35,9	8	8,5	3030	27,1	3	3,2	1880	17	—	—	—	—
	89	15,7	14 927	40,1	13	2,3	5040	13,5	4	0,8	2480	6,7	—	—	—	—

щика в деревнях Ротенбургской округи в среднем приходилось имущество стоимостью 69 фунтов, Хорбской округи — 63 фунта, Хайгерлохской — 67 фунтов и Гогенбергской — 55 фунтов. Иначе говоря, несмотря на незначительные колебания этих цифр, все же можно констатировать, что в Ротенбургской округе крестьянам в общем жилось лучше, чем в остальных, особенно Гогенбергской, где, как мы отмечали, в сущности, не было ни одного настоящего города. Такая же картина наблюдается и в городах указанных округ: в Ротенбурге на каждого налогоплательщика в среднем приходилось имущество в 195 фунтов, в Хорбе — 145, Хайгерлохе — 116 и Шэмберге — в 118 фунтов. Приведенные данные наглядно свидетельствуют о возможности отлива населения из деревни в город, а также из менее экономически развитых сельских округ в более развитые. Все это также не противоречит уже высказанной ранее мысли о возможности переселения жителей мелких, обедневших населенных пунктов в более крупные. Во-вторых, как мы уже отмечали выше, отлив населения из одной местности в другую должен был происходить в первую очередь за счет беднейшей части населения. Для проверки этой мысли мы сопоставляем здесь удельный вес беднейшей группы крестьян (с имуществом до 20 фунтов) в каждой округе. В сельской округе Ротенбурга он равнялся 33% от общего числа налогоплательщиков, Хорба — 41,2, Хайгерлоха — 37, Гогенберга — 42,9%. Из этого сравнения видно, что доля беднейшего населения в сельской округе Ротенбурга была меньшей, чем в других сельских округах. Почти такую же картину мы наблюдаем в городах. В Ротенбурге беднейшие слои составляли 27,9 в Хорбе — 33,3, в Хайгерлохе — 40, в Шэмберге — 31,9%. Таким образом, и эти факты подтверждают наше предположение о характере перемещения в то время беднейшего населения.

В целом, следовательно, налоговые списки графства Гогенберг за 1394 г. довольно наглядно подтверждают наши наблюдения по развитию немецкой деревни к западу от Эльбы в XIV—XVI вв. Анализ статистических материалов не противоречит представлению о том, что в средние века город эксплуатировал деревню экономически. Общественное разделение труда между городом и деревней и развитие товарно-денежных отношений как его результат достигли в конце XIV в. значительного успеха. И, несмотря на то, что средние слои еще составляли основную массу крестьянства, доля беднейших элементов многократно превосходила долю зажиточных.

Отлив населения из села в город — факт, который не оставляет никакого сомнения. Мы убеждаемся в том, что из деревни должны были уходить наиболее бедные слои. Есть основания думать, что отлив разорившихся крестьян из мелких деревень был сильнее, чем из крупных, где в свою очередь, очевидно, сказывалось общественное разделение труда. Одновременно

следует отметить, что деревни, расположенные вдалеке от городов, были не только беднее и имели меньшее число налогоплательщиков, но и при определенных условиях (втягивании в сферу товарно-денежных отношений, феодальной реакции и т. д.) должны были разоряться скорее, чем близлежащие к городам поселения. Такое положение подтверждает замеченное историками и географами исчезновение в первую очередь и главным образом деревень, расположенных в отдалении от городов.

Несмотря на то, что имущественная дифференциация не была еще столь резкой, как позднее (например, в XVI в.), большинству крестьян жилось трудно. Общая бедность является, пожалуй, одной из наиболее характерных черт жизни крестьянства Гогенберга в целом.

Анализ этих ярких фактов социально-экономического характера показывает, насколько неправильным для решения важнейших проблем аграрных отношений XIV—XVI вв. является стремление буржуазных историков сосредоточить внимание исключительно на вопросах народонаселения и влияния природных условий на историю общества.

С конца XIV в. в Германии, по крайней мере на юго-западе, серьезные противоречия между беднейшими жителями деревни и зажиточными крестьянами только зарождаются. Крупные арендаторы и держатели все больше используют труд наемных рабочих, которые, однако, еще не составляют отдельную социальную группу в деревне.

В XIV в. имущественная дифференциация в деревне Германии была еще незначительной. В деревне наблюдалась значительно большая нивелировка, чем в последующее время. Вместе с тем крестьянство в целом было и значительно беднее, чем в последующие века. Дробление крестьянских наделов доходило до существования самых крохотных наделов при отсутствии особенно крупных хозяйств. Натуральные и патриархальные отношения были еще сильны.

Сразу после ликвидации домениальных хозяйств и победы крестьянских хозяйств совершенно естественно часть мелких крестьян оказалась вытесненной из среды крестьян-общинников. Личная свобода содействовала их уходу, главным образом в города.

По мере втягивания крестьянских хозяйств в сферу товарно-денежных отношений, усиления процесса специализации общественного разделения труда вообще в деревне происходит все более заметная поляризация имущественного статуса жителей. Небольшая часть крестьян сосредотачивает в своих руках земельные угодья. Особенно благоприятствуют этому различные формы землевладения и наличие нескольких вотчинников в одной деревне. В Саксонии появляются крестьяне, владеющие от 4 до 7 крестьянскими полнаделными хозяйствами: одновре-

менно. В северо-западной и юго-западной Германии — это мейеры, во многих местах — виноградари и вайдовые крестьяне. С другой стороны катастрофически быстро растет число безземельных. Ни растущие города и горнорудные районы, ни области товарного производства хлеба, винограда, вайды и т. д. не в состоянии поглотить массу обездоленных. Начинается бродяжничество и разбой; в деревне появляется масса безземельных, которые работают на богатых крестьян.

Особенно наглядно эти изменившиеся к XVI в. отношения видны на примере статистических данных, полученных Г. Хейцем по Саксонии. Население деревень Саксонии в начале XVI в., как отмечает Хейц, можно разделить на 2 основные категории: на имеющих землю и безземельных. Ко второй относятся *Hausgenossen* (живущие на совместной площади) и *Gesinde* (прислуга). Среди *Hausgenossen* некоторые состоят в родстве с хозяином дома, у которого живут. В целом в 80 исследованных Хейцем саксонских деревнях в начале XVI в. проживало 4125 самостоятельных семейств, в среднем по 51 семье в деревне. Из них только 1436 (34,8%) являлись налогоплательщиками. Поскольку налоги взимались только с землевладельцев, то остальные были безземельными жителями деревни — всего 2689 (65,2%). Среди них прислуги насчитывалось 982 чел., безземельных родственников, проживавших на общей площади, имелось 689 и не родственников — 1018 чел.¹⁰

Характеризуя *Hausgenossen* в целом, Хейц подчеркивает, что они платили *Hausgenossenzins*, но пользовались свободой передвижения, чтобы заниматься на работу. В территориальном законодательстве саксонских герцогов они называются бродягами (*Umhertreiber*) и батраками (*fahrende Knechte*).¹¹ Во многих местах не делалось различия между ними и наемными людьми, так как и те и другие жили по найму. В целом, как мы видим, дифференциация здесь достигла того уровня, при котором часть сельского населения обязательно должна была искать заработок. Такое положение для конца XIV в. в районе Ротенбурга, как мы видели, было не исключено, но сами источники не знают еще специального названия для наемных людей из разорившегося сельского населения.

Сельское население, имевшее землю, в начале XIV в. в Саксонии делилось на полноправных налогоплательщиков и огородников. Последние составляли социальную категорию малоземельных с наделом в 2—4 моргена и усадьбой.

В течение XVI в. процесс дифференциации в саксонской деревне все усиливался. При очень скудных сквозных сведениях Хейцу все же удалось выяснить изменения имущественного положения крестьян отдельных деревень за определенный проме-

¹⁰ Heitz G. Die Entwicklung der ländlichen Leinenproduktion Sachsens. Berlin, 1958, S. 24.

¹¹ Ibid., S. 28.

жуток времени. В этом плане интересны данные, приводимые Хейцем для деревни Лансхеннерсдорф за период с конца XV по конец XVI в.

Таблица 6

Дифференциация крестьян деревни Лансхеннерсдорф в XV—XVI вв.*

Время	Крестьяне, имеющие земельные наделы		Безземельные	
	налогоплательщики	огородники	Hausgenossen	Gesinde
Конец XV в.	55	8	13	10
1546 г.	56	17	39	55
1555 г.	61	21		
1571—1572 гг.	54	45		
1587 г.	56	46		

* Таблица составлена по данным Г. Хейца.

Несмотря на отсутствие некоторых данных за более позднее время, мы видим почти неизменное количество полноправных налогоплательщиков, т. е. полноправных землевладельцев-хлебашцев. Резко увеличивается число огородников (в 5—6 раз) и, судя по данным конца XV в. и 1546 г., еще радикальнее увеличивается число Hausgenossen и Gesinde. Во всяком случае, в 1546 г. их соответственно в 3 и 5,5 раза больше, чем в конце XV в.

Эта тенденция подтверждается данными по деревне Бертальсдорф за 1546 г. Там в то время проживало 35 налогоплательщиков, 47 Hausgenossen и 41 прислуга. Следовательно, на 28,6% землевладельцев приходилось 72,4% безземельных.¹²

В Саксонии количество безземельных уже с конца XV в. значительно превосходит количество землевладельцев. Но и среди названий земельных собственников встречаются такие, которые свидетельствуют о сильной дифференциации, как, например: владелец гуфы (Hufner), владелец доли гуфы (Teilhufner), владелец карликовой гуфы (Zwerghufner), огородник (Gärtner), халупник (Häusler).¹³

Картина сильной дифференциации в деревнях Саксонии подтверждается и анализом данных по Мейссенскому округу, проведенным на архивных данных Г. Паннахом.¹⁴ Согласно названиям, встречаемым в архивных материалах, Паннах делит крестьянское население Мейссенского округа на крестьян (Bauer, Hufenbauer, или ansässiger Bauer) и огородников (Gärtner), к

¹² Heitz G. Op. cit., S. 31.

¹³ Heitz G. Op. cit., S. 23.

¹⁴ Pannach H. Das Amt Meissen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1960.

которым он относит также «халупников», (Häusler) и сезонных работников (Dreschgärtner) и прислугу.

Крестьяне в Мейссене, как во всей Саксонии и Тюрингии, были лично свободными и владели наследственными наделами земли. Хозяйства между наследниками не делились. Крестьяне были единственными и полноправными членами общины.

В 1547 г., по данным Паннаха, в 256 деревнях Мейссенского округа проживало всего 1766 наследственных держателей гуф, которые владели сравнительно небольшим количеством пахотной земли — всего 3360 гуфами. В среднем, следовательно, около 2 гуф приходилось на каждого. Однако источники дают сведения о размерах владений только для 1345 держателей (из 1766).

Среди этих 1345 держателей наблюдаются следующие имущественные группы: в первую входят 386 (28,7%) малоземельных, каждый из которых держал меньше 1 гуфы земли (у 254 держателей было по 0,5 гуфы, у 116 — по 0,25 и у 16 — по 0,125). Вторая группа состояла из 341 держателя (25,4%), у каждого из которых имелось от 1 до 1,5 гуфы земли (у 203 — по 1 гуфе, у 138 — по 1,5 гуфы). Остальную часть составляли зажиточные крестьяне — всего 616 держателей (45,8%), которым принадлежало 2 и более гуф земли (у 238 имелось по 2 гуфы, у 242 — по 3 гуфы, 96 — по 4 гуфы, у 28 — по 5 гуф, у 9 — по 6 гуф и у 3 — по 7 гуф).

Когда мы эти данные сопоставляем с результатами нашего анализа по графству Гогенберг в конце XIV в., поражает прежде всего то, что крестьяне, владевшие землей, стали несравненно богаче. При этом мы, однако, должны учитывать, что речь идет о двух районах, где существовали разные наследственные условия: в первом районе разрешалось делить наследство, во втором — нет. В первом разорившиеся еще долго оставались в составе крестьян, во втором они переходили в разряд огородников и наемных людей всех категорий. Здесь, кстати, следует отметить, что историки ФРГ и даже часть историков ГДР не уяснили себе еще эту связь между держателями земли, огородниками и наемными людьми.¹⁵

Вторую группу землевладельцев Мейссенского округа составляли огородники. У них имелись жилище и примыкающий к нему огород, который нередко засевался зерновыми. Местами огородники держали ту землю, которую они сами своим трудом превратили в пашню. Эти земли не входили в пахотный ареал общины и не были ей подконтрольны. Как подчеркивает Паннах, большинство огородников, «бесспорно, нанимались в качестве свободной наемной силы».¹⁶ Это, очевидно, было характерно вообще для большинства малодворянских держателей земли и, во всяком случае, для членов их семьи.

¹⁵ СВ, вып. 27. М., 1965, с. 225—229.

¹⁶ P a n n a c h Н. Op. cit., S. 42.

Огородники упоминаются в документах Мейссена уже с XIV в., но тогда их было очень мало. С конца XV в. число огородников увеличивается весьма быстро, а в 1547 г. они насчитывают уже 611 семейств. На каждые 74 крестьянских хозяйства приходилось 26 семейств огородников. Халупников и сезонных работников, стоявших на одной ступеньке социальной лестницы с огородниками, в середине XVI в. насчитывалось в округе соответственно 95 и 11 семейств.

Больше всего, однако, проживало в деревнях Мейссенского округа в 1547 г. безземельных (Hausgenossen, Gesinde). Их общее число—6019—превышало на 3547 число держателей гуф, огородников, халупников и сезонных работников вместе взятых.

На примере Мейссенской деревни наглядно виден процесс поляризации крестьянства в XV—XVI вв. С одной стороны, укрупняются отдельные хозяйства, с другой—появляется масса совершенно безземельных людей, вынужденных продавать свою рабочую силу. Социальная окраска деревенской дифференциации не оставляет никакого сомнения.

Хотя мы не располагаем статистическими данными по другим округам за XVI в., мы можем на основе территориального законодательства констатировать, что аналогично развивалась деревня и в других частях Германии.

Как показал в своих исследованиях Р. Вуттке, саксонские законы упоминают наемных людей впервые в 1446 г. Тогда закон отмечал, что часть молодых, неженатых людей ежегодно уходит из страны на заработки, в то время как в ней в нужное время нельзя найти рабочей силы. Закон запрещает выезд из страны с целью наняться по найму и объявляет нарушителей «изгнанниками», которые ставятся вне закона.¹⁷ Как видно, закон вызван нехваткой наемной рабочей силы.

В 1451 г. сельские наемные работники впервые обязываются платить пятипроцентный налог с дохода, а с 1488 г.—дополнительно еще 5% «в пользу борьбы с турками».¹⁸ Если наемные люди облагались налогом, то никто не боялся, что они будут уходить из страны, либо же их уход не отражался на количестве нанимавшихся. Иначе говоря, с 1451 г., очевидно, наемных людей было достаточно. Это подтверждается и законом 1482 г., по которому саксонские герцоги разрешают свободный уход наемных людей за пределы герцогства. Проведенная одновременно денежная реформа снижала заработную плату сельскохозяйственных работников на 25% по сравнению с 1466 г.¹⁹

С 1551 г. имперские власти ставят вопрос о едином максимуме заработной платы по всей стране. Пожалуй, ни в чем императоры не проявляли такой решительности, как в этом.

¹⁷ Wuttke R. Gesindeordnungen und Gesindezwangsdienst in Sachsen bis zum Jahr 1835. Leipzig, 1893. S. 8—9.

¹⁸ Ibid., S. 14.

¹⁹ Ibid., S. 12—13.

Закон саксонских князей в 1543 г. требует паспортов для наемных людей,²⁰ что также свидетельствует об их количественном росте и о возрастании их неблагонадежности.

Исключительно быстро росло количество наемных людей и нищих в Вюртемберге. Графы подчеркивают в своих законах, что нищие не могут найти работы, и создают 4 амбара для хранения зерна, предназначенного для раздачи нищим.²¹ Вопрос о нищих и бродягах волнует власти на протяжении всего XVI в.²²

Таким образом, статистические данные и территориальные законы XIV—XVI вв. для юго-западной Германии, а также для Саксонии и Тюрингии неопровержимо доказывают, что в немецкой деревне существовала тенденция к имущественной дифференциации, которая к концу XV— началу XVI в. приняла социальный характер: небольшая группа богатых крестьян начала эксплуатировать большое число бедных, которые беднели по разным причинам, однако все были вынуждены искать себе пропитание. Одни становились нищими и бродягами, другие — мелкими огородниками, садоводами, виноградарями, ремесленниками, рабочими горнорудных районов, батраками и т. д. Этот процесс совершенно не учитывается теми историками, которые на первый план выдвигают не социально-экономическую проблематику, а природный фактор, не зависящий от истории человеческого общества.

Подводя итоги по главе, подчеркнем следующее.

1) Вместе с победой парцеллярно-крестьянских хозяйств усилились факторы, влиявшие на дифференциацию крестьянства. Вследствие конкуренции между товаропроизводителями, усиления степени феодальной эксплуатации, наступления феодалов на общинные права и т. п., с одной стороны, образуется зажиточная деревенская верхушка, сосредоточившая в своих руках крестьянские надель, а с другой стороны, возрастает категория малоземельных и безземельных крестьян.

2) В середине XVI в. число людей, вынужденных наниматься, в саксонских деревнях превышало число крестьянских семей, владевших землей.

3) Дифференциация к этому времени перестала быть чисто имущественной, она стала социальной: зажиточные и богатые крестьяне, владевшие от 2 до 7 гуф земли (от 20—100 га), систематически применяли в своих хозяйствах наемную рабочую силу. Постоянно прибегали к наемной рабочей силе мейеры на северо-западе и юге Германии. Наемная сила эксплуатировалась в монастырском хозяйстве в Рейнских землях, в Гессене, на землях многочисленных богатых владельцев виноградников, садов и огородов.

²⁰ Pannach H. Op. cit., S. 127—129; Wuttke R. Op. cit., S. 20.

²¹ Reyscher A. L. Vollständige Sammlung der Württembergischen Gesetze. Bd. 12. Tübingen, 1841, S. 19, 70.

²² Ibid., S. 94, 98, 187, 459, 483.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Германии к западу от Эльбы, как и во всей Европе, в XIV—XVI вв. господствующими оставались феодальные отношения. Феодальная земельная монополия, несмотря на заметные сдвиги (деление прав собственности на верховные и владельческие), фактически оставалась незыблемой, производительные силы и методы эксплуатации были преимущественно феодальными. И тем не менее под влиянием товарно-денежных связей в феодальном производстве и присвоении с середины XIV в. наблюдаются прогрессивные тенденции. Наиболее заметной и характерной чертой нового являлась специализация, которая все более настойчиво охватывала сельское хозяйство. Признаком ее было начало формирования отраслей сельскохозяйственного производства: овцеводства, виноградарства, огородничества, производства технических культур и зернового хозяйства. Товарность специализирующихся хозяйств проявлялась не только в производстве продуктов на рынок, но и в возрастании роли наемной рабочей силы.

Специфической особенностью процесса специализации в XIV—XVI вв. является то, что в него оказываются втянутыми прежде всего мелкие, иногда даже крохотные, хозяйства горожан и крестьян. В связи с этим невиданно расцветают огородничество и садоводство, особенно виноградарство. В зерновом и овцеводческом хозяйстве специализация рождает новые формы крупных хозяйств, которые все более явно становятся предпринимательскими. В целом специализация усилила процесс дифференциации. Масса маломощных крестьян, потеряв в результате наступления феодалов на общинные леса и пастбища дополнительные к своему хозяйству источники существования, окончательно разорялась. Процессу дифференциации сильнейшим образом содействовали последствия проникновения в де-

ревню ростовщического капитала.¹ Дифференциация все больше принимала характер социального расслоения деревни на богатую сельскую верхушку и массу обездоленных, вынужденных трудиться по найму.

В обстановке специализации связь деревни с городом усиливалась не только по линии рыночных отношений. Из деревни уходила масса людей в поисках новых источников жизни или просто пристанища. Оставалась в деревне лишь небольшая часть обездоленных, прежде всего те, кто мог прокормиться за счет заработков у богатых односельчан или заниматься сельским промыслом. Основная часть разорившихся уходила в районы развития виноградарства, огородничества и садоводства, в города и промышленные местечки. Определенная часть была вынуждена бродяжничать и просить милостыню. В целом происходил отлив населения из деревни в город. Исторически он начался вместе с отделением ремесла от земледелия. Однако в XIV—XVI вв. им было охвачено значительно большее количество людей, чем прежде. Буржуазная историография, обращая внимание на некоторые стороны этого процесса — бурный расцвет огородничества и садоводства, расширение пастбищ за счет пашни, изменения в структуре скотоводства города за счет деревни и т. п., — совершенно нелепо связывает эти явления с колебаниями в количестве народонаселения. В настоящее время подсчет сокращения и роста населения в XIV—XVI вв. ведется неудовлетворительными методами. Обычно подсчитывают количество сокращения сельского населения по данным об исчезнувших крестьянских хозяйствах или по налоговым спискам. Но при этом совершенно сбрасываются со счетов те люди, которые в результате охарактеризованного нами процесса специализации были вынуждены уходить из деревни или оставались в ней, но не имели там хозяйства и, следовательно, не платили налога. Однако если даже согласиться с так называемой народонаселенческой катастрофой в XIV в., то для историка в первую очередь важно выяснить, насколько этот феномен зависел от социально-экономических факторов, не создавалось ли благодаря наличию толпы нищих и традиции содержания их благоприятной почвы для распространения чумы.

Процесс специализации сельского хозяйства и результаты его в районах к западу от Эльбы не были оторваны от развития феодального хозяйства в Заэльбье. Уже в XIV—XVI вв. Заэльбье развивалось иначе, чем так называемая Старая Германия. Кроме того, что здесь был значительно меньший спрос на аграрные продукты со стороны собственных городов, на развитие сельскохозяйственного производства особенно влияли такие обстоя-

¹ Майер В. Е. Проникновение ростовщического капитала в деревню Германии XIV—XVI вв. — В кн.: Генезис капитализма. М., 1970.

тельства, как, во-первых, нехватка тягловой силы и рабочих рук в крестьянских хозяйствах, созданных в ходе колонизации слишком громоздкими (от 40 и более га земли). Здесь к концу XV в. не только забрасывались наделы, но и во многих хозяйствах не вся пашня находилась под плугом. Во-вторых, спрос на сельскохозяйственные продукты исходил больше всего от зарубежных потребителей — Англии и Нидерландов. Население этих стран нуждалось главным образом в хлебе и шерсти. Специфическая особенность специализации Заэльбья заключалась с самого начала в том, что ее направление не определялось спросом со стороны ближайшего, внутреннего рынка сбыта, а целиком зависело от внешнего рынка. Если, таким образом, специализация земледелия к западу от Эльбы прежде всего являлась составной частью формирования местного рынка, то специализация в Заэльбье отражала начало формирования общеевропейского рынка. В процессе втягивания Заэльбья в орбиту европейского рынка инициативу захватили рыцари, в военном искусстве которых все меньше нуждалось общество. В ходе этого процесса большинство крестьян было лишено пахотных наделов и переселено на небольшие по размерам наделы коссатов и огородников, только небольшая часть крестьян сохраняла свои наделы и даже увеличивала их, однако все крестьянство, независимо от размеров хозяйств, прикреплялось к земле и феодалу. Все обязывались выполнять барщину: коссаты и огородники — ручную, зажиточные крестьяне — упряжную. Так одержало верх второе издание крепостного строя. К концу Тридцатилетней войны Заэльбье превратилось в феодальный заповедник, где в крупных рыцарских хозяйствах работали барщинники и обязанные трудиться по найму дети барщинников.

В историческом плане Заэльбье на протяжении господства феодализма играло большую роль в развитии всей Германии. В период колонизации оно было заметной отдушиной для феодальной деревни, куда устремлялись крестьяне, которым угрожало полное разорение. В период с XIV по XVI в. Заэльбье развивалось исключительно медленно: крестьянские хозяйства, которые тогда преобладали, деградировали и разорялись. Заэльбье не было втянуто в процесс специализации, характерный для земледелия к западу от Эльбы. Противоречия здесь были иного характера. Именно особенностью развития деревни Заэльбья объясняется то, почему его крестьянство почти не участвовало в Крестьянской войне и почему там запоздала Реформация. Зато заэльбские феодалы активно участвовали в подавлении Крестьянской войны. Если крестьянам к западу от Эльбы, несмотря на поражение, удалось предупредить слишком суровые формы феодальной реакции, то ничего подобного не случилось в Заэльбье. С XVI и до начала XIX в. Заэльбье было оплотом феодализма в Германии.

Из сказанного выше видно, что XIV—XVI вв. для районов к западу от Эльбы не могут быть оценены как упадок в земледельческом производстве. Наоборот, подтверждается мысль К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что улучшение земледелия, превращение огромных пространств пахотной земли в пастбища, бродяжничество — явления, характерные для начала «распада феодализма».² К началу Реформации — этого первого акта буржуазной революции социальное-экономическое развитие немецкой деревни к западу от Эльбы достигло такого уровня, при котором положительный исход классовых боев против феодального строя мог бы открыть пути дальнейшему развитию ростков новых прогрессивных производительных сил и общественных отношений.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СВ — Средние века.

AWL — Altwürttembergische Lagerbücher aus der österreichischen Zeit 1520—1534. Bearb. von P. Schwarz. Bd. I. Stuttgart, 1958; Bd. II. Stuttgart, 1959.

AWU — Altwürttembergische Urbare aus der Zeit Graf Eberhards des Greiners. (1344—1392). Bearb. von K. O. Müller. Stuttgart — Berlin, 1934.

Jbb. f. NÖ. u. St. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Stuttgart.

VSWG — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Wiesbaden.

ZAA — Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie, Frankfurt-am-Main.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Источники, литература, постановка вопроса	5
Источники	—
Историография	13
Постановка проблемы	25
Глава II. Новые тенденции в развитии скотоводства и их влияние на социальный строй деревни Германии XIV—XVI вв.	30
Глава III. Специализация мелких хозяйств деревни и города Германии XIV—XVI вв. на производстве огородных, садовых и технических культур	63
Успехи огородничества и садоводства в XIV—XVI вв.	64
Специализация на выращивании винограда	78
Социально-экономические последствия развития виноградарства	86
Специализация крестьянских хозяйств на производстве вайды	93
Положение крестьян, специализировавшихся на производстве вайды	102
Специализация крестьянских хозяйств на выращивании льна	106
Глава IV. Основные тенденции развития сельского хозяйства в районах производства зерна в Германии XIV—XVI вв.	111
Сельскохозяйственные орудия и агротехника в Германии XIV—XVI вв.	112
Отчуждение крестьянских держаний	129
Глава V. Имущественное положение крестьянства Германии к западу от Эльбы в XIV—XVI вв.	137
Заключение	163
Список сокращений	167

ИБ № 616

Майер Вильгельм Евгеньевич

Деревня и город Германии в XIV—XVI вв.
(развитие производительных сил)

Редактор *И. П. Комиссарова*

Художник *Б. Н. Осенчаков*

Художественный редактор *А. Г. Голубев*

Техн. редактор *А. В. Борщова*

Корректоры *И. П. Губерер, М. В. Унковская*

Сдано в набор 18.09.78.	Подписано в печать 11.01.79.	М-31992
Формат 60×90 ¹ / ₁₆ .	Бум. тип. № 3. Печ. л. 10,5.	Высокая печать.
Литературная гарнитура.	Уч.-изд. л. 11,72. Тираж 1469. Заказ 331.	Цена 84 коп.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград В-164, Университетская наб.		

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова, 199164, Ленинград В-164, Университетская наб. 7/9.